This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

A 459248

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817

D/78650 9

9 Sbornik iz istorii staroobriâd-stva.
2
1-50
Гел-1982
340

СБОРНИКЪ

ИЗЪ ИСТОРІИ

СТАРООБРЯДСТВА.

Изданіе Н. И. Попова.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Каткова и К°).
1864.

9

BX
601
.S38

Дозволено цензурою. Москва. Февраля 12-го дня, 1864 года.

St Pub. Hist. Lib.
3-11-78

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Краткая и достовѣрная повѣсть о Бѣлокриницкихъ расколницѣхъ **П. Аѳанацковича.**

II. Основаніе Бѣлокриницкой обители въ Буковинѣ, изъ старообрядческой церковной исторіи инока Бѣлокриницкаго **Павла Васильева.**

III. Документы, касающіеся условія съ заграничнымъ митрополитомъ Амвросіемъ, изъ старообрядческой церковной исторіи инока Бѣлокриницкаго **Павла Васильева.**

IV. Письмо къ **образованному** старообрядцу, принадлежащему къ расколу-поповщинѣ.

V. Разсказъ **дяди Онисима.**

VI. Кто такіе были епископы Рогожскаго кладбища **Антоній** и **Пафнутій:**

а) Краткая біографія Антонія, нынѣшняго главы старообрядческой іерархіи въ Россіи.

в) Пафнутій старообрядческій епископъ.

VII Разсказъ о Рогожскомъ кладбищѣ бывшаго старообрядца.

VIII. Письмо о смерти и погребеніи **Ильи Алексѣева Ковылина** Луки Терентьева къ Василію Иванову верейскому.

ПОВѢСТЬ

КРАТКАЯ и ДОСТОВѢРНАЯ

О

РАСКОЛЬНИЦѢХЪ,

на соблазнъ и позоръ

ПРАВОСЛАВНЫЯ НАШЕЯ ВОСТОЧНЫЯ ЦЕРКВЕ

въ сія послѣдняя времена прошибающихся.

Изданна

ПЛАТОНОМЪ АѲАНАЦКОВИЧЬ,

Епископомъ Будимскимъ

въ Будинѣ.

Писмены Кр. Всеучилища Венгерскаго [illegible].

Отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ: аще бы отъ насъ были, пребыли бы убо быша съ нами.

1 Іоан. гл. 2, ст. 19.

Гласъ въ рамѣ слышанъ бысть, плачъ и рыданіе и вопль многъ: Рахиль плачущися чадъ своихъ, и не хотяше утѣшитися, яко не суть.

Іер. гл. 31, 15. Матѳ. гл. 2, ст. 18.

I.

ПОВѢСТЬ

о

БѢЛОКРИНИЦКИХЪ РАСКОЛНИЦѢХЪ

ВЪ БУКОВИНѢ.

Во велицѣй и преславной Державѣ Россійской, издревле въ благочестіи свѣтло сіяющей, и залогъ православныя Вѣры цѣло нерушимо же и свято хранящей, суть нѣкотори невѣжды или паче безумцы, иже, яко бы по благовѣрію ревнующе, въ самомъ же дѣлѣ воистину духомъ противности и самопроизвольностію мнѣнія водими, отлучиша себе и отторгоша отъ союза Церковнаго, чесо ради, Отщепницы, Отщепенцы, Расколницы и Раскольщицы наричутся, или, якоже они сами себе радо называютъ, Старовѣрцы.

Зло сіе воспрія начало свое издавна и убо отъ временъ Благочестиваго Царя Алексіа, Отца славному Императору и Самодержцу Всероссійскому Петру Великому. Кіимъ же поводомъ и кіихъ ради винъ? — Послушайте!

Во времена оная въ Державѣ Россійстѣй книги Церковныя, отъ старыхъ невѣжественныхъ Преписарей многими погрѣшностьми обезображенныя, совѣтомъ и раченіемъ самыя Церкве подвергнуты бѣша строгому разсмотрѣнію и по самѣмъ своимъ ихъ подлинникомъ, книгамъ сирѣчь Греческимъ исправленныя; симъ же всяко согласнѣ, печататися начаша.

Добрѣ обаче вѣдущи Церковь Святая Россійская, яко книги тыя не ины каковы бяху, развѣ оныя самыя

Церковно-Славянскія, яже не въ Россіи точію во употребленіи и благоговѣйномъ уваженіи храняхуся, но и во всѣхъ иныхъ такожде странахъ племени и языка Славянскаго, Вѣру православную исповѣдающихъ, еще же (въ тая времена) и у самѣхъ даже Влаховъ: по той убо винѣ дѣла сего толь великаго никакоже единою своею волею и властію, совершити восхотѣ, но препоясуется на подвигъ той всякою подобающею мудростію, сотворивши явѣ повсюду Боголѣпное свое намѣреніе. По тому благословеніемъ Святѣйшаго Вселенскаго Патріарха Константинополскаго Кѵръ Паисіа, яко перваго Восточныя Церкве Предстоятеля, снидеся въ царствующемъ градѣ Москвѣ Соборъ Духовныхъ Властей, не Россійскихъ токмо, но и отъ всего такожде Православнаго Востока, наипаче же отъ странъ Славяно-Сербо-Болгарскихъ и Валахійскихъ, имже предхождаху Патріархъ Сербскій Гавріилъ и Молдаво-Валахійскій Митрополітъ Гедеонъ, соприсутствующу Всероссійскому Патріарху Никону, надъ всѣми же предсѣдательствующу Блаженнѣйшему Патріарху Антіохійскому Макарію. На семъ Соборѣ, торжествованномъ въ лѣто Господне ҂ахнє дѣло ся сіе законоположи, устапови и въ рядъ приведе.

Обрѣтошася обаче Противницы, иже по скудоумію и невѣдѣнію своему таковое исправленіе книгъ премѣненіемъ самыя Вѣры и древняго Православія поврежденіемъ быти возмнѣша. Кто же бяху сіи Противницы? Сущіи неу́цы и невѣжды отъ простаго народа малограмматни, паче же и отнюдъ безграмматни, имуще во главу угла̀ нѣкихъ Изверженниковъ изъ духовнаго Чина, а имянно: Растригу Протопопа Аввакума, ра-

стригу Попа Никиту нареченнаго Пустосвята, Растригу Діакона Ѳедеку, его же самъ Протопопъ Аввакумъ обычнѣ называше «Косая Собака». Таковіи дерзнуша помыслити и проповѣдати, аки бы помянутаго ради исправленія книгъ не Россійская токмо но и вся Восточная Церковь, на оное изволѣвшая, изгубила свое Православіе, и ктому нѣсть истинная Христова Церковь: себе точію, иже при старыхъ испорченныхъ книгахъ осташа, единѣми истинными Христіанами и древняго благовѣрія правыми хранителми мняще, держаще и возглашающе. Студъ же ей и срамота есть изрещи, что сіи юродивіи въ основанія своего мнимаго благовѣрія полагаху. А что тоже? Сѐ скудоумная и безмѣстная тая таинства, еже сирѣчь:

Въ пѣніихъ и чтеніихъ церковныхъ Аллилуіа, не трижды, но точію дважды глаголати.

Святое Христа Спасителя имя не Їисъ или Іисусъ, но Їсъ или Ісусъ писати.

Божественную Литургію не на пятми, но на седми просфорѣхъ совершати.

Крестное знаменіе на себѣ не треми, но двома токмо перстома творити.

И самый честный крестъ токмо осмоконечный или отъ четырехъ древъ устроенный почитати, четвероконечный же или отъ двою древу составленный ниже крестомъ нарицати но крижемъ Латінскимъ, и (о злочестиваго безумія! оле крайнія слѣпоты и буести!) мерзостію запустѣнія и печатію Антихристовою злословити хулнѣ.

Пребѣжавшему къ себѣ отъ Епіскопа (Россійскаго) Священнику священнодѣйствіе не дозволяти прежде,

неже для того нѣкоторое особенное дѣйствіе и разрѣшеніе надъ нимъ совершится.

И ина многа подобная, или еще и горшая о нихъ же не лѣть глаголати подробну.

Къ предисчисленнымъ симъ придѣша еще нѣкая и таковая, яже чина и устава церковнаго отнюдъ не касахуся, но паче мірскимъ обычаемъ принадлежаху, Расколниками же въ знаменія истиннаго благовѣрія вмѣненна быша, якоже:

Браду и усы подстригати, много менше брити, въ грѣхъ смертный—вящшій неже человѣкоубійство — поставляти.

Нюханія и куренія табачнаго зелія паче, неже піянства и блуда, гнушатися.

Во одѣяніи, пищи и питіи, устроеніи домашнемъ и градстѣмъ всяко премѣненіе и полѣпшаніе, яко нечестивую ересь и безбожное зловѣріе, презирати и анаѳематствовати.

Сицевая нелѣпая и безумная мудрствующе, Расколницы, аще бы мирни и тиси въ жителствѣ своемъ пребывали, поистинѣ въ томъ своемъ сланомъ зловѣрія мори ничесоже развѣ сожалѣнія и состраданія достойни быша были бы. Но, занеже зломудріемъ своимъ хвастающеся явѣ на всю Церковь Православную возстаяти и Божественное ея священноустройство всякими порицаніями и хулами велегласнѣ сквернословити не убояшася, и самая того ради Церковь по многократныхъ матерскихъ увѣщаніихъ, яже вся убо всуе быша, понужденною себе видѣ, воздвигнути на непокоривыя отметники жезлъ строгаго суда и наказанія. Въ лѣто убо Господне ,а҃х҃з҃ г. созвася въ Москвѣ вторый великій, иже и вселенскій нарещися можетъ,

Соборъ, на немъ жъ сосѣдяху Святѣйшіи Патріарси: Паисій Александрійскій, Макарій Антіохійскій и Іосафъ Всероссійскій, со множествомъ многимъ православныхъ Преосвященныхъ Митрополітовъ, Архіепископовъ, Епископовъ, и прочихъ Духовныхъ Властей Греческихъ, Сербскихъ такожде, Болгарскихъ и Валахійскихъ, купно съ Россійскими. Ту противленіе и буйство Расколниковъ соборнѣ судимо и осужденно бысть: преданни же быша клятвѣ и анаѳемѣ отъ нихъ они, иже подъ тиною очесе умнаго покаятися не восхотятъ, и отъ зломудрія своего, наипаче же отъ безбожнаго злохуленія на Святую Божію Церковь, престали не будутъ.

И сіе бысть речемъ, послѣднее смятеніе въ православнѣй Церкви, еже требоваше Соборнаго Вселепскаго разсмотрѣнія и дѣянія: Расколники бо Россійскими скончася и заключи зміиная цѣпь Возмутителей мира и покоя Церковнаго, начатая отъ Сімона Волхва, потомъ продолжаемая Аріемъ и Македоніемъ, Несторіемъ же и Евтихіемъ, и иными сосуды еретіческаго злочестія, ихъ же проклятіе святыхъ и Богоносныхъ Отецъ на святыхъ Вселенскихъ и Помѣстныхъ Соборѣхъ сокруши въ роды родовъ и во вѣки вѣковъ.

Тако пораженнымъ бывшимъ Расколникомъ, преста явный соблазнъ, зміиный обаче Расколничества ядъ не у вконецъ истребися. Обрѣтошася бо упорніи и нераскаянніи, отъ коихъ мнози, поелику уста имъ загражденна быша на хуленіе Церкве, отбѣгоша въ пустыни и дебри непроходимыя, или во страны чуждыя иновѣрныя, идѣже дерзости ихъ ничто же обуздоваше: елицы же въ градѣхъ или въ весехъ станишася

православныхъ, тіи сограднша си клѣти и вертепы, аки бы на истинное священнослуженіе Богу вслѣдь древняго благовѣрія, истѣе же на Богопоруганіе и Богоскорбленіе. Нѣмцы бо, отнюдъ суще безъ Священниковъ, священная сами не священнѣ дѣяти дерзнуша: друзіи же скитающихся, отъ православныхъ Архіереевъ отлученныхъ и изверженныхъ, Поповъ искати тщахуся, ихъ и святотатственными руками страшная и всесвятѣйшая Христова таинства несвященнодѣйствоватися и сквернити соизволяху. Тѣмъ же и наричутся въ Россіи они Беспоповцы, сіи же Бѣглопоповцы, единаго злаго корене двѣ злѣ вѣтви, ею-же кая горша есть изрещи неудобно.

Лѣтомъ обаче мимотекущимъ и невѣжеству въ народѣ убывающу, просвѣщенію же, аще и помалу, но опять прибывающу, студъ и зазоръ бысть самѣмъ Расколникомъ, яко въ таковое безобразіе и бесчиніе низринушася. Наипаче глаголеміи Бѣглопоповцы, иже не тако конечнѣ страха Божія отпадоша, да священная не освященными Простолюдинами дѣйствоватися мощи непщевали бы быша, всячески трудитися начаху, воеже изобрѣсти себѣ Архіереа и утвердити Престолъ Епископскій, да скопищамъ ихъ поне образъ и видъ правилнаго законнѣ рукоположеннаго Священства пріобрящется. Въ сицевыхъ убо искательствѣхъ обращахуся ко многимъ Святителемъ, наипаче же внѣ Державы Россійскія находящимся всячески я прелщающе, да жезлъ Пастырства надъ Расколниками воспріимутъ: но никогоже нигдѣже отъ православныхъ Іерарховъ обрѣтаху, лестнымъ внушеніямъ ихъ послушнаго: никто же бо дерзаше пойти на совѣтъ нечестивыхъ, ниже предстояти на пути безумныхъ, и на сѣ-

далищи зловѣрцевъ началствовати, клятвою соборною связанныхъ и пораженныхъ. Тако отриновенніи и прогнанніи отвсюду, умыслиша на конецъ восхитити лестію и обманою, еже прямо получити не можаху — сѐ како то: Калогера нѣкоего, развратника и піяницу, златомъ многимъ купивше ѝ, посылаютъ во страну Молдаво-Валахійскую въ градъ Іáсси къ Митрополіту тамо священноначалствующему, ему же и писаніе нѣкое лживое, аки бы отъ православнаго Митрополіта Кіевскаго въ Россіи, составиша и препоручиша, да онаго Лстеца посвятитъ во Епїскопа въ нѣкій градъ Кіевскія области.

Пріемлется въ градѣ Іáсси писаніе сіе, и Волкъ облекается во одежды Пастырскія. Изшедшій обаче на ловитву сей окаянный Лжепастырь, именовавшійся Епіфаній, невозможе утвердитися нигдѣже, не точію въ Державѣ Россійстѣй, но ниже и во странахъ Полскихъ и Турскихъ, идѣже Расколницы живяху: обманѣ бо изобличеннѣй бывшей, мерзокъ бысть таковый Святокрадецъ и Полскимъ Римляномъ. Сице принужденъ бѣ Калогеръ Епіфаній сей скитатися, бѣгая отъ страны въ страну и крыяся въ пристанищахъ Расколническихъ, дондеже ятъ бысть яко скитница и возмутитель, и въ заточеніе ввержен, идѣже злохудожную душу свою злѣ испусти.

Таже явися и другій Калогеръ именемъ Аѳиногенъ, бѣглецъ отъ единаго изъ монастырей Московскихъ. Сей, Іеромонахъ точію сый, ниже и вида посвященія Архіерейскаго промыслити себѣ потщася, самъ ся наименовавъ Епископомъ нача дѣяти Архиерейская у Расколниковъ. Сего новаго волка, самоволнѣ оболкшагося въ санъ Пастырскій, конецъ бѣ

смѣха великаго достоинъ, наруу́чна бо бываетъ и посмѣятелна нечестивыхъ пагуба. Возгнушався сирѣчь Аѳиногенъ лжесвятителствовати, отай бѣжа отъ Расколниковъ къ сущему еще тогда Кралю Полскому во Варшаву и тамо въ сонмицу Кралевскихъ Воиновъ пріяти себѣ сотвори, въ блудодѣяніи явномъ и піянствѣ безмѣрномъ иждивая богатства, имъ же отъ Расколниковъ угобзаемь бяше. Но прежде, неже поругатися тако Расколникомъ, Самозванецъ сей остави имъ третіяго Наслѣдника и Продолжителя лсти: старца нѣкоего юродиваго именемъ Анѳима, его же самъ рукоположи во вся степени священнаго Чина, и даже во Архімандріта произведе, послѣди же и Епіскопомъ постави. Како сіе послѣднее приключися, ясно да услышимъ и дивимся! Въ день единъ уреченный повелѣ онъ сему юроду, далече на странѣ находящемуся, облекатися во одежды Архіерейскія, самъ тому обѣщавый, яко въ той истый часъ будетъ чести молитвы на Святителское рукоположеніе прописанныя. Божіе обаче смотрѣніе попуусти, да въ тойжде день и часъ, егда Анѳимъ возлагаше на себе Епіскопскій санъ, Аѳиногенъ бѣ уже во Варшавѣ, бріяй себѣ браду, препоясуйся мечемъ и пріемляй люлю табачную во уста, еже послѣднее грѣхъ, якоже речеся, паче всякаго грѣха по Расколу быти мнится. Но и сіе толикое соблазнителное событіе не вразуми слѣпоты и ожесточенія Расколниковъ, и Анѳимъ сей, пріимшій таковое безобразное посвященіе, признанъ и почтенъ бысть отъ нихъ яко истинный Святитель.

По краткомъ обаче времени, устыдившеся сами себе, наипаче же срамящеся крайняго скудоумія и юродивости Анѳимовы, устремишася Расколницы на сего

новаго своего Лжесвятителя, и, вземше его яростно, ввергоша и безъ милосердія въ рѣку Днѣстръ (яже тогда подъ властію Турскою бяше), и утопе бѣднѣ во водахъ. Тако оное въ началѣ смѣхотворное позоріе страшнымъ концемъ увѣнчася!

Сицевыми злоключеніи осуетишася надежды Расколниковъ, и гордыня ихъ сотреся: многихъ же и благодать покаянія коснуся, помышляющихъ и разсуждающихъ, яко, аще бы въ мудрованіихъ своихъ воистину правою стезею шествовали, не бы таковый позоръ и срамъ на ня пришелъ былъ по реченному: всякъ совѣтъ, иже отъ Бога есть, станетъ, а всяко дѣло, еже нѣсть отъ Бога, разорится. Таковіи поспѣшиша абіе возвратитися въ лоно матери Церкве православныя, наипаче егда совѣтомъ Святителей православныхъ уложенно бысть, да немощнымъ совѣстію не запретится употребленіе старыхъ книгъ и обычаевъ, аще точію искреннѣ обратятся на путь добрый, и со истинною православною Церковію въ соединеніе вѣры и общеніе любве благочестнѣ пріидутъ. Сіи суть, иже и нынѣ въ Державѣ Россійстѣй глаголются Единовѣрцы, отъ Расколниковъ возвратившіися и отъ сыновъ тмы и осужденія содѣявшіися паки сынове свѣта и благословенія.

Елицы же и посихъ пребыша не вразумленни и не исправленни, тѣмъ окамени сердца діаволъ, отецъ противленія, и омрачи смыслъ до конца, яко очи имѣти и не видѣти, уши имѣти и не слышати. Таковіи осташа при бѣглыхъ Попѣхъ, Чинъ свой Священства своеволно поругавшихъ, и яко новіи Іскаріоти благодать Божественную, дарованную имъ возложеніемъ рукъ Святителей Православныхъ, цѣною

нѣколикихъ сребренниковъ продающихъ. Но пріиде напослѣдокъ области темной година, время, яко и сіи Христопродавцы начаша оскудѣвати, свѣту бо просвѣщенія болше и болше разлывающуся, не обрѣтахуся къ тому въ духовнѣмъ Чинѣ Россійстѣмъ Наемницы подобни, еще же и отъ тѣхъ такожде, иже себе въ соблазнъ ввлещи попустиша, и лѣта уже доволна у Расколниковъ поповствоваша, мнози въ себе приходяще и раскаявшеся, со тщаніемъ въ единовѣріе прелагахуся, ниже въ сія послѣднія дни во всей пространнѣйшей державѣ Россійской лишше отъ три либо четыре Попа еще есть, иже пребываютъ упорно съ нѣкими останки не раскаянныхъ Расколниковъ. Не далеко убо бяше время, егда раздранная Расколомъ паки вся во едино собратися имѣла бы, яко да будетъ въ Православной Церкви по слову Спасителя «едино стадо и единъ пастырь», иже есть самъ Христосъ Богъ.

Воскрежета обаче яростію и злобою змій оный древній, иже нѣкогда низверженъ во адъ отторже съ собою третію часть звѣздъ небесныхъ, и нача всячески искати пяту, идѣже бы угрызнути торжествующее Православіе: и се видимъ како обрѣте!

Но се рѣки наша иже Вавилонскія, здѣ намъ навербіихъ обѣсити органы наша, здѣ сѣсти и плакати намъ надобно. Откуду же начнемъ плакатися, или кое положимъ начало рыданію? Кто дастъ главамъ нашимъ воду и очесемъ источникъ слезъ?

Истина убо есть, яко міръ сей привременный весь во злѣ лежитъ, исполнь скорбей и болѣзней лютыхъ. Бѣды и напасти повсюду: бѣды во весехъ, бѣды и во градѣхъ — бѣды отъ огня, бѣды отъ потопа — бѣды отъ глада, бѣды отъ смертоносныя язвы: бѣды

сихъ горшія по страстемъ воюющимъ въ людехъ, по гнѣву, злобѣ, братоненавидѣнію. Но во всѣхъ сихъ мы Православніи Христіане, нѣсмы безъ покрова и помощи, нѣсмы отчаяваеми, имѣюще въ тѣхъ всѣхъ прибѣжище вѣрное, пристанище благоотишное и не оборимое: ЦЕРКОВЬ БОЖІЮ СВЯТУЮ. Тамо теплыми молитвами притекающе, тамо возвергающе печали наша на Господа и на Христа Его, обрѣтаемъ утѣшеніе и спокой: тамо всякое утоляется воздыханіе, всякая изсыхаетъ слеза, скорбь въ радость прелагается и болѣзнь въ животъ.

Что убо речемъ, или что возглаголемъ, егда и Церковь, Матерь сію нашу Богоблагодатную, сію Единую Помощницу и Покровителницу нашу въ злостраданіихъ житейскихъ, САМУЮ злострадати, САМУЮ болѣзновати и скорбѣти видимъ? — Возопіимъ со Пророкомъ въ перси біюще: «Обратитеся и видите, аще есть болѣзнь, яко же болѣзнь наша, а аще есть скорбь, якоже скорбь наша!»

Обратитеся убо и видите, Православніи Христіане, чесому неизслѣдимая въ совѣтѣхъ своихъ премудрость Божія быти попусти и содѣятися во дни сія предъ очима нашима. Многа злая подобаше претерпѣти Божіей Церкви во времена прежняя, яко злато искушашеся она въ горнилѣ страданій, яко шипокъ цвѣташе въ терніи скорбей. Бѣху вѣкове гоненій и мучителствъ, егда кровь Христіанская пролывашеся яко вода, егда имене ради Христова предаваше братъ брата на смерть и отецъ чадо: но мимо идоша и се не суть. Бѣху вѣкове раздоровъ и ересей, егда среди самыхъ Христіанъ — внутрь святилища Церковнаго — возстаяху бури суетныхъ мнѣній и лжеученій, егда солнце истины омра-

чашеся, и вѣры основанія колебахуся: но мимо идоша и тіи такожде, и се не суть. Бѣху времена нужды, тѣсноты и унынія, егда истинная Православная Церковь Христова, аки иногда Ісраиль на рѣкахъ Вавилонскихъ, плѣномъ тяжкимъ одержима отъ Враговъ ондѣ внѣшнихъ, овдѣ же и внутреннихъ, сѣдяще сѣтующи, яко мимо ходящимъ покивати главами, и ругающеся глаголати: «гдѣ есть Богъ твой»! И та исполнь скорби, туги и жалости времена минуша, и се не суть. Воистину ничто же бы подобало бяше нынѣ намъ, чадомъ Церкве Православныя, точію радоватися и ликовати, славити неизреченныя милости Господня, и со дерзновеніемъ взывати: «разумѣйте языцы — яко съ нами Богъ»!

Но не дремлетъ врагъ, человѣкоубійца искони, иже аки левъ ходитъ рыкаяй, искій кого поглотити. Князь тмы сый, во тмѣ устрои злокозненный ковъ, да возмутитъ мирное торжество нашего святаго Православія. Како же бысть сіе? Наставимъ глубокимъ воздыханіемъ и горкимъ плачемъ предранную сію нашу краткую повѣсть, и скажемъ по ряду:

Суть во Австрійстѣй нашей Державѣ въ странѣ зовомой «Буковина» нѣцы отъ Расколниковъ Россійскихъ, отдавна изъ отечества своего тайно отбѣгшихъ. Ту во окружіи Черновичкомъ въ веси нарицаемѣй — «Бѣлая Крѣница» (Фонтена алба) сограднша Бѣглецы сіи аки бы и храмъ, егоже и освяти имъ нѣкій бѣглый изъ Россіи Попъ на антімінсѣ изъ Россіи украденномъ. Властемъ земскимъ ничтоже зазирающимъ, яко Римско-Западнаго Вѣроисповѣданія сущимъ, подобни бѣгли Попове продолжаху и послѣ бѣгати сѣмо изъ Россіи, и въ Молитвенницѣ сей Расколнически

поповствовати. Обаче чрезъ долгое время ничтоже горшее приключашеся, донелѣже не точію Попове, но и иніи Бѣглецы Россійстіи въ сіе безопасное прибѣжище Раскола притекати и тамо любезнѣ пріиматися начаху, имя Філіппоновъ рàдѣеже Липованновъ себѣ надѣвше. Таковыхъ скитницъ собрася на послѣдокъ скопище доволно, иже нынѣ въ цѣлой Буковинѣ и то точію въ Черновичкомъ окружіи три общества въ Бѣлокѣрницѣ, Климуцѣ и Миттоцѣ изъ двою тысящу шестнадесятыхъ особъ составляютъ, сограднвше себѣ особенное гнѣздилище во веси Бѣлокѣрничкой на подобіе и чинъ аки бы Монастыря устроенное. Кто же бяху сіи мними новаго Монастыря Монаси и Братія? Вси отъ послѣднія въ Россіи черни, иже вся, яже во отечествіи имѣяху, пропиша и прометоша, друзи тунеядцы, всякаго честнаго труда чуждающіися, и хлѣбъ въ потѣ лица своего снѣдати отнюдъ не хотящіи, — ови службы подданническія и прочихъ законныхъ обвязаній избѣгающіи, ини же, явніи преступницы и злодѣи, грозящаго си праведнаго суда и наказанія бѣгствомъ избывающіи. Разумѣша обаче на конецъ и Власти гражданскія, каково насажденіе сіе есть: тѣмъ же и подвигошася подавити е, и съ корнемъ исторгнути изъ земли Буковинскія. Но, сѣмени злому уже въ древо веліе возрастшу, въ то самое время, егда Начàлство Буковинское и вышшее Правителство Галіційское единогласнѣ опредѣляютъ, убо и поставляютъ, да по закономъ земскимъ мнимыхъ тѣхъ Монаховъ гнѣздилище въ Бѣлокѣрницѣ разоренно будетъ, и привитающіи въ немъ Скитницы распудятъ ся, разсыплютъ и изжденутъ, внезапу волнующаяся на ня сія буря утишается, совѣщанная о нихъ тяжкая прелагаются въ ра-

дость ихъ, исшедшей лѣта ҂аѿмд года Октобрія дне 14, заповѣди Правителства, да помянутіи Иноцы безмятежни и беспечални тамо, идѣже пребываютъ, и далше останутъ, и пребудутъ; еще и соизволенію воспослѣдовавшу, яко могутъ они искати себѣ и Епіскопа, иже бы въ Монастыри ихъ Бѣлокѣрничкомъ престолъ свой держати, и Архіерейская беспрепятственно и не возбранно по угодностемъ Расколниковъ дѣйствовати имѣлъ.

Кіими непостижимыми хитростми, кіими сокровенными способами и средствами учинися сіе дивное никакоже ожиданное событіе? То могутъ вѣдѣти главніи Бѣлокрѣничкія дубравы жителіе, имъ же имена: Алѵпій (Милорадовъ) и Павелъ (Васіловъ). Сіи не зѣло давно отъ странъ Россійскихъ изшедшіи, Бѣглецы, толико же дерзски колико лукави суще, сами личнѣ яхуся путешествія во Віенну, идѣже, надолзѣ бавившеся, вся по умышленіямъ своимъ успѣшно въ помянутомъ лѣтѣ совершиша. О дивнаго чудесе! грубымъ и буимъ Простакомъ удается успѣхъ таковый! Алѵпіемъ и Павломъ совершаются толь дивная великодѣйствія! Кто же Алѵпій? кто ли Павелъ той? Тма кромѣшняя покрываетъ прежняя дѣянія Алѵпіева, яко не вѣдѣти никомуждо, ни кто и что онъ прежде бѣ, ни гдѣ живяше, ни что творяше во отечествіи своемъ: отонюдуже лѣть есть заключити, яко не всуе во тмѣ таковой крыется, по реченному: «иже любитъ тму, ненавидитъ свѣтъ, яко да не явятся дѣла его, яко злая суть.» Сущимъ невѣждею и неукомъ и то его явѣ творитъ, что ниже чтенія даже и писанія Россійскаго искуству добре навыче, исполнь убо въ прочемъ природныя хитрости и коварства. О Павлѣ

же извѣстно, яко Возатай бяше во градѣ Россійскомъ Валдаи, идѣже и нынѣ братія его единоутробная въ подобныхъ найнѣхъ обрѣтаются. Павелъ же, лѣнивецъ сый и празднолюбецъ, возжела паче скитатися и тунеядствовати, чесо ради остави домъ, родъ и службу, послѣди же и самое отечество свое такожде. Скитница сей вѣдаетъ и чести и писати Россійски, наипаче искуствомъ старыхъ Расколничкихъ книгъ хвастается: прочее же таковый неукъ и невѣжда есть, якоже и Алупій. И сія то двоица толь чудное и не слышанное дѣло совершити возможе.

Радощами веліими возрадовахуся Бѣлокрѣничкіи Самцы, таковое благоволеніе ощутивше. Избираютъ убо абіе Монастырю своему настоятеля, единаго отъ Клевретъ своихъ именемъ Геронтія, и того подъ видомъ Купца посылаютъ въ великую Державу Россійскую, да возвѣститъ тамошнимъ Расколникомъ, яже у нихъ содѣяшася нарочито обаче да соберетъ довольнія пѣнязи къ совершенію ихъ злоумышленія на Церковь Православную. Отъиде же Геронтій, и достиже даже до царствующаго града Москвы и до славнаго Петрограда, образъ нося акибы Торговца Австрійскаго, яко же и самый пассъ его ложнѣ свидѣтелствоваше. Но привидный Купецъ сей не имѣяше иныхъ съ собою товаровъ, кромѣ рѣчей лстивыхъ и хитрыхъ проповѣданій о Богодарованнѣмъ Расколникомъ Епіскопствѣ. Сія обаче вся отай онъ повсюду разсѣяваше; еще же и ікону нѣкую съ собою ношаше, на ней же нѣкто въ санѣ Епіскопскомъ живописанъ зряшеся, о немже Лстецъ сей повѣдаше, яко той самый и есть Епіскопъ, уже обрѣтшійся, и на Расколъ соизволившій. Таковыми баснми обаянни быша нѣцы скудоум-

ніи но богатіи Расколницы въ Россіи, наипаче жены, иниже по глаголемому власи долги но разумъ кратокъ: и отверзше сокровищницы своя, ущедриша Баснотворца зѣло, иже и возвратися со дары тѣми же во своя си.

Между же тѣмъ въ самой Буковинѣ издавна живущіи Расколницы не имѣяху ни вѣры ни послушанія возгнѣздившимся въ нихъ Скитницамъ, и ниже слышати хотяху о Епіскопствѣ и Епіскопѣ, колми паче отъ имѣній своихъ что даровати на дѣло сіе, ему же благаго конца и совершенія ни какоже чаяху, видяще въ томъ едину точію слѣпоту надмѣнныя гордыни и властолюбія Монаховъ, имже нарочитый и заклятый Противникъ бяше Поглаварь Бѣлокѣрничкія веси по названію своему Купреянъ Тимоѳеевъ, мужъ малаго разума но великаго упрямства. Сей явно и велегласно взываше и учаше, яко начинанія Монаховъ Бѣлокѣрничкихъ, истинному благовѣрію весма противная, не къутвержденію и возвышенію но паче ко конечному разоренію Раскола служити имутъ, законопреступна бо суть и святотатственна: сице, яко новая ослица Валаамова, пророчествуяй сущую истину отъ устенъ несмысленныхъ. Молчаху же Монаси Крамолницы, не имуще чего отвѣщати, и въ молчаніи нестерпѣливо ожидаху возвращенія изъ Россіи Геронтіева. Егдаже пріиде Лжекупецъ посланникъ Геронтій вспять, носяй рубли Россійскія, тогда звонъ сихже заглуши во ушесѣхъ ихъ прерѣканія и злословія Обличителева, въ сердцѣ же надежду укрѣпи, яко предначатая ими въ совершеніе незакосненнѣ воспріидутъ.

Безъ всякаго убо отложенія возстаета абіе вновь горѣпомянута Алупій и Павелъ, и препоясавше чресла своя, отдаетася на исканіе себѣ Епіскопа.

Идостиже первѣе во страны Молдаво-Валахійскія и Угро-Валахійскія, яко ближайше лежащія: поздѣе коснустася краевъ Сербскихъ: таже и въ Черную Гору приникоста. Но нигдѣ же никто же обрѣтеся има споспѣшествуяй или согласуяйся, яко бо отъ грома тресновенніи сердцемъ возмущахуся Православніи при единомъ токмо видѣніи таковыхъ Изрядцевъ и Злохудожниковъ. Что убо има бѣ творити? Емлетася путей далечайшихъ: обходита Грецію, Сурію и Егупетъ. Но и той трудъ ею всуе бѣ. Недоумѣвающе и ужасающеся, что къ тому сотворита, направляета стопы своя въ Цариградъ во всякомъ унынїи и отчаяніи, въ Цариградѣ, отъ Православныхъ опасно ся утаевающе и крыюще, совѣщанія со Уніатами, Арменами и Латінами имѣяста: еще же и самѣхъ Евреановъ не пренебрегоста, испытующе отъ нихъ: нѣсть ли кто имъ вѣдомь отъ Архіереевъ Греческихъ, во Православіи нетвердый и колеблющійся, и гдѣ таковъ обрѣстися можетъ. Увы! увы! увы! Ни гдѣ же обрѣтенный здѣ—въ Цариградѣ—обрѣтеся, или паче даде ся обрѣсти ищущема!

Вѣдомо есть, яко во области Святѣйшаго Патріарха Цариградскаго мнози Престоли Митрополітски суть, иже во времена оная, егда благочестивое Царство Греческое цвѣташе, воистину Митрополіи бяху, многія Епіскопіи подъ собою имущія, нынѣ же въ разореніе и запустѣніе ниспадоша толикое, яко ниже со Епіскопіями прочихъ Православныхъ областей сравнитися могутъ. Вопросити подобаетъ всякаго Христіанина напр. отъ Босны, и той со слезами повѣстъ: како Архіерей ихъ Амвросій, егда

бы ходилъ посѣщати Паству свою, не крестъ честный, на тяжкую палицу, глаголемую буздованъ, себѣ предносити повелѣваше къ нещадному біенію Іереевъ, не приносящихъ ему доволно пѣнязей. Како спровождающіи его Священницы, Діаконы и Калогери не ѳѵміамъ или елей освященный—мѵро святое, — не іконы святыя или книги Церковныя, или ино что отъ таковыхъ, Архіерею наипаче приличествующихъ, но единъ чибуки и трубки табачныя, другій вино и палинку, овъ куры и гусы, агнята и прасята, сейже иная ко чревоугожденію и сладострастію служащая, явѣ ношаху и готова имѣяху, да, егда Валтасарь сей, Архіереемъ Божіимъ именующійся, возизволитъ, абіе ему послужити, и яко телца Егѵпетскаго упитати и упоити возмогутъ: како вся сія некупленна, или отъ своихъ собственныхъ имѣній пріобрѣтенна, но въ тое самое посѣщенія Святителскаго время отъ бѣдныхъ Христіанъ истязуема и насилнѣ исторгаема бываху: како пѣнязей ради на многихъ безвинныхъ Церковная анаѳема вергаема бываше: како мнози отъ Христіанъ, усты самого Архіпастыря своего предъ Властми Турскими оклеветанніи, аки крамолницы и измѣнницы во узилища и темницы затворяхуся, отнюду же не исхождаху, дондеже послѣдній кодрантъ воздаша, между Архіереемъ Господнимъ и невѣрнымъ Турчиномъ братски потомъ раздѣленный. — Очевидцы суть бесчисленніи, частократно глядавшіи, яко по извѣту Архіереевъ тамошнихъ честнѣйшіи Граждани и сами Іереи привлекахуся во дворъ Паши, и тамо нещадно біенни бываху до кровеизліянія и обмора, самому Архіерею съ Пашею на позоріи семъ присутствующимъ и дымъ табачный изъ свирѣпыхъ устъ безазорно отры-

гающимъ. Позната наконецъ есть ужасная історіа, въ Боснѣ въ настоящія, тако рещи, дни приключившаяся: како единъ отъ таковыхъ Христіанскихъ Мучениковъ, притяжатель сый знатныхъ имѣній и Старѣйшина единаго отъ именитыхъ мѣстъ, преданный Митрополітомъ первѣе анаѳемѣ, потомъ палицамъ Турскимъ, поелику не восхотѣ или не возможе насытити бездонное его корыстолюбіе, внезапу въ страданіихъ, изрѣшився терпѣнія и отчаянію всяко предався, воскрича, яко не хощетъ ктому быти Христіаниномъ, но пріемлетъ законъ Мухамедскій, и тако, избавився мученій, и самъ поста Мухамединъ, и весь домъ его. Сицевая дѣянія Амвросія, и самымъ даже Туркомъ въ соблазнъ и омерзѣніе пришедшая, на послѣдокъ внидоша во уши Святѣйшаго Патріарха, иже убо лѣта аѿмв Амвросія, Митрополіта Сараевскаго, отъ Босны воззываетъ въ Цариградъ ему же соборнѣ тамо сужденну, изобличенну и запрещенну бывшу, инъ Архіпастырь дадеся оскверненному Наемниками Престолу Митрополіи Босно-Сараевскія; сему же Амвросію, въ Сараевѣ отъ лѣта ҂аѿлг — ҂аѿмв Архіепископствовавшему, иже тамо самъ си прозвище «Сѵмоновичь» надѣлъ бяше, не точію Архіерейская но и простая Іерейская дѣйствовати возбраненно бысть. Сице, достойную мзду воспріявъ дѣлъ своихъ, нача Амвросій влещи жизнь свою въ уничиженіи, срамотѣ, презрѣніи, еще же и въ крайнемъ убожествѣ.

Но таковъ и подобаше Первосвященникъ Расколникомъ! Увѣдѣвъ Амвросій о пребываніи въ Цариградѣ Алѵпія и Павла, абіе средствіемъ Фактора Жидовина даде има вѣсть, да къ нему пріидета во едину незнатную корчемницу, въ ней же самъ не знат-

нымъ слугою бѣ. Сіе обаче отнюдь не смути помяну ту двою ловцу Раскольничку, яко въ таковомъ блатѣ и калѣ валяшеся искомый, но то соблазняше и возмущаше ею велми, яко подъ осужденіемъ Церковнымъ бяше, низложенъ и запрещенъ отъ Патріаха соборнѣ. Дивна бо есть вещь, не удобопонимателна же и изумителна сія: Расколникомъ, аще отъ Церкве Православныя и отпадшимъ, на Православныя Іерархи хулящимъ и ни во чтоже я вмѣняющимъ, обычай непреложенъ быти, никакоже ни самыхъ бѣглыхъ Поповъ къ себѣ не принимати, развѣ правилнѣ отъ Православныхъ Архіереевъ рукоположенныхъ, и до бѣгства ихъ изъ Православныя Церкве никоемуже отлученію или запрещенію не подверженныхъ. Сумнястася убо о семъ Алvпій и Павелъ и неудомѣваста, но Фактори Жидовстіи и въ томъ даже самомъ на помощь притекоша има, умысливше таковую воистину Жидовскую прелесть: наущаютъ сирѣчь нѣкія Греки отъ единаго Краеградія Цариградскаго, молити Святѣйшаго Патріарха, яко да соизволитъ быти въ Церкви ихъ совершенну священнослуженію Архіерейскому, аки бы о упокоеніи души нѣкія честныя жены Христіанины Гречини: на священнослуженіе же сіе да разрѣшитъ бывшаго Митрополіта Сараевскаго Амвросія, тоя ради акибы вины, яко той Амвросій, егда мірскій еще бѣ Священникъ, оныя усопшія Грекини духовный Отецъ бяше. Къ сей хитрости и милостыня еще изрядная присовокупляется, аки бы отъ умершія на тое завѣщанная, въ самомъ же дѣлѣ отъ Расколниковъ приложенная.

Преварисе уеде га гуя! — Тако въ подобныхъ случаяхъ пѣваютъ или паче плачутъ наши простіи Серби: и Святѣйщій ятъ бысть обманы мрежею, ни

что же вѣдый ниже прозрѣваяй, и повелѣваетъ въ Патріаршіи написатися рукописанію, яко бывшему Митрополіту Амвросію разрѣшается, въ уреченный день совершити Божественную Літургію въ Церкви Бешикташстѣй (сице зовется краеградіе) за упокоеніе души рабы Божія Анастасіи (тако именовашеся преставлшаяся). То писаніе, въ руки Расколникомъ преданное, совершенно удоволи и успокои ы, совѣсти ихъ никакоже смущающейся тѣмъ, яко рукописаніе сіе прелестію Жидовскою истяженно бѣ, ниже тѣмъ, яко въ немъ ясно изложенно зряшеся, да Амвросій дозволеніе имѣетъ и смѣетъ точію единожды, и то въ уреченный день на уреченномъ мѣстѣ літургисаніе совершити, исіе отнюдь безъ Архіерейскаго Священнодѣйствія, яко ни же ему на Престолѣ Архіерейскомъ посадитися дерзнути. Съ радостію убо изобилно злато на я тому даютъ, обѣтъ отъ него получивше клятвенный, яко всенароднѣ предъ Расколниками явнымъ похуленіемъ на Церковь Православную свое къ Расколу прехожденіе засвидѣтельствовати и потвердити будетъ, отъ самаго се часа данныя тоя клятвы конечнѣ престанетъ отъ куренія зелія табачнаго, кое послѣднее тягота и мука ему бысть крайня; обычно бо есть Грекомъ курити, яко легчае хлѣба насущнаго, неже трубки табачныя, лишаются. Что же то, еже сила корыстолюбія не бы побѣдити могла? Іуда, тридесятію сребренниковъ уловленный, сихъ ради удавленіе употребляетъ: густою куренія табачнаго зелія, страсти тмою обятый, видя предъ очима златники, не точію души своея, но и трубки табачныя, въ недузѣ сребролюбія паче оныя себѣ дражайшія, отрицается

и отвергаетъ!! Бѣжи несытыя души, Матери своей святой Церкви таковая дерзнувшія!

Егда убо вся сія совершишася, отступникъ, сице продавыйся Расколникомъ, шестдесятолѣтенъ сый, емлется со сыномъ своимъ Георгіемъ (мірскій бо, якоже гору речеся, первѣе Священникъ бѣ) и снохою, Боснякою родомъ, въ тай бѣгства изъ Цариграда, о чемъ самъ нынѣшній Святѣйшій Патріархъ Кѵръ Анѳѵмъ въ нѣкоемъ писаніи своемъ отъ ді Октобрія лѣта ,аѿмг сими словесы глаголетъ: «Прежде нѣкоего времене внезапу и паче чаянія изчезнулъ осюду, сирѣчь изъ Цариграда, Архіерей нѣкій бывшій Босанскій, именемъ Амвросій, который былъ пребываяй здѣ въ мирѣ аки почивая отъ правителства Епархіи Босанскія, изъ нея же прогнанъ бяше. Различныя рѣчи промчелися ради невидимости и отсутствія егова, аки бы, безъ упражненія сый, отъ нищеты своея отбѣглъ.» Тако пишетъ Патріархъ Кѵръ Анѳѵмъ.— Отбѣгшій въ сословіи Алѵпіа и Павла стопы своя обращаетъ къ Царствующему Австрійскому граду Віеннѣ, и пришедъ тамо, представляется Сѵгклиту Царскому повѣствуяй, аки бы не праведнѣ отъ Престола Митрополіи Босно-Сараевскія отлученъ былъ, претерпѣвый тяжкая гоненія въ Цариградѣ, и прилагаетъ хулы на всю Православную Церковь Греческую, яко тая, стенящи подъ игомъ Турскимъ, отъ древняго своего благочестія испаде, тѣмже и онъ не ктому въ нѣдрѣхъ ея жити хощетъ, но истинное Православіе у Расколниковъ хранимо познавъ, съ ними же пребывати, и надъ ними священноначальствовати желаетъ. — — — По немнозѣхъ днѣхъ изыде повелѣніе, да Митрополітъ

Амвросій въ Буковинѣ, въ монастыри Бѣлокрѣничкомъ, вчинится съ подобающею честію и властію яко истинный Святитель Расколниковъ: еще же и новаго, его же Расколницы отъ среды своея изберутъ, Епіскопа поставитъ, Намѣстникомъ и Преемникомъ ему быти имущаго.

Возвратився изъ Віенны приходитъ той же Амвросій лѣта ҂аѿмг въ мѣсяцѣ Ноемвріи прямо въ Бѣлокрѣницу, и пріемлется Липпованами съ торжествомъ и ликовствованіемъ велiимъ. Первѣе всего, егда вниде въ молитвенницу монастырскую (не бѣ бо и нѣсть доселѣ тамо Церкве ниже Расколнически освященныя), абіе, яко же обѣтъ даде, предъ Монахами и Народомъ, на позоръ той стекшимся, велегласнѣ отвержеся всякаго единомыслія и общенія съ Православною Церковію, въ ней же окаянный и родися и крестися, и на толико высокій Священноначалія степень возведенъ бысть. Потомъ даде себе препомазати святымъ мvромъ, или, якоже Расколницы глаголютъ, преправити, аки отъ ереси нѣкія вновь благочестію пріобщаемаго. Оле студа неизглаголаннаго, ни гдѣже и николиже бывшаго! Архіерей простолюдинами, Митрополітъ Монахами самозванцами преправляемь и преосвящаемь!! — Смятошася о семъ и возропташа сами даже Расколницы, монастырю Бѣлокрѣпичкому не принадлежащіи, помысливше въ себѣ: како можетъ благодать Священноначалія сохранити той, иже таковымъ надъ собою святыя тайны мvропомазанія повтореніемъ исповѣда, яко дотолѣ ниже правый Христіанинъ бысть. Наипаче же яръ и жестокъ бысть на тое горѣпомянутый Бѣлокрѣничкія веси Поглаварь Купреянъ Тімоѳеевъ, иже, воздвигнувъ гласъ свой, аки левъ ры-

каяй возва: «Премазанецъ сей нѣсть и не можетъ быти истиненъ Архіерей, но паче сосудъ злохудоженъ!» — И ина многа сихъ горша отрыгая глаголаше къ людемъ.

Посадився тако Амвросій въ Бѣлокрѣницѣ, даде себѣ отъ своихъ двѣю тысящу пятію сотъ Липпованов возносити «Архіепископомъ и Митрополітомъ Бѣлокрѣничкимъ.» Именуютъ и почитаютъ ли и таковымъ и прочіи такожде Расколницы внѣ Буковины, извѣстно ми нѣсть, лѣть же есть сице держати нарочито потому, что Буковинскіи Липповане, како Поповчицы тако и Безпоповчицы, вообще зѣло убози суще, отнюдь не могутъ толь богатыя одежды Церковныя за Діаконы и Пресвитеры своя и вышшее Духовенство свое снискати, якоже въ самомъ дѣлѣ притяжаютъ, аще не бы тыя отъ иныхъ странъ получали. Проповѣдуется со многою извѣстностію, яко изъ Россіи, наипачеже изъ Москвы, идѣже мірстіи сея ереси Началницы пребываютъ, многознаменитая помощь Липпованомъ Буковинскимъ частѣе пресылаема бываетъ на толицѣ, яко да сіи тѣми получаемыми пѣнязми и о притяжаніи недвижимыхъ, во обезбѣжденіе снабдѣнія Епіскопата своего во вся будущая времена служити имущихъ, дѣйствителнѣ уже стараются.

Бѣлокрѣничстіи Монаси, видяще себе отъ дне на день паче и паче богатѣти, а притомъ и иная своя во умѣ держаще, настоятъ прилѣжнѣйше о сложеніи Собора, на немже бы и изъ средины своея избранъ былъ имѣющій поставитися Епіскопомъ, бѣ бо коемуждо отъ нихъ въ сердцѣ надежда тайная, высокій той санъ себѣ самому восхитити. Лукавый же Грекъ

уразумѣ, яко, аще молва и раздоръ внѣ монастыря не престанетъ, ничтоже добро зань не воспослѣдуетъ. Сего ради, лицемѣріемъ прикрываяся, аки бы отъ древнихъ святыхъ каноновъ вѣщаше, яко избранію Епіскопа не достоитъ точію отъ Монастыря быти, но и отъ внѣшнихъ людей, иже въ мірѣ суть. Тако проносяй глаголаше явѣ, Монахомъ же въ тайнѣ ласкаше, яко сіе токмо къ утѣшенію и привлеченію Народа развѣщати нуждно есть, въ самомъ же дѣлѣ, егда избраніе будетъ, воистину никтоже инъ, развѣ отъ Монастыря, избранъ быти возимать. Сотвориша убо жребій во избраніе, и въ молитвенницѣ монастырстѣй на столцѣ, во образъ святыя трапезы устроеннѣмъ, поставиша й. Амвросій, пришедъ, нача пѣти молебное о призываніи Святаго Духа, и приступивъ потомъ къ столцу единъ, хитрою взя рукою жребій, на немже, о дивнаго чудесе! обрѣтеся имя Купреяна Тімоѳеева! Тогда видѣти подобаше изумленіе общее. Поникоша главами вси Монаси, студъ свой и пораженіе зряще. Народъ же отъ внезапныя радости впаде въ превосхищеніе, и потече изъ Монастыря со шумомъ, шатаніемъ и воплемъ къ дому Купреяна, ниже бывшаго на Соборѣ, о немъ же глаголаше, яко Соборъ сей сонмище есть сатанино. Сѣдяше убо въ дому своемъ во веси Бѣлокрѣничкой, ничтоже провидяй, и, яко услыша гласъ Народа устремляющагося нань, помысли яко наущеніемъ Монаховъ хощутъ насиліемъ и взяти на поклоненіе Митрополіту и на содѣйствіе во избраніи Епіскопа. Тѣмъ же съ дреколми въ рукахъ ста бодрѣ во вратѣхъ дому своего, претя нападающимъ, да не дерзнутъ приближитися. Людіе же, аки піяни, потокомъ бурнымъ свалишася нань, и, исторг-

нувше изъ руку его дреколіе, восхитиша и да отведутъ въ Монастырь. Сынове Купреяна, дщери и снохи, ихъ же, вдовецъ сый, домъ исполнь имѣяше, устремишася за людми, овъ со сѣкирою, овъ со оскордомъ, овъ со инымъ сѣчивомъ, жены же едина съ помеломъ, другая со пряслицею, третія съ жариломъ.

Въ таковомъ чудесномъ воистину торжествѣ принесенъ паче, нежели приведенъ, бысть Купреянъ въ монастырскую молитвенницу, и поставленъ предъ Митрополіта, пружаяйся, пѣны тещай, скрежещай зубы своими и оцѣпенѣваяй, яко бѣснующійся на новы мѣсяцы: и страшно бѣ слышати, како въ лице нача злословити облеченному въ санъ Святителскій отступнику: къ семуже и домашніи его трясуще странными оружіями, яже ношаху, преизлиха вопіяху, ругающеся и сквернословяще всякими буйными и скаредными словесы. Амвросій, яко нѣмъ и глухъ на вся сія укоризни не отверзаяй устъ своихъ, сѣдяше чая утишенія шуму, и егда сей мало утолися, — вставъ внезапу, громогласно возопи: «Богоизбранный рабъ Божій Купреянъ знаменуется во Епископа!» — Якоже нечаянное слово сіе коснуся ушію Противника, въ томже мгновеніи претворися изъ лютаго звѣря во агнца кроткаго, и, падъ предъ нозѣ Митрополіта, нача слезно плакати и рыдати, прощенія прося, яко прелестію діаволскою ожесточенъ бѣ невѣдый окаянный, яко доселѣ единаго бѣса противленія въ себѣ имѣяше, нынѣ же седмь горшихъ храмъ въ немъ обрѣтоша пометенъ и украшенъ. — По семъ позоріи постригается Купреянъ въ Монашескій Чинъ, имя Кирилла воспріявый, а потомъ чрезъ вся степени Священства до самаго Архімандрітства проводит-

ся, и на конецъ проручествуется во Епіскопа. Вся сія за нѣколико малыхъ дней совершаются надъ нимъ, яко, прежде неже Липповане Бѣлокрѣничкіи въ себе пріити могоша изъ простолюдина Купреяна — о неслышаннаго позорища! — Кириллъ Епіскопъ произыде!

Во увеличеніе сего ликованія Бѣлокрѣничкаго и въ пресыщеніе блеска си своего Митрополітъ Амвросій рукоположи въ тыя дни лишше Діаконовъ, Пресвитеровъ и единаго еще Архімандріта произведе.

Сице, возлюбленная Братіе, Православніи Христіяне! сице, Господу попущающу, врагу же рода человѣча не унывающу, у Расколниковъ, иже и самыхъ даже Поповъ едва си снискати можаху, внезапу явившася и Митрополітъ и Епіскопъ, иже во смятеніе, зазоръ же и подсмѣхъ Православному Христіанству вся Святителская дѣйствуютъ, Поповъ и Діаконовъ рукополагаютъ, храмы освящаютъ, новыхъ Парохій и Монастырей благословляютъ! — Да ликовствуетъ убо и рукоплещетъ тмы Предстатель и съ нимъ все преисподнее мрачныхъ Духовъ Воинство! Да радуются и торжествуютъ проклятыя тѣны Епифаніа, Аѳиногена, Аѳима! Се бо на сѣдалищи или паче на гноищи ихъ сѣдоша достойни Преемницы и Наслѣдницы своему ихъ суемудрію, такови или еще горши и прегорши отступницы. И еже онымъ тогда не бѣ, симъ нынѣ бысть: они яко татіе нощніи, аще не Бога боящеся, то поне людей срамящеся, во мрацѣ скитахуся, сіи же въ посредъ бѣлаго дне явѣ душегубствуютъ: онымъ ни окудуже споспѣшеніе или кое благоволеніе бысть, ниже отъ Безначалія Польскаго ниже отъ Самовластія Турскаго, сіи же пресвѣтло и ве-

ликоможно осѣняеми и покровителствуеми бываютъ Правителствомъ великія, просвѣщенныя Державы Европейскія! — Како убо не радовали бы ся, како не торжествовали, како не превозносилися?

Новая сія Ересоіерархіа — тако глаголетъ и пишетъ Братъ нашъ во Христѣ Любезнѣйшій, нынѣшній Православный Епіскопъ Буковинскій, Высокодостойнѣйшій Господинъ Евгеній — не можетъ, истина, на мою Богохранимую Правовѣрную Епархію никаковаго вредоноснаго втеченія имѣти: жалостно обаче всячески есть, и вѣчная сѣнь воспочіетъ на Правящихъ святую Церковь нашу, яко и въ самая новѣйшая времена прониче таковый, аще и прелщенный, Издатель, егда ини противу многихъ несносимыхъ препятій борющеся, выну готови суть, величайшая мірская богатства за истинную Православную Вѣру жертвовати.

Сице стеная плачетъ и тѣшится вкупѣ бодрый Архіерей Божій Евгеній: плачетъ не ради малодушія и страха за святую свою Православную Церковь, сію бо видитъ основаннѣй быти на камени твердомъ и незыблемомъ, яко врата ада вовсе ни какоже одолѣти ей: но плачетъ за студъ и поношеніе, за позоръ и уничиженіе, за срамоту и бесчестіе толикое! Кто бо видѣ или кто слыша когда таковаго великаго Сановника Церковнаго, яковъ Митрополітъ есть, сице Вѣрѣ своей, и Святителскому рукоположенію, и даже самому Христіанскому крещенію поругатися? Кто видѣ или кто слыша, Архіереа Христова отъ простыхъ неосвященныхъ Людиновъ второе Мvропомазаніе пріемлющаго, и потомъ благодать Архіерейства таковомуже грубому Простаку рукама сице окалянныма даю-

щаго! — Плачитеся убо и рыдайте Православніи Іерарси, яко во священномъ вашемъ Сословіи обрѣтеся таковый Извергъ! Наипаче же вознегодовати и огорчитися подобаетъ, яко вся сія не въ темномъ коемъ углѣ, не подъ спудомъ тайнаго скрытія, но на позорищи міра явѣ совершишася, предъ очима инославныхъ Римляновъ и Уніятовъ, Лутерановъ же и Калвиновъ, имже таковое Благочестія нашего посрамленіе вину даетъ къ злурадному глумленію и посмѣшству объ томъ, яко такови суть наши Православніи Архіереи, такова намъ есть Православная наша Церковь!

Плача обаче и тѣшится съ нами вкупѣ Предхваленный Православный Епіскопъ Буковинскій Евгеній, Богу бо съ нами сущу, всуе шатаются языцы, и людіе поучаются тщетнымъ; Живый на небесѣхъ посмѣется имъ, и Господь поругается имъ!—Воистину не возможно есть помыслити, яко да сицевая заблужденія на долзѣ торжествующе пребудутъ. Чаша нечестія вскрай преисполниея: убо близокъ есть часъ, егда на главы злостранствующихъ сихъ изліятися имать. Се уже и въ самыхъ Расколницѣхъ толикимъ зла преизбыточествованіемъ угрызеніе и страхъ будится. Въ самомъ бо таковомъ названномъ Монастыри Бѣлокрѣничкомъ нѣцы отъ Братій тамошнихъ Раскольническихъ, видяще бываемая, ниже тѣхъ ктому подносити могуще, въ перси біюще, скоро отъ прочихъ Клевретъ своихъ отторгошася, и гласы крѣпки воздвигоша прекословія и обличенія противу содѣвающимся, ихъ же и имена извѣстна суть: Антоній, Германъ и Никонъ. Сіи въ разумъ истины пришедшіи и дѣлъ своихъ усрамившіися Расколницы, зряще словеса своя тщетна и ничтоже успѣвающа, оттря-

сошa прахъ ногъ своихъ, и, не точію гнѣздо оное но и самую Буковину осъставлше, отъидоше во страну Молдаво-Валахійскую, идѣже до нынѣ пребываютъ, отступника Митрополіта и Самозванца Епіскопа, со всѣми, иже за ня и съ ними, проклинающе. Суть же и ини мнози, таковая же мыслящіи, аще и бавятся еще въ гнѣздѣ ономъ, а и въ прочей такожде Буковинѣ пребывающіи, не менше мыслятъ тако и во странахъ Молдаво-Валахійскихъ и Угро-Валахійской, наипаче же объ онъ полъ великія рѣки Дуная въ Державѣ Турской. Тамо, во области зовомой Добруджа, идѣже отдавна много скопища Расколниковъ утвердишася, смятеніе и раздоръ велій возгорѣся ради помянуту Двоицу Отступнику Митрополіта и Самозванца Епіскопа до толикаго степене, яко братъ на брата востаетъ и дѣти на Родители, устремляющеся другъ противу друга со многимъ кровопролитіемъ.

Тако, еже Расколницы нещеваху къ вящшему своему соединенію, союзу же, и укрѣпленію быти, на новое имъ раздѣленіе бысть, на свары, вражду и ненависть. Писанно есть: «Всякъ домъ, иже на ся раздѣлшійся, не станетъ.»

Къ симже и прочіи Расколницы, елицы во ослѣпленіи своемъ упорствуютъ, воистину лѣть и удобь есть мыслити, яко не будутъ на долзѣ слѣпотствовати. Хвалятся бо и хвастаются, яко древнимъ отеческимъ правиломъ и священнымъ Канономъ неуклонно слѣдуютъ, яко ниже іотѣ единой или чертѣ отъ тѣхъ, яже въ книгахъ Церковныхъ старопечатныхъ обрѣтаются, измѣненнѣй быти не попущаютъ! Да разгнутъ убо окаянніи Кормчію, не новопечатанную, но старую, глаголемую Іосифовскую (сирѣчь въ Москвѣ при Па-

тріарсѣ Іосифѣ печатанную, яже у Расколниковъ паче самаго Евангелія чтится), и да видятъ какова правила и Канони въ ней о Архіереехъ изображенни суть. Преписуются здѣ отъ слова до слова, яже тамо напечатанная всякъ обрѣсти и очима своима собственныма видѣти можетъ:

Св Апостолъ Прав. $\overline{\text{а}}$: «Аще кій Епіскопъ мірскихъ Князь или людей помощію пріиметъ Церковь Божію, рекше Епіскопъ будетъ въ ней, таковый яко веліе прегрѣшеніе согрѣшивъ, да будетъ изверженъ, и да отлучится.»

Согласуется же сему и св. Лаодикійскаго Собора Прав. $\overline{\text{кг}}$: «Не избранъ Епіскопъ, иже мірскими человѣки избранъ будетъ.»

Такожде и св. седмаго Вселенскаго Собора Прав. $\overline{\text{г}}$: «Всяко избраніе и поставленіе, бывающее отъ мірскихъ Властелей, не твердо есть.»

Паки св. Апостолъ Прав: $\overline{\text{а}}$: «Два или три Епіскопа поставляютъ Епіскопа.» Толкованіе: «Три убо Епіскопа безо всякаго извѣта должни суть поставляти Епіскопа, и да не будетъ изверженъ, аще нѣсть мощно всѣмъ сущимъ во области Епіскопомъ совокупитися во едино.»

Сице же и св. Перваго Вселенскаго Собора Прав. $\overline{\text{д}}$: «Епіскопъ отъ всѣхъ Епіскопъ, сущихъ во области, поставляется: а аще ли же ни, обаче отъ трехъ, прочимъ же писаніемъ сложившимся.»

Блаженнѣйшій Патріархъ Престола Цариградскаго нынѣшній Кѵръ Анѳимъ въ гору на веденномъ пи-

саніи своемъ отъ д҃і Октоврія лѣта ҂аѿм҃г ищетъ заблудшія сея своея иногда Босно-Сараевскія овцы стезею сихъ слѣдующихъ с. с. Каноновъ:

Св. Апостолъ Правило є҃і: «Аще кто Пресвитеръ, или Діяконъ, или вообще находящійся въ списцѣ Клира, оставивъ свой предѣлъ, во иный отъидетъ, и совсѣмъ премѣстяся, въ другомъ жити будетъ безъ воли Епіскопа своего, таковому повелѣваемъ не служити болѣе, и наипаче, аще своего Епіскопа, призывающаго его, не послушалъ. Аще же останется въ семъ бесчиніи, яко мірянинъ въ общеніи да будетъ.

Св. Апостолъ Правило л҃є: «Епіскопъ да не дерзаетъ внѣ предѣловъ своея Епархіи творити рукоположенія во градѣхъ и въ селѣхъ, ему неподчиненныхъ. Аще же обличенъ будетъ, яко сотвори сіе безъ согласія имѣющихъ въ подчиненіи грады оныя иныя или села: да будетъ изверженъ и онъ и поставленніи отъ него.»

Помѣстнаго Собора Антіохійскаго Правило г҃і: «Никоторый Епіскопъ да не дерзаетъ изъ единыя Епархіи преходити въ другую, ни поставляти кого либо въ Церкви ея для совершенія священнослуженія, ниже приводити съ собою другихъ: развѣ прибудетъ, бывъ призванъ грамматами Митрополіта и сущихъ съ нимъ Епіскоповъ, въ область которыхъ приходитъ. Аще же ни кимъ не бывъ позванъ, внѣ порядка пойдетъ для рукопо-

ложенія нѣкоторыхъ, и для устроенія Церковныхъ дѣлъ, до него не принадлежащихъ: то все содѣянное имъ да будетъ не дѣйствителнымъ: и онъ, за бесчиніе свое и за безразсудное начинаніе, да понесетъ приличное наказаніе, чрезъ немедленное изверженіе изъ своего чина святымъ Соборомъ.

Что убо рекутъ Расколницы? чіею помощію Митрополітъ Амвросій воспрія Церковь ихъ, аще собраніе ихъ Церковію назватися можетъ? Мірскихъ людей своеволіемъ, и мірскихъ Властей силою!!! Нѣсть ли убо тѣмъ единѣмъ, аще бы и не предходила была прежняя тяжкая, всеконечному изверженію и отлученію по Правиломъ Апостолскимъ и Канономъ Соборнымъ подверженъ? Горе Насилнику и Хищнику Церкве! горе! горе!! горе!!!

Рцытеже Расколницы: аще бы Митрополітъ вашъ и истинненъ Архіерей мнѣтися возмоглъ, како, вопреки правилу Апостолскому, еже по ряду первое въ законоположеніяхъ Апостолскихъ, основаніе убо и начало всѣмъ прочимъ есть, еще же и вопреки запрещенію святыхъ тѣ҃ Отецъ Богоноснаго Собора, иже въ Нукеи, како, глаголемъ, дерзну единъ поставити вамъ простолюдина Купреяна во Епіскопа? И оный убо Купреянъ никакоже есть или можетъ нарещися Епіскопъ: но, и со поставившимъ его, по закономъ Церковнымъ, единыя ради сея вины проклятъ есть, и отлученъ и изверженъ: и тысящекратно горе ему! горе!!

Вся сія, отъ самыхъ Расколниковъ вѣруемая и держимая, не суть ли угліе огненное на главы ихъ? Тѣм-

же надѣятися подобаетъ, яко не до конца юродствовати и безумствовати будутъ: еще и молитися Господу Богу, да не яростію Своею обличитъ ихъ, ниже гнѣвомъ Своимъ накажетъ ихъ, но паче въ разумъ и раскаяніе пріити имъ благоизволитъ. Нѣсть бо грѣхъ побѣждающій милосердіе Отца нашего небеснаго: ЕМУ ЖЕ СЛАВА И ДЕРЖАВА ВО ВѢКИ — аминь.

II.

ОСНОВАНІЕ

БѢЛОКРИНИЦКОЙ ОБИТЕЛИ

ВЪ БУКОВИНѢ.

ГЛАВА I,

содержащая исторію Буковинскихъ старовѣрцевъ.

Первоначальное жительство вышедшихъ изъ Россіи старовѣрцевъ, въ Турецкихъ предѣлахъ:

Старовѣрческія наши общества, вышедши изъ Россіи, находились до 1783 г. въ Турецкой державѣ по ту сторону Дуная, близъ Чернаго моря. Немного раньше 1783 г., нѣкоторые изъ нихъ, занимаясь тамъ по рѣкѣ Дунаю рыбною ловлею, имѣли случай спасти отъ смертоубійства Турокъ Австрійскаго двора чиновника, который хотѣлъ наградить ихъ за спасеніе свое довольно деньгами, но они отъ того отказались, чѣмъ онъ, будучи очень удивленъ, спросилъ ихъ, за что они не хотятъ взять отъ него награды? Рыболовы смиренно отвѣтили: въ такомъ обстоятельствѣ важномъ почитая, что исполнили долгъ любви христіанскаго закона, спасли отъ смерти человѣка, за что надѣяся въ будущемъ вѣкѣ отъ Бога небеснаго воздаянія, потому и не желаютъ взять отъ него никакой награды; за тѣмъ онъ объявя

имъ себя, что онъ есть Австрійскаго двора посланникъ, и притомъ увѣрилъ ихъ, что ежели бы они имѣли какую къ Австрійскому императору просьбу, то посредствомъ его ходатайства могли бъ во всемъ имѣть удовлетвореніе. А какъ еще узнавъ, что они тамъ есть пришельцы изъ Россіи сущіи Старовѣрцы, по причинѣ религейнаго утѣсненія изъ отечества удалившися, предлагалъ имъ способъ о переселеніи въ Австрію, и рыболовы согласились предложить своимъ обществамъ о томъ; на каковой случай посланникъ оный оставилъ имъ записку своего имяни съ обѣщаніемъ всемѣрно содѣйствовать къ ихъ благодѣянію, и чувствительно благодаря имъ за спасеніе его жизни, благополучно отправился въ свой путь. Жаль, что по простотѣ народа имя онаго посланника до насъ не дошло.

Помянутыя же рыболовы разсудили о его обѣщаніи, и имѣя нѣкое внутреннѣ движеніе, не замедлили о томъ возвѣстить своимъ обществамъ, которыя приняли оное такъ же за нѣкое смотрѣніе Божіего промысла, о семъ немедленно здѣлали совѣтъ, на которомъ единодушно заключили просить отъ его величества Австрійскаго императора въ его державѣ имѣть имъ вѣчно совершенную свободу содержанія своей религіи древлегреческаго христіанскаго закона, и духовенство и увольненіе отъ всякихъ противныхъ религій повинности.

Для того избрали двухъ изрядныхъ депутатовъ Александру Алексѣева и Никифора Ларіонова, посланныхъ со всепокорнѣйшимъ прошеніемъ въ столицу Вѣну, гдѣ ходатайствовалъ онаго выше упомянутаго посланника полкъ. Высочайшая привилегія отъ его величества бывшаго Императора Римскаго Іосифа 2-го всемило-

стивѣйше дана въ 9 день декабря 1783 года слѣдующаго содержанія:

«Мы Іосифъ вторый Божіею милостію избранный Римскій Императоръ, всегдашній умножатель имперіи, король въ Германіи, въ Іерусалимѣ, Венгріи, Богеміи, Далмаціи, Кроаціи, Галиціи, и Лодомеріи, Эрцъ-Герцогъ въ Австріи, Герцогъ въ Бургундіи, въ Лотарингіи, Стенермарку, Коринтіи, и Крайну, великій Герцогъ въ Тосканѣ, великій князь въ Седмиградской землѣ, Маркографъ въ Моравіи, Герцогъ въ Брабантѣ, Лимбургѣ, Луксейбургѣ и Гельдерни, Виртебергѣ, вышней и нижней Селезіи, Маиландѣ, Мантанѣ, Помеплаце, и Гегвастали, Аушпицѣ и Затворѣ Калавріи, Борре, Монфератѣ, и Тешенѣ, князь въ Швабіи и Шарлевиллѣ, княжно Графъ въ Габсбургѣ, Филандіи, Тиролѣ, Генегафѣ, Кибургѣ, Гориціи и въ Градискѣ, Маркографъ Святой Римской имперіи въ Бургогавѣ, въ вышней и нижней Лаузицахъ, Пентѣ, Аммуссанѣ, Иноменѣ, Графъ въ Намурѣ, провинціи: Водемонтѣ, Бланбергу, Цутфенѣ, Саарверденѣ, Салмѣ, Фоалкенстейнѣ, Государь Виндіисъ Марка, Имехеія и проч.

«Даемъ мы посредствомъ сего нашего своеручно подписаннаго указа пришедшимъ двумъ депутатамъ; а именно Александру Алексѣеву и Никифору Іларіонову ветхаго закона въ нашу столицу Вѣну, посланнымъ съ поручною прозьбою къ намъ отъ живущемъ при Черномъ морѣ обществѣ, дабы онымъ позволить перейти въ наши земли съ ихъ фамиліями и маетностями слѣдующее увѣреніе: будучи въ надеждѣ, что выше помянутые общѣствы по ихъ пришествіи въ будущія жилища въ нашихъ земляхъ во всемъ такъ поступать будутъ, какъ наши собственно подданные: 1) позволяемъ

мы совершенно полность закона онымъ ихъ дѣтямъ, потомкамъ, и духовенству; 2) свобождаемъ мы оныхъ 20 годъ отъ всѣхъ податей; 3) даемъ мы онымъ освобожденіе отъ всякаго воинскаго житія; 4) по прошествіи выше упомянутыхъ 20 годовъ наложимъ мы онымъ равныя подати, какія и наши подданныя плотятъ, соотвѣтствующія будущему ихъ имѣнію. Во увѣреніе и подтвержденіе сего подписали мы своеручно и приложили нашу тайную печать. Дана въ нашей столицѣ Вѣнѣ 9 дня октября въ 1783 году нашего Римскаго владѣнія въ 20-е о наслѣдственныхъ землѣ въ 3 году. Іосифъ.

«Андрей Графъ Гадикъ Императорскій королевскій Генералъ Фельтмаршалъ. По указу Его Императорскаго Величества Людвигъ Тиркенгелмъ. Императорскій Королевскій Совѣтникъ.»

И такъ по возвращеніи помянутыхъ депутатовъ изъ Вѣны съ сею высочайшею грамотою здѣ слово до слова написанною собрались многія оныхъ обществъ семейства подъ предводительствомъ первѣйшаго изъ нихъ старовѣра Іларіона Петровича, принявши съ собою согласно первому пункту выше прописанной привилегіи 12 иноковъ съ игуменомъ ихъ Семеономъ, перешли отъ Чернаго моря въ Австрійскія предѣлы, и поселились въ Буковинскомъ циркулѣ, на государственномъ грунтѣ: мірскія старовѣрцы на урочище Варницы при бѣломъ животекущемъ источникѣ, котораго вода и доднесь бѣлой видъ имѣетъ, потому и селеніе ихъ вспріяло наименованіе Бѣлая Крыница, а иноки сооружили себѣ монастырь отъ сего селенія въ разстояніи четверть мили на полѣ стоящій подлѣ государственнаго лѣса на урочищѣ Терновки, идѣже и жительствовали

лѣтъ 20. Но какъ тогдашнія иноки по неоднократному нападенію злодѣевъ много обижаемы были, и когда уже одинъ отъ нихъ до смерти убитъ былъ, тогда оставшіися иноки вынуждены были перенестись съ того мѣста съ монастырскимъ заведеніемъ и со всею церковію принадлежностію въ самое село Бѣлую Крыницу, гдѣ и пріяты реченнымъ Іларіономъ Петровичемъ, и водворились на собственномъ его грунтѣ, каторый въ 1818 году и дарованъ монастырю по духовному его завѣщанію въ вѣчное владѣніе со всѣмъ прочимъ ему имуществомъ.

И такъ монастырь на семъ грунтѣ при слободѣ Бѣлокрыницкой и доднесь пребываетъ.

III.

ДОКУМЕНТЫ,

КАСАЮЩІЕСЯ УСЛОВІЯ СЪ ЗАГРАНИЧНЫМЪ

МИТРОПОЛИТОМЪ АМВРОСІЕМЪ,

ИЗЪ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРІИ ИНОКА БѢЛОКРИНИЦКАГО

ПАВЛА ВАСИЛЬЕВА.

Установленіе верховнаго святителя въ Бѣлой Крыницѣ, съ Высочайшаго дозволенія, якоже свидѣтельствуютъ ниже слѣдующіи акты.

номера нр. 19,997.

Бѣлокрыницкимъ Липованскимъ инокамъ Алимпію Милорадову, и Павлу Васильеву.

По прошенію Липованской громады и старовѣрческихъ иноковъ въ Бѣлой Крыницѣ его Императорское королевское величество всевысочайшимъ декретомъ 18 сентября 1844 года:

А. Позволяетъ взять изъ-за границѣ духовнаго верховнаго Архипастыря, или Епископа, которой въ Бѣлой Крыницѣ находящихся иноковъ можетъ до высочайшихъ степеней посвящать, и тоже своего намѣстника долженъ будетъ высвятить, который бы такъ же опять до высвященія духовенства и какъ до предназначенія и высвященія своего наслѣдника долженствовалъ. Однакожъ святитель, который теперь изъ-за границѣ привезенъ быть имѣетъ, долженъ будетъ чрезъ губерню надворной канцеляріи а именно его объявить, дабы дипломатическимъ средствомъ имѣть объ немъ извѣстіе и о его безпорочности увѣренность.

Б. А такъ какъ по правиламъ греческаго восточнаго закона высшее священство только изъ иноковъ происходитъ, то его величество всемилостивѣйше утверждаетъ впредь, существованіе въ Бѣлокрыницѣ, отъ многихъ лѣтъ находящійся монастырь; сіе высочайшее рѣшеніе объявлено губерни высокимъ декретомъ надворной канцеляріи отъ 29 сентября сего 1844 года за № 31,031 съ тѣмъ замѣчаніемъ для дальнѣйшаго распоряженія, что какъ иноки и Липованскія громады обязались:

1. Монастырь и Архіерея собственнымъ иждивеніемъ содержать, не требуя отъ правительства къ тому никакой помощи.

2. И тоже обязались на мѣстѣ сельскую школу собственнымъ коштомъ учредить и содержать, такъ должно касательно сего предмета имѣть надлежащій надзоръ. О семъ выше помянутомъ высочайшемъ рѣшеніи въ слѣдствіи губернальнаго декрета 14 октября 1844 года за № 63,746, они съ тѣмъ увѣдомляютъ, чтобы будущаго верховнаго Архипастыря съ точнымъ объясненіемъ въ какомъ мѣстѣ въ послѣдне время онъ находился чрезъ к. к. краизамтъ губерни донесли, дабы посему здѣлать дальнѣйшее распоряженіе.

Выше помянутому прошенію поданному его величеству приложный уставъ Бѣло-Крыницкаго Липованскаго монастыря іюня 6 числа 1844 года. При семъ возвращается для сохраненія въ монастырскихъ актахъ и руководство отъ Императорскаго Буковинскаго краизамта въ Черновицахъ 12 ноября 1844 года (М. П.).

Изыческуль.

На основаніи дозволеннаго высочайшаго декрета, согласился принять наше древлегреческое православіе Митрополитъ Амбросій Босницкій, рукоположенія Вселенскаго и Константинопольскаго Патріарха на нижеслѣдующемъ условіи.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Мы ниже подписавшіися бывшей Греческой религіи, Босницкой Митрополитъ Амбросій нынѣ по увольненію на свободномъ жительствѣ находящійся въ Цареградѣ. И депутаты Бѣлокрыницкаго монастыря состоявшаго въ Буковинѣ, Алимпій Милорадовъ и Павелъ Васильевъ, учинили сіе условіе *) въ томъ что, я, Митрополитъ Амбросій, не желая далѣе провождать жизнь свою праздно и не по нуждѣ, и не по какой страсти: но по чистой совѣсти согласился съ вышереченными депутатами, согласно данному имъ всевысочайшему указу, и во исполненіе глаголъ Ісуса Христа изреченныхъ въ притчѣ духовномъ производствѣ: «купію дейте дондеже пріиду, и помине вжигаютъ свѣтильникъ и поставляютъ его подъ спудомъ;» заблагоизволилъ поступить въ старовѣрческую религію, въ сущемъ званіи Митропо-

*) Этотъ документъ имѣетъ особенную важность. Онъ даетъ самое наглядное понятіе о старообрядческихъ убѣжденіяхъ. Развѣ правила древнихъ святыхъ отецъ допускаютъ наемъ пастыря для духовной паствы по условію?

лита надъ всѣми духовными лицами, и мѣрзскими *) людми состоящими во оной религіи, верховнымъ пастыремъ и притомъ обязуюсь, по прибытіи въ Бѣлокрыницкій монастырь, учиня церковное присоединеніе, согласно правиламъ святыхъ отцевъ, и неотлагательно поставить такъ въ намѣстники себѣ другаго Архіерея, такъ какъ дозволено имъ высочайшимъ указомъ.

Мы же, монастырскія депутаты Милорадовъ и Васильевъ обязуемся по данному намъ отъ монастыря довѣрію, по прибытіи его высокопреосвященства господина Митрополита Амбросія въ Бѣлокрыницкой монастырь, содержать его на всемъ монастырскомъ иждивеніи, во всякомъ спокойствіи и удовлетвореніи во всю его жизнь, съ тѣмъ чтобы его высокопреосвященство, долженъ у насъ все законно исполнять по правиламъ свят. отецъ, согласно монастырскаго устава безъ нарушенія.

Константинополь 1846 г.

Сіе условіе учинили въ двухъ экземплярахъ, дабы хранить содержаніе онаго съ обѣехъ сторонъ свято и ненарушимо, въ вѣрность чего своеручно и подписуемся.

Митрополитъ Амбросій.

Депутатъ инокъ Алимпій Милорадовъ

и Павелъ Васильевъ инокъ **).

---

*) По всей вѣроятности въ рукописи описка. По смыслу должно выходить «мірскими людьми.»

**) Какъ видится Бѣлокриницкимъ старообрядцамъ нуженъ былъ пастырь (каковъ бы онъ ни былъ, лишь бы не іудействующій, не магометанинъ и не никоніанинъ) для совершенія обряда посвященія надъ архіереемъ, избраннымъ «яко бы въ намѣстники» изъ нхъ же братіи.

Патріаршая грамота данная Митрополиту Амвросію на престолъ Босницкой митрополіи.

Григорій милостію Божіею Архіепископъ Константинопольскій новаго Рима, и вселенскій Патріархъ.

Великоименитая премудрость отча непремѣнный образъ присносущая его, и первородный всей твари, уже за неизреченное человѣколюбіе человѣкъ бысть, восхотѣ падшаго воздвигнути человѣка, возведе его неточію къ первоначальней его славѣ но и вышнія чести ради украси его высокимъ архіерейскимъ достоинствомъ. Увѣнчавъ славою и честію воеже о людскихъ невѣжествіяхъ приносити жертву, входя во внутренность олтаря, и даже предтече за насъ вниде Христосъ, и облеченный въ таинственную силу сію Божественныхъ дарованій Пресвятаго Духа, преподаютъ вѣрнымъ къ просвященію предводяще яко столпи свѣтли, новаго Израиля въ таинственную обѣтованную землю; сице убо и мѣрность наша всевысочайшимъ промышленіемъ Божіимъ удостоившися одерживати святѣйшій сей Апостольскій, Патріаршескій Вселенскій престолъ и подчиненныи ему церкви не дремлющема очима посѣщати и укрѣпляти якоже подобаетъ ко спасенію. Видѣвше святѣйшую Босанскую митрополію, вдову оставшуюся, законнаго ея Архіерея господина

уже отъ живота скончавшагося и къ небеснымъ обителемъ преложшагося, и должность признавши отеческую, немедленно другаго въ мѣсто онаго поставити потрудихомся, и все тщаніе положихомъ къ обрѣтенію достойно воспріяти имущаго духовное сіе промышленіе; той же и повелѣвше нашею патріаршескою властію быти правильному избранію, во всечестнемъ патріаршескомъ храмѣ святаго славнаго великомученика Георгія Побѣдоносца, въ царствующемъ семъ градѣ находимся преосвященнѣйшими Архіереи пречестными по духу Святому возлюбленными, и сослужителями нашея мѣрности, и убо Ефесскимъ господиномъ Хрисанфомъ, Ираклійскимъ господиномъ Діонисіемъ имущимъ довѣріе отъ Никомедійскаго господина Попарета, предсѣдателя Агкирскаго господина, и Софійскаго господина Паисія, избрася и предпочтенія отъ всѣхъ другихъ высокословеснѣйшій великій протосингилъ святыя Христовы великой церкви господинъ Амбросій, яко достойный воспріяти Архіерейское предстательство и пастырскій жезлъ святѣйшія Митрополіи Босанской, мужъ благочестивъ же и изряденъ Богу работаяй, и умныя очеса высокотворною молитвою къ нему возносяй.

Кротокъ, смиренъ, въ дѣланіи добра нелѣнность, и готовъ ко всякому благотворенію: и вообще рещи достоинъ отеческаго наказанія воеже примѣрно пасти стадо духовное и вести е къ спасительной пажити, чего ради и предрассудися синодально произвестися на святѣйшую сію Митрополію Босанскую. Сего, и мѣрность нашу силою и благодатію Пресвятаго совершительнаго Духа рукоположихомъ Архіерея, и поставихомъ его Митрополита пречестнаго и правильнаго святѣйшія Митрополіи Босанскія, и предстателя духовна

всея епархіи сея, и господина и владѣтеля всѣхъ движимыхъ и недвижимыхъ вещей Митрополіи сея; долженъ же реченный сей преосвященнѣйшій Митрополитъ Босанскій, пречестный по Духу Святому, возлюбленный братъ и сослужитель нашія мѣрности, господинъ Амвросій, пришедъ въ богодарованную ему Митрополію сію, и пріявъ кормило ея, благословляти, освящати и учити съ ней люди Господни, увѣщевати и наказывати я спасительнѣ, имѣя власть поставляти чтецовъ, рукополагати діаконовъ, и въ достоинство пресвитера производить, поставляти духовныя отцы своими подтвержденіями, и прочая вся дѣлати, всѣмъ приснымъ и господствующимъ Архіереямъ творити подобно есть, вкупѣ съ сѣдѣніемъ священнаго сопрестола, плодособирати же и пріимати вся подобающая его церковныя приходы и оправданія обычныя и узаконенныя. Должны же и вси въ епархіи находящіися, честнѣйшія клирицы, благоговѣйнѣйшія священницы, іеромонахи же и монахи, честніи предсѣдатели, старцы, и предстоятели, и прочіе Христоименительное исполненіе всякаго чина и состоянія воздавати его преосвященству всякую честь и благоговѣніе, съ пріятіемъ и благоразуміемъ. Послушествоваше и подченитеся ему, яко же присному ихъ пастырю, и господствующему владыцѣ, и подавати ему признательностію и послушаніемъ вся подобающая ему церковные приходы и оправданія господствующая и случившееся обычныя узаконенія, сіе есть, спомоществованіе, честолюбныя правильныя подати о бракосочетаніи и торжествъ церковныхъ, помѣстную милостыню подавать за вѣчное поминаніе душъ, предложеніе, четыредесятныя службы за упокоеніе душъ, и все проч. Обычно помѣстное

узаконеніе поминати же и правильное его имя во всѣхъ священныхъ совершеніяхъ, якоже и узаконенно есть и притекати и полагати ему во всѣхъ церковныхъ нуждахъ и дѣлахъ и ни въ чемъ противитися, или прекословити ему безчиніемъ: ибо бывалыя и подаваемая его преосвященству честь, благоговѣніе, слушаніе и покорность на насъ возносится и чрезъ насъ къ самому Богу, котораго образъ Архіерея на земли носятъ, а противная повелѣнія дѣлаяй, и умомъ развращеннымъ Архіерею противитися хотяй или прекословяй или удержаяй обычныхъ его приходовъ не воздаяй достодолжную ему честь и послушаніе; таковый якоже гордый несмысленникъ божественныхъ негодованіемъ накажется, и отъ насъ тягчайшимъ запрещеніемъ подвергнется.

Но сія убо вся издадеся настоящее Патріаршеское на кожѣ писанное дѣятельное подтвержденіе, и дадеся вышереченному преосвященнѣйшему Митрополиту Босанскому по духосвятому возлюбленному брату и сослужителю нашея мѣрности Господину Амвросію къ собственному и всегдашнему его утвержденію.

Въ лѣто спасенія тысяча осмь сотъ тридясять пятое, мѣсяца сентября индикта девятаго.

Григорій милостію Божію Архіепископъ Константинопольскій, новаго Рима и вселенскій Матріархъ.

Великій Лагофетъ Николай Аристархъ.

На подлинной грамотѣ привѣшена на шелковомъ шнуркѣ оловяннаго металла печать съ образомъ Пресвятыя Богородицы, а на оборотѣ съ именемъ Патріарха *).

*) Эта грамота дана Амвросію въ 1835 году 9 сент., условіе же съ бѣлокриницкими агентами заключено въ 1846 г. Спра-

Вторая Патріаршая грамота Митрополиту Амвросію сущу въ Царьградѣ 1846 года марта 5 дня.

Патріархъ.

Мѣрность наша съ симъ Патріаршескимъ изданіемъ поручаемъ, и позволеніе даемъ (Патріаршескимъ изданіемъ) тебѣ Преосвященному Митрополиту, прежде Босанскому собрату нашему возлюбленному и сослужителю господину Амвросію во еже по утреннемъ въ другій день въ недѣлю взыти въ сущую въ Бѣлоктанѣ и священную церковь Пресвятыя нашея Богородицы двустолпныя совершити божественную и священную таинственную службу со всякимъ правильнымъ усмотрѣніемъ (безъ сѣдѣнія священнаго сопрестола) *) помянеши имя о упокоеніи Анастасіи, на сіе убо и дадеся ти сіе Патріаршеско наше изданіе.

Константинопольскій
1846 года марта 5 дня.

шивается, къ чему приведена грамота, ежели она была отмѣнена въ 1841 г., какъ видно (смот. 70 стр.) и изъ старообрядческихъ документовъ, гдѣ говорится объ Амвросіи, что онъ находился «праздно»?

*) Едва ли эта грамота была извѣстна Патріарху: въ ней нѣтъ ни имени, ни подписи его, — да и содержаніе ея такъ кратко, осторожно составлено, что невольно бросаетъ тѣнь на мрачное ея происхожденіе, и пріобрѣтеніе простымъ, частнымъ образомъ. Вѣроятно за Бѣлокриницкое золото составлена она ка-

Безъ сѣдѣнія священнаго сопрестола значитъ что въ Цареградѣ Патріархъ въ каждой церкви на случай его службы имѣетъ свой престолъ на горнемъ мѣстѣ и въ церкви всѣ служащіи въ Цареградѣ Архіереи не могутъ сидѣть на Патріаршескомъ престолѣ, но подлѣ онаго на маломъ, то есть на креслахъ, и въ присутствіи Патріарха и безъ присутствія.

Послѣ соборнаго правила, якоже явствуетъ въ Московскомъ соборномъ свиткѣ учиненномъ Греческими Патріархами сице: еще слухъ намъ есть и о семъ, яко здѣ въ Россіи въ божественной Литургіи во чтеніе Апостола всякій священникъ сидитъ на священномъ сопрестоліи сирѣчь на горнемъ мѣстѣ, и то пребезаконно есть прелюбодѣяніи вмѣняется.

Сѣдалище есть и сущій престолъ и невѣста его, не токмо Священникомъ или Архимандритомъ подобаетъ сидѣти на горнемъ мѣстѣ, но ниже Архіереомъ въ чужихъ епархіахъ ни въ какой церкви не возможно сидѣти на горнемъ мѣстѣ; ниже самому Патріарху, аще прилучитися ему путешествовати во епархіи Митрополита или Епископа своего не можетъ сидѣти на томъ мѣстѣ.

кимъ-нибудь писцомъ консисторіи. Впрочемъ въ ней сказано, что безъ сѣдѣнія священнаго со престола, т. е менѣе простаго священника и то единовременно: помяниши имя о упокоеніи Анастасіи. Сколько хлопотъ стоило добывателямъ достать и эту грамоту! Если бы на Амбросія не было положено запрещенія священнодѣйствовать, то къ чему было бы испрашивать ему особую грамоту отслужить литургію объ упокоеніи Анастасіи? Ясно что съ него была сложена власть священнодѣйствовать и хиротописать.

Поданное прошеніе лично самому Австрійскому Императору Фердинанту въ Вѣнѣ отъ Митрополита Амвросія.

11 іюля 1846 года.

Ваше Императорское Величество.

По всевысочайшемъ рѣшеніи, отъ 18 сент. 1844 года Ваше Императорское Величество, всемилостивѣйше позволило старовѣрческому Бѣлокрыницкому обществу, состоящему въ Буковинѣ, изыскать гдѣ восхощутъ за границею Архіерея имѣть у себя навсегда верховнымъ пастыремъ никѣмъ отъ иныхъ религій низависимаго.

Въ слѣдствіи таковой всевысочайшей милости, отправились тотъ часъ отъ Бѣлокрыницкаго монастыря два посланника, иноки Алимпій Милорадовъ и Павелъ Васильевъ въ державу Турецкую, посѣтивши не токмо Турцію Европейскую, но и Азіятскую, вмѣстѣ и святу землю Іерусалима, и далѣе: Аравію и Египетъ, потрудились объ таковомъ дѣлѣ единственно для изысканія таковаго Архіерея, который бы полезенъ былъ старовѣрческимъ обществамъ, и вѣренъ Австрійскому государству. При особенныхъ обстоятельствахъ, сіи христіане отъ многихъ лѣтъ во угнетеніи отъ великорос-

сійской церкви находились и при крайней боязни, не избрать бы пастыря, который бы былъ желателемъ соединенія проискѝваемаго отъ церкви Русской словами и угнетеніями: по желанію же ихъ, угодно было милосердію Божію, да азъ съ глубочайшимъ стихопочитаніемъ нижеподписанный Греческій Митрополитъ, по правиламъ святыхъ вселенскихъ соборовъ и по примѣрамъ святыхъ отецъ, къ вышереченному обществу старовѣрцевъ согласился быть верховнымъ ихъ пастыремъ, на условіи учененномъ 16 апрѣля 1846 года своеручно мною подписанномъ.

О родѣ жизни моей объясняю. Я рожденъ въ городѣ Эносѣ, теперь отъ роду имѣю 55 лѣтъ, крещенъ именемъ Андрей, сынъ тамошняго іерея Георгія.

Вступилъ въ супружество 1811 года, рукоположенъ отъ Эносскаго Митрополита Матѳея въ священники, въ своемъ будучи роду двадцать третій священникъ.

Но умершей моей супруги 1814 года вдовъ сый, принялъ чинъ мнишескій въ 1817 году и по многолетной службѣ у реченнаго Митрополита поставленъ былъ въ 1823 году игуменомъ монастыря при святой Троицы въ островѣ Хаски близь Константинополя, гдѣ и оставался до 1827 года. Въ то самое время по изволенію Патріарха Цареградскаго поставленъ былъ предстоятелемъ церкви иже въ Менеравлѣ въ Босфорѣ Цареградскомъ, а послѣ того Патріархомъ Константиномъ поставленъ былъ протосингеломъ самой Патріархіи. Наконецъ же синодально избранъ въ Цареградѣ и поставленъ въ Митрополита Босанскаго; утвержденъ же Патріаршею грамотою отъ 9 сентября 1835 года, которую при семъ въ подлинникѣ на благо-

усмотрѣніе вашему Императорскому Величеству представляю, но какъ въ то время въ Патріархѣ разныя происходили перемѣны; перемѣннымъ двумъ Патріархамъ: Григорію и Анѳиму Комедійскому.

И при Анѳимѣ Патріархѣ Кизическомъ вызванъ я былъ отъ моей Митрополіи въ Царьградъ 1841 года, на мѣсто же мое опредѣленъ по желанію и ходатайству везеря Хуфевъ паши Босанскаго другой Митрополитъ Игнатій.

Такія смѣненія и новыя постановленія Епископовъ еще при жизни перваго въ христіанскомъ законѣ запрещаются, однако въ Греческой церкви уже происходило премножество такого, что теперь въ Цареградѣ находится вдовствующихъ шесть Патріарховъ, а болѣе двадцати Митрополитовъ и Епископовъ (въ числѣ которыхъ находился и азъ смиренный Митрополитъ ниже подписанный) и всѣ таковые іерархи отъ своихъ престоловъ удалены безъ имени сана ихъ, а на мѣсто ихъ другія лица поставлены.

По званіи же моемъ отъ своей Митрополіи я имѣю же въ неизмѣнномъ содержаніи мое высокое священнослуженія достоинство, какъ явствуетъ отъ Патріаршаго даннаго мнѣ написаныя 5 марта сего 1846 года для богослуженія въ Цареградѣ, которое также подлиннымъ при семъ вашему Императорскому Величеству представляю и свободенъ будучи съ твердостію рѣшился принять избраніе реченнаго старовѣрческаго общества верховнаго пастыря, видя предъ собою самое явное Божественное Провидѣніе, которое меня предназначило, дабы лишенное до сихъ поръ священнаго Архипастыря оное общество (числющееся кромѣ

Австрійскаго царства въ сосѣдственныхъ державахъ до трехъ милліоновъ) руководить къ вѣчному блаженству пути. Для того съ искреннимъ желаніемъ и одушевленъ будучи съ любовію и ревностію, всю свою силу и жизнь за благосостояніе таковаго общества пожертвовать, которое подъ высокимъ покровительствомъ Вашего Императорскаго Величества въ нерушимой извѣстной вѣрности и приверженности къ пресвѣтлому царскому дому, и въ славу Божію успѣваетъ.

Я покорнѣйше нижеподписанный, имѣя неограниченную надежду на всевысочайшую милость вашего Императорскаго Величества дерзнулъ самъ лично, сіе мое прошеніе на степень высочайшаго Императорскаго престола принесть, для чего и предпринялъ путешествіе прямо въ Австрію, но ожидая должнаго о мнѣ и моей непорочности доложенія, дабы долгимъ изъясненіемъ не могло случиться со старой Греческой церкви какихъ либо препятствій; а какъ моя совѣсть чиста и мое желаніе богобоязливо и смиренно, такъ и я увѣренъ, что Ваше Императорское Величество въ землѣ въ разсужденіе неотложныя духовныя нужды старовѣрческаго общества таковое мое дерзновеніе и скорое пришествіе всемилостивѣйше оправдаетъ. Наконецъ всепокорнѣйше прошу дабы Ваше Императорское Величество и благоизволило мнѣ ниже подписанному позволить вступить въ Кесарокоролевское и Австрійское подданство, по причинѣ принимаемой мною публичной должности.

Вѣна 11 Іюля 1846 года.

На подлинномъ подписано:

Амбросій Митрополитъ.

Принятіе въ Австрійское подданство Митрополита Амвросія.

№ р. 16630.

Бывшему Митрополиту отъ Босніи теперешнему Епископу обществу Липованской вѣры.

Господину Амвросію

въ Бѣлокрыницѣ.

Его Королевское Императорское Величество благоволили дозволить всевысочайшимъ рѣшеніемъ отъ 3 Марта сего года

Бывшее опредѣленіемъ высокой придворной канцеляріи отъ 15 Ноября истекшаго года

№ 34987, позволено вамъ исполненіе дѣйствія яко верховнаго епископа, общества Липованской вѣры въ Буковинѣ, и жительство въ монастырѣ Бѣлокрыницѣ, дабы вамъ такожде и Австрійское гражданство пожаловано было.

Въ слѣдствіи высокаго опредѣленія придворной канцеляріи отъ 31 Марта, и высокаго предписанія губерни отъ 16 Мая сего года, № 9950 и 22955, доводится сія до вашего свѣдѣнія, Черновцы 23 Іюня 1847 года

(М. П.) Изыческуль.

По прошествіи одного года требуетъ господинъ губернаторъ Стадіонъ Митрополита Амбросія въ Ленбергъ или во Львовъ.

№ 14764.

Его преосвященству господину Архіепископу.

Я нахожусь въ положеніи вынужденномъ ваше преосвященство просить, по принятіи сего письма вдругъ въ Лембергъ послѣдовать, и прямо ко мнѣ явиться.

Имѣю честь съ полнымъ уваженіемъ остаться

вашего преосвященства нижайшій слуга

Стадіонъ.

Ленбергъ 6 Декабря 1847 года.

Изъ Львова посланъ въ Вѣну и представлены отъ монастыря вопросы слѣдующія:

Его преосвященству Липованскаго закона

Господину Амбросію.

Его Ц. К. величество благоизволило со всевысочайшимъ кабинета посланіемъ отъ 29 Ноября прошедшаго года чтобъ ваше преосвященство въ Віену позвано было; здѣсь должны вы на ваше преосвященство донесенныя жалобы быть услышаны (испытаны).

Прежде всѣхъ предаю вамъ приключеніе семъ на ваше преосвященство, и управленное письмо Патріарха Константинопольскаго, изъ котораго увидите, имѣете какія донесенія, онъ на поступки ваши приводитъ, и какое позываніе на васъ управляетъ.

Съ отношеніемъ на содержаніе сего письма, ваше преосвященство теперь позываетесь на свое оправданіе.

1) Какъ ваше преосвященство сказывать могли, что отъ Константинопольскаго Патріарха въ Буковину посланы?

2) Какъ могли вы, какъ духовный верховный пастырь терпѣть, чтобъ въ Бѣлокрыпицкій монастырь безъ вашего позволенія Русскія принимаемы были?

3) Отъ которыхъ одни суть преступники;

4) Другія изъ Русскихъ монастырей бѣглые монахи;

5) А другіе отъ наказанія убѣгшія?

6) Какъ вы теперь могли, чтобъ монастыря настоятель съ проводящимъ его однимъ инокомъ подложнымъ характеромъ, какъ купцы три раза въ Россію ходили?

7) Какъ вы теперь могли, чтобы монастырь не престанно проповѣдниковъ въ Россію посылалъ?

8) Какъ могли себѣ позволить разширеніе власти вашей въ Россіи, когда опредѣленіе ваше было только стараться для Липованъ въ Буковинѣ?

9) Какъ наконецъ безъ полученнаго позволенія, Русскихъ подданиковъ могли посвящать во священники?

Я позываю ваше преосвященство изъясниться по самой строжайшей истинны на каждый пунктъ, и притомъ показать должны ваше преосвященство, какъ на показанія патріарха Константинопольскаго вы отвѣчать намѣрены, къ чему и замѣчаю вамъ еще, что вы въ Буковину больше возвратиться не можете.

Ваше письменное изъясненіе должны ваше преосвященство мнѣ не дальше до осмь дней представить.

Въ Віенѣ 30 генваря 1848 года, высочайшій

Канцлеръ Карлъ

Графъ Инцаги.

Запросъ отъ Патріарха къ Митрополиту Амбросію данное чрезъ Министерство, во одинъ часъ съ русскими пунктами.

Анѳимъ Божіею милостію Архіепископъ Константинопольскій, новаго Рима, и вселенскій Патріархъ.

Преосвященный Митрополитъ прежде Босанской, по Духу Святому возлюбленный братъ и сослужитель нашей мѣрности господине Амбросіе благодать буди твоему преосвященству и миръ отъ Бога.

Неразсудное и безславное твое бѣгство, и противное твое священнымъ закономъ отъ церкви отлученіе, въ которое вдался, и отъ которой (церкви) былъ благодѣтельствованъ и почтенъ. Отяготила есть столько твое прегрѣшеніе, столько представляетъ тя повинна духовному грѣху самая твоя дерзость, съ которою занимавшійся Архіерейскимъ дѣйствомъ и совершаемы хиротоніи лицъ сумнительныхъ въ благочестіи. и христіанскихъ обычаехъ.

Церковь извѣстившись съ начала въ тыя страны о твоемъ прибѣжище, и благорасположена будучи къ твоему преосвященству, и имѣя на то и другія богословныя вины ниже слѣдующее, писала дважды тогда

Преосвященному Митрополиту Карловецкому, возлюбленному нашему о Христѣ брату господину Іосифу.

Изложивъ къ нему твое отсюда удаленіе и бѣгство, и дала позволеніе его преосвященству воспятить тебѣ всякое священнодѣйствіе, какъ то прегрѣшительно по правиламъ и убѣдить тебя возвратитися сюда къ церкви, но никаковаго не видѣли отъ твоей страны обращенія и послушаніе на написанныя наши и понуждающія тя, но паче священнодѣйствуешь непрощенно, и возлагаеши руки, рукополагая незнаемы и неиспытанныя лица, злоупотребляя Архіерейское званіе и попирая священныя правила безъ обличенія своей совѣсти, которыя (дѣла) возмутили насъ немало, ибо священное 15 Апостольное правило говоритъ:

«Естьли кто пресвитеръ или діяконъ, или отъ всего «рода кририческаго, заставивъ свое мѣсто, и въ дру«гое пойдетъ, и совсѣмъ удалився останется въ дру«гомъ, безъ совѣта своего епископа, тому повелѣваемъ «больше не литургисать; и аще призывающу его епи«скопу пріити, не послушаетъ, но пребывая въ безчиніи, «какъ мірскій да пречестится. Такъ правило 35 пове«лѣваетъ: епископу не дерзать внѣ своего предѣла «совершать хиротоніи въ неподчиненныхъ ему градѣхъ «и мѣстахъ; естьли обличится сотворивше то безъ из«вѣстія держащихъ грады оныя и мѣста, да извержится «и той иже рукоположилъ.»

Но и святыхъ соборахъ, якоже убо 4-й Вселенскій соборъ въ 13 правилѣ говоритъ:

«Страннымъ кририкамъ и чтецамъ въ другомъ градѣ «безъ свидѣтельствованныхъ грамотъ своего епископа

«нигдѣ не литургисать, и другія правила многія свя-«тыхъ апостоловъ и соборовъ,» какъ то не незнаемые и сами, подчиняютъ и тебя и дерзостныя дѣйствія твоихъ рукоположеній прегрѣшенію и тяжчайшему запрещенію. При всемъ этомъ, церковь человѣколюбствуя и подавая ти умиленія, покаянія и исправленія, пишетъ реченному собрату Митрополиту Карловецкому, чтобъ онъ по изъясненіи представленныхъ словъ, и священныхъ правилъ, убѣдилъ тебя пріити и возвратитися сюда къ церкви представь такихъ благочестій погрѣшныхъ злоупотребленіяхъ и удаленіяхъ.

Сіе всѣ дѣлается промыслительно и не предразсужденно, и настоящее нарочно посылается къ преосвященству твоему управительное церковное посланіе, которымъ предъ увѣщаніемъ, и завѣщаемъ тебѣ разсудить все опаснѣ, и разумѣвъ отъ выше реченныхъ священныхъ правилъ дойдеши въ себѣ и послушавъ позывающему тя церковному гласу. Востанешь и возратишися сюда къ ней, которая видя твое одерзновенныхъ покаянія, нетолько удостоитъ тебя прощенія и оставленія, но и промышленіе имѣти будетъ о тебѣ обыкновенною своею любовію, и расположеніемъ, которая искуствомъ и прежде познала еси, то есть на другую епархію лучшую. Въ противномъ же случаѣ, естьли откажешися не послушавъ и противенъ, и прибывая въ противномъ священнымъ правиламъ жительства, знай вѣрно, что издано будетъ изверженіе твоего Архіерейства, согласно божественнымъ и священнымъ закономъ и правиломъ, которыя дерзнули попрать, и неточію самъ подчиненъ будеши строгому и праведному церковному наказанію, но повлечеши то-

еже запрещеніе и на всѣхъ, которыхъ дерзостно рукоположилъ, какъ то осужденныхъ, не знаемыхъ и несвященныхъ согласно смыслу и рѣшенію священныхъ правилъ. Разсудивъ убо себѣ полезнѣйше сотворити, какъ то пишемъ увѣщевая тя, чтобъ была и благодать Божія съ твоимъ преосвященствомъ.

1847 года 8 дня августа.

Патріархъ Константинопольскій
о Христѣ братъ Твой.

Отвѣтъ на первое предписаніе Министра графа Инцаги отъ 30-го генваря 1848 г. въ Вѣнѣ отъ Митрополита Амвросія.

Ваше высокопревосходительство.

На ваши мнѣ, въ высокомъ вашемъ предписаніи отъ 30 генваря 1848 года, представленныя вопросы, честь имѣю отвѣчать слѣдующимъ.

На первой, я никогда никому не хвалился и не говорилъ и самому Императору не объяснялъ, что я отъ Патріарха въ Буковину посланъ, противъ чего никто меня обличить не можетъ, но я представляя грамоты увѣрялъ только о своемъ санѣ, что незапрещенъ, но свободенъ, вѣроятно, что меня въ томъ и справки оправдали, почему и въ подданство уже принятъ есмъ.

На 2-й, 3-й, 4-й и 5-й, при существованіи моемъ въ Бѣлокрыницкомъ монастырѣ, изъ Русскихъ подданниковъ, ни одинъ человѣкъ не находился въ оный принятымъ.

На 6-й, настоятель поѣхалъ въ Россію дѣйствительно для покупки потребныхъ для монастыря церковной утвари вещей, какъ уже прежде монастырь далъ прошеніе къ высокому правительству для неплаченія пошлины, о чемъ и рѣшеніе получено, а не для какого духовнаго дѣйствія, одинъ только разъ при своемъ су-

ществованіи, подъ какимъ же характеромъ (званіемъ) онъ взялъ паспортъ во Львовѣ мнѣ неизвѣстно, ибо онъ изъ Львова въ монастырь не возвращался.

На 7-й, отъ монастыря проповѣдники въ Россію отнюдь никогда посылаемы не были.

На 8-й, я никогда не расширялъ власти моей въ Россіи, и никогда даже объ томъ ничего и не писалъ въ оную: а только было мое стараніе объ находящемся народѣ въ Буковинѣ старовѣрческихъ обществахъ.

На 9-й, я посвящалъ во священство жителей монастыря, избранныхъ лицъ старовѣрческихъ обществъ, добродѣтелію и ревностію къ благочестію отъ того же народа засвидѣтельствованныхъ, но не въ Россію и неподданниковъ Русскихъ» (*).

А на письмо Патріарха цареградскаго отъ 8 Августа 1847 года могу отвѣчать слѣдующее:

1) Въ 1841 году Сентября 12 дня послѣ пятилѣтней моей паствы, смѣнше меня съ законной моей Босанской епархіи безъ всякой объявленной мнѣ причины, какъ то и самъ нынѣшній Патріархъ знаетъ.

Даже отправившись я изъ Босніи, и пріѣхавши въ Ибраилъ, писалъ моему пріятелю въ Царьградъ допросить у Патріарха причины, за что меня (смѣнили) славный пріятель же мой по свѣту (?) нѣкоторыхъ особъ...

(*) А Кирилла кто посвящалъ въ санъ Архіерея? Не Кириллъ ли ложно посвященный посвятилъ Андрея Ларіонова Шутова въ санъ Владимірскаго Архіерея именемъ Антонія? Кажется для этого только и нуженъ былъ Амвросій, продавшій себя и хиротонію за 500 златницъ Въ настоящее время въ поповщинѣ (Рогожской) образовалось уже двѣ партіи: одна держится стороны Кирилла Бѣлокриницкаго, а другая Антонія со всѣми его единомышленниками.

На которой (вопросъ) Патріархъ отвѣчалъ по клевстѣ Турецкихъ начальниковъ Босанскихъ, потому и надѣялся я, что прибывшему мнѣ въ Константинополь опредѣлитъ меня церковь и Патріархъ въ другую епархію, однако не только въ животѣ своемъ Анѳимъ Патріархъ забылъ, когда хотѣлъ меня помиловать, но даже и другіе два послѣдующіи на престолъ Патріархи, Гермонъ и Милетій, чрезъ цѣлыхъ пять годовъ оставили меня только на малой пенсіи при Патріархіи, еще далѣе въ ожиданіи ваканціи.

2) Что нынѣшній Патріархъ Анѳимъ третій, зная все мое несчастіе и страданіе, а притомъ даже и самую невинность въ случившемся мнѣ неправедномъ послѣдствіи, вступилъ на престолъ Патріаршества, и не обратилъ очей своихъ на меня, опредѣлить меня по крайней мѣрѣ въ меньшую пѣкую епархію, которыя уже тогда были вдовствующія, какъ то Миронія и Горохина.

3) Однако мнѣ по благости Божіей явилась луча изъ царства Австрійскаго, которая, посредствомъ всевысочайшаго указа, подала позволеніе почти осиротѣвшему народу искать и привесть себѣ Архіерея изъ заграницы.

Я принялъ такое извѣстіе за единственный промыслъ Божій и отважился прибыть въ Буковину, не бродяжества ради, но вопервыхъ для моего спасенія и спокойствія, а вовторыхъ, не пренебрегъ такое доброе дѣло, для упасенія лишенныхъ пастыря овецъ, которыя я не укралъ, и ни отъ кого не отнялъ, пришелъ защитить ихъ, и быть имъ во отца, въ пастыря, и утѣшителя, не мѣшаясь во овцы чуждыя, имущія своихъ другихъ пастырей, какъ то и правила Апостольскія и соборы не позволяютъ. Которыя правила я не

опровергаю, а съ подтвержденіемъ признаю однако оныя наводимыя на меня правила, какъ то 15 и 35 и 4, и четвертаго вселенскаго собора 13 отнють на меня не восходятъ, и меня осудить никакъ не могутъ; не праведно бо вожженному свѣтильнику подъ спудомъ стояти, и я единожды сію религію принялъ, и уже вспять возратиться отнюдь не желаю; потому что я, какъ выше сказано, не влѣзъ въ чужое стадо, ни въ чужую епархію, но словомъ сказать, Божіимъ благоволеніемъ, и по царской милости, и правомъ даннымъ старовѣрческому народу въ Буковинѣ, названіе и прозбу тогоже народа чрезъ ихъ депутатовъ, пришелъ я по ревности Евангельской, ко овцамъ не имущимъ своего пастыря, не на уничтоженіе, но на увеличеніе славы Божія, гдѣ останки силъ старыхъ моихъ лѣтъ положить, и самую жизнь скончать желаю благодаря Бога.

Его покорный слуга

Митрополитъ Амбросій.

Вѣна генваря 26 дня 1848 г.

Второе предписаніе министра графа Инцаги съ нижеслѣдующимъ объявленіемъ:

Изъясненіе вашего преосвященства отъ 7 сего мѣсяца Его Императорскому Величеству представлено.

Его Величество по высочайшему рѣшенію, отъ 22 сего текущаго мѣсяца вашему прошенію чтобъ возвратиться въ Бѣлокрыницкій Монастырь состоящій въ Буковинѣ, не соизволяетъ, но благоизволило повелѣть чтобъ васъ увѣдомить, что ваше возвращеніе въ Буковину не можетъ больше мѣста имѣть, послѣ сего высочайшаго повелѣнія, о вашей на дальшее время дѣятельности для Липованов въ Буковинѣ, не можетъ быть больше ни слова.

Я на это за нужное поставляю ваше преосвященство понудить, изразить по сему свою рѣшимость, возвратиться къ Патріарху или на заточеніе и мнѣ таковое во осмь дней представить; къ чему я еще замѣчаю, что ваше преосвященство только до моего отданія таковаго вашего показанія, въ Вѣнѣ прибыть можете.

Вѣна 24 Февр. 1848 года.

Высочайшій канцлеръ Инцаги.

На второе предписаніе министра графа Инцаги, отъ митрополита поданное прошеніе.

Ваше высокопревосходительство.

Изъ всякаго вашего предписанія отъ 24 Февраля увидѣлъ я всевысочайшее Императорское рѣшеніе, что Его Величество благоизволило повелѣть, не возвращаться мнѣ болѣе въ Буковину, въ монастырь Бѣлокрыницу, и въ слѣдствіи сего всевысочайшаго Императорскаго повелѣнія о дѣятельности моей до Липованъ въ Буковинѣ не было бы больше ни слова, для чего я съ глубочайшимъ страхопочитаніемъ принялъ всевысочайшее Императорское о семъ повелѣніе, и не противляясь высокой Его Величества воли, повинуюсь царской его власти, какъ то я и всегда былъ повиненъ и послушенъ вышшему начальству, которое дадено намъ отъ Бога ко общему нашему спасенію и пользы. Однако объ искусномъ отъ меня чрезъ высокое ваше предписаніе, о семъ израженіи со ужасомъ и трепетомъ сердца отвѣчаю: что я по нечаянномъ таковомъ несчастіи

никакъ не въ состояніи рѣшительно что для себя сказать, ибо намѣреніе мое съ самаго начала было подъ щитомъ царско Императорской милости, которую Его Величество благоволило подать старовѣрческому народу въ Буковинѣ, найти для моего спасенія, и въ старости моей желаемъ спокойствіе дойти въ тихое пристанище.

Для чего я видя еще въ Константинополѣ всевысочайшее Императорское позволеніе въ рукахъ депутатовъ, сущаго въ Буковинѣ старовѣрческаго общества и удостовѣрясь о таковомъ всевысочайшемъ позволеніи для привезенія себѣ изъ заграницы Архіерея рѣшился ипришелъ я утверждаемъ на томъ основаніи, чтобъ жить въ нѣдрахъ счастливѣйшей Императорской державы, какъ вѣрный подданникъ. въ которой уже по всевысочайшей царской милости, и по сердечному моему желанію и причисленъ въ Австрійское подданство до самаго послѣдняго моего издыханія, моляся Всевышшему о здравіи и долголѣтней жизни всемилостивѣйшаго нашего Императора, и державы отца, чего ради и настоящее мое несчастіе бываетъ мнѣ столь горчайшее сколько была и слатшая моего благополучія надежда.

Я не плачу о лишеніи прежней моей митрополіи Босанской: тамо бо виновны Мусульмане, враги Креста Христова.

Но всего прискорбнѣе, что нынѣ уже подъ скипетромъ христіанскаго Императора второе новое невинное подъемлю наказаніе, въ лишеніи нововрученной мнѣ паствы и новоучрежденнаго Архіерейскаго престола въ Бѣлокрыницѣ, да еще надо всѣмъ тѣмъ

во вся противъ совѣсти моей, ово убѣжденіемъ, ово угроженіемъ или отступить вспять и возвратиться къ Патріарху или вкусить вѣчнаго заточенія, потому я нынѣ нахожуся на краю самой страшнѣйшей пропасти, лишенъ даже и самыхъ нужнѣйшихъ средствъ, чтобъ могъ жить гдѣ нибудь соразмѣрно моему званію съ спокойствіемъ, для чего и не остается мнѣ иная надежда и не могу изразиться вашему высокопревосходительству какимъ инымъ рѣшеніемъ развѣ такимъ, что я какъ вѣрный цесарскоролевской подданникъ, къ ногамъ Его Императорскаго Величества раболѣпно припадаю и мою сѣдую главу прахомъ посыпаю и царской милости прошу, которая независно и богато изливается на всѣхъ вѣрныхъ подданниковъ благополучнѣйшей сей державы.

Милости говорю въ прилучившемся мнѣ настоящемъ несчастіемъ и милости моей старости и послѣднимъ днемъ многоплачевной моей жизни.

Если такъ судиму быть Его Величеству, то прошу чтобъ подалъ мнѣ во первыхъ время для привезенія изъ Буковины въ Вѣну моего сына съ его семействомъ и при мнѣ находился бы для призрѣнія и утѣхи моей старости по смерть мою.

Во вторыхъ чтобъ всевысочайшимъ Императорскимъ промышленіемъ назначилось откуда мнѣ принимать ежегодное содержаніе.

По сихъ предаю себя благоутробію и милости нашего Монарха, которой по данной ему отъ Бога благости воистинну сожалѣетъ о моей старости и оставить

меня жить свободно въ царской его державѣ, въ такомъ мѣстѣ гдѣ бы я не былъ угнетаемъ отъ завистниковъ моихъ.

Симъ могу изразиться въ настоящемъ моемъ несчастіи, прося ваше высокопревосходительство ходатайствовать о мнѣ и содѣйствовать мнѣ у Его Императорскаго Величества покровительство и милость, которой и съ подобающимъ страхопочитаніемъ есмь вашего высокопревосходительства нижайшей слуга

Амбросій Митрополитъ.*)

Вѣна Марта 7 дня, 1848 года.

---

*) Амвросій скончался въ 1863 г., на 72 году своей жизни.

Послѣднее рѣшеніе Митрополиту Амбросію.

Преосвященному Амбросію, бывшему Митрополиту отъ Боєніи:

Сіе рѣшеніе съ строжайшимъ подтвержденіемъ дается вамъ, дабы вы отнюдь не имѣли никакова съ Липованами союза.

Но съ полученія сего немедленно отправились въ назначенное вамъ мѣстопребываніе въ городъ Цилль, и тамъ будете находиться по смерть вашу, съ тѣмъ замѣчаніемъ, что выѣздъ изъ города никуда не позволяется вамъ отлучаться безъ особаго дозволенія отъ тамошняго г. губернатора.

Два преданныя мнѣ министерскія повелѣнія при семъ же къ вамъ прилагаю, съ тѣмъ замѣчаніемъ, что для проѣзда вашего въ Цилль, и для содержанія вашего, тамъ, на первой разъ назначено вамъ получить триста левовъ, а на дальшее жительство вашего въ Цилли опредѣленное царствомъ содержаніе тамъ получать будете какъ есть сообщено тамошнему господину Губернатору.

Кондиція вамъ здѣлана подпорою царства, дабы вы удержаны были всякого содѣйствія, вліянія и даже сношенія съ Липованами, равно и съ заграничными.

Въ противномъ же случаѣ какого вашего неисполненнаго поступка, пріимете тяжчайшее воспрещеніе.

Вѣна 26 Іюля 1848 года.

Министръ внутреннихъ дѣлъ

Добльгофъ.

IV.

ПИСЬМО

КЪ

ОБРАЗОВАННОМУ

СТАРООБРЯДЦУ.

Письмо единовѣрца къ его другу, принадлежащему къ расколу-поповщинѣ.

Любезный другъ!

Не безъ особеннаго намѣренія я употребляю это названіе. Я хочу напомнить имъ о той взаимной дружбѣ, которая существовала между нами до роковаго 1854 года. Я говорю—роковаго; да, этотъ годъ былъ для насъ временемъ исполненія словъ Спасителя нашего, сказанныхъ Имъ о послѣдствіяхъ Своего пришествія на землю: «не мните, яко пріидохъ воврещи миръ на землю: не пріидохъ воврещи миръ, но мечъ». И врази человѣку домашніи его сбылись, самымъ буквальнымъ образомъ сбылись надъ нами сіи слова Спасителя. Въ какихъ дружескихъ отношеніяхъ мы находились одинъ къ другому до 1854 года! Какое рѣдкое согласіе являлось въ мысляхъ и чувствованіяхъ нашихъ! Одни разсужденія о предметахъ вѣры и благочестія, одно воззрѣніе на плачевное состояніе тогдашнихъ дѣлъ любезнаго намъ старообрядчества, одна скорбь при видѣ мерзости запустѣнія, стоящей на мѣстѣ святѣ; одна ревность противъ безпорядковъ и безчинія тогда-

шнихъ нашихъ духовныхъ пастырей, недостойныхъ носить на себѣ сіе великое названіе; одно неудержимое желаніе перемѣны на лучшее; одна мысль объ открытіи на Рогожскомъ кладбищѣ церкви съ правильнымъ священствомъ, мысль, къ осуществленію которой, при освященіи храма Высокопреосвященнымъ при коммерческомъ училищѣ, ты постоянно и неумолкно побуждалъ меня, являя великую къ тому ревность, и обѣщая самое сильное пособіе. Но увы! все это было только до тѣхъ поръ, пока я еще не выступалъ изъ среды, чтобы идти прямымъ путемъ къ достиженію предположенной цѣли, но въ то самое время, какъ я, возбужденный и обнадеженный тобою, сдѣлалъ первый шагъ впередъ, ты первый, или въ числѣ первыхъ, сдѣлалъ отступленіе назадъ и, измѣнившись въ своихъ прежнихъ чувствованіяхъ, оставилъ меня одного бороться съ всѣми трудностями и препятствіями въ этомъ великомъ и святомъ дѣлѣ.

Я не говорю о томъ затруднительномъ положеніи, когда я остался одинъ, безъ человѣческихъ пособій, которыми былъ обнадеживаемъ; впрочемъ оно тебѣ очень извѣстно и, при единственной помощи Божіей, кончилось такъ, какъ я никогда не могъ ожидать, теперь я совершенно спокоенъ и по духу и по внѣшнему моему состоянію. Но моя скорбь, неутѣшная скорбь о томъ, что съ сего самаго времени ты измѣнилъ ко мнѣ свои отношенія, что сіи отношенія приняли совершенно превратное направленіе когда скрывавшійся дотолѣ между нами старообрядцами, какъ странникъ и пришлецъ, въ бѣглыхъ священникахъ, Іисусъ Христосъ явно и открыто пришелъ къ намъ въ лицѣ Своей Церкви съ правильнымъ священствомъ и

принесъ съ Собою, по премудрому и благому Своему смотрѣнію, мечъ разлученія, ты, къ несчастію, подъялъ сей роковой мечъ и разсѣкъ союзъ дружбы и единомыслія, связующій насъ, а вмѣстѣ съ симъ отсѣкъ и себя отъ единенія съ тою Церковію, открытію которой вполнѣ сочувствовалъ, подавалъ совѣты и наставленія, даже побуждалъ не медлить, но приступать къ начатію предположеннаго. И вотъ уже пять лѣтъ, какъ продолжается это отсѣченіе; уже пять лѣтъ, какъ я лишенъ счастія также сладко бесѣдовать съ тобою, какъ тогда, откровенно и безъ принужденія, изливать мысли и чувствованія души.

Не мое дѣло искать или предполагать причины такой быстрой перемѣны въ твоихъ мысляхъ, чувствованіяхъ и убѣжденіяхъ; я скажу только о себѣ, что я доселѣ остаюсь къ тебѣ одинаковъ, что во мнѣ сохранились безъ измѣненія тѣ же чувствованія въ отношеніи тебя, и если они доселѣ не высказывались, то единственно потому, что я считалъ сіе неблаговременнымъ, даже безполезнымъ, а именно: поставленный неисповѣдимымъ Промысломъ дѣйствовать во главѣ новаго общества церкви, по дѣламъ которой я долженъ былъ принять на себя все попеченіе и заботы, я не высказывалъ тебѣ своихъ чувствованій, опасаясь подозрѣнія въ неискренности, что голосъ дружбы будетъ принятъ за корыстныя выраженія. Нынѣ изъ оффиціально-церковнаго человѣка, ставъ частнымъ членомъ Церкви, я безъ опасенія въ подозрѣніи могу говорить съ тѣми, къ которымъ чувство дружбы сохранилось во мнѣ во всей своей силѣ. И вотъ я хочу говорить съ тобою, какъ съ другомъ, и говорить ни о чемъ-либо другомъ, но продолжать прерванное пять лѣтъ тому назадъ наше

собесѣдованіе, въ которомъ ты живо сочувствовалъ мнѣ, но которое, когда начинало осуществляться, послужило потомъ, какъ я уже сказалъ, поводомъ къ нашему разъединенію.

Другъ! при твоемъ природномъ умѣ, при твоей образованности, завершенной въ послѣднее время заграничнымъ путешествіемъ, можно ли предполагать, чтобы ты совершенно отказался отъ прежнихъ своихъ прямыхъ и правильныхъ убѣжденій о Церкви и вполнѣ принялъ грубыя и невѣжественныя соплетенія нынѣшнихъ старообрядцевъ о лжеіерархіи, такъ называемой австрійской? *) Не думаю, чтобы твой свѣтлый взоръ, въ этой не хитро составленной баснѣ, не могъ усмотрѣть козней исконнаго лжеца и врага всякой истины — діавола; чтобы въ нынѣшнемъ устройствѣ старообрядчества, подъ хищническимъ правленіемъ австрійской лжеіерархіи, не могъ ты видѣть измѣненія, или лучше совершенное извращеніе порядка, котораго держались наши дѣды и отцы. Нынѣшнее устройство сказаннаго старообрядчества есть совершенное отступничество отъ Церкви, всецѣлое отсѣченіе отъ участія въ ея единствѣ, даже и косвеннымъ образомъ; тогда какъ въ прежнее время, какъ предки наши, такъ и мы, признавали всегда единство вселенской Церкви, именно той, часть которой составляетъ и Россійская Цер-

---

*) Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, отвѣчалъ ли другъ «образованный, при умѣ, усовершенствованномъ заграничнымъ путешествіемъ;» или до сихъ поръ не выручили просвѣщеннаго мужа «ни природный умъ, ни поѣздка за границу, отъ невѣжественныхъ соплетеній старообрядца австрійской лжеіерархіи?...»

ковь, и признаніе это подтверждали тѣмъ, что въ ней единой искали для себя освященія, принимая къ себѣ пастырей только въ ней поставленныхъ. Мы находили въ ней только нѣкоторыя, кажущіяся намъ неисправности и упущенія противъ древле-свято-отеческихъ преданій, въ отношеніи обрядовъ употребляемыхъ при совершеніи богослуженія и таинствъ, — что возмущало насъ и заставляло искать средства совершать ихъ по совѣсти; и мы искали эти средства не въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ, а тамъ, гдѣ слѣдовало ихъ искать, т. е. въ той-же Церкви; но только какія средства? Мы, такъ сказать, подбирали гнилые обломки, которые Церковь извергала, или готова была извергнуть отъ себя, какъ негодные (я разумѣю бѣглыхъ священников ъ въ), и изъ этихъ-то ветхостей мнили совершить прекрасное зданіе, отъ котораго чаяли себѣ спасенія.

Теперь только мы узнали, что это было дѣйствительно такъ, но тогда мы сего не понимали. И благодареніе Господу Іисусу Христу, Главѣ Церкви, который быть можетъ и за то, что мы хотя не прямо, но все-таки держались единенія Церкви, не предалъ насъ, какъ многихъ изъ несчастныхъ нашихъ собратовъ, принявшихъ австрійскую лжеіерархію, въ неискусенъ умъ творити не подобныя, но въ самой той же Церкви, къ которой мы и всегда относились, указалъ намъ настоящія средства, могущія вполнѣ удовлетворить духовнымъ нашимъ потребностямъ и успокоить нашу совѣсть. Церковь, какъ чадолюбивая мать, болѣзнуя о нашемъ заблужденіи, видя насъ всегда алчущими и жаждущими духовно и всегда остающимися безъ удовлетворенія, подала намъ руку помощи,

вывела насъ на прямой путь, давъ намъ свободу, вмѣсто недостойныхъ нѣкоторыхъ, тайно принимаемыхъ нами, избирать изъ всѣхъ своихъ пастырей, которыхъ мы найдемъ болѣе способными удовлетворить своимъ духовнымъ нуждамъ. При избраніи же священниковъ дается намъ право, а избранные священнослужители обязываются въ точности, безъ малѣйшаго отступленія, исполнять всѣ обряды по старымъ частнымъ богослужебнымъ книгамъ. Сверхъ сего Церковь, вмѣсто насъ, неопытныхъ сыновъ ея, бдительно наблюдаетъ за точнымъ и неупустительнымъ исполненіемъ всего того, что намъ такъ дорого, и что, какъ мы думали прежде, составляло предметъ гоненія ея противъ насъ, и заставляло насъ чуждаться ея. Нѣтъ, не старообрядчество преслѣдуетъ Церковь, а злоупотребленія и своеволія, которыя совершаются подъ именемъ старообрядчества, какъ напримѣръ учрежденіе лжеіерархіи, самовольное поставленіе епископовъ, священниковъ и діаконовъ и совершеніе чрезъ нихъ богослуженія и требъ въ соблазнъ всѣхъ православныхъ; правильное же старообрядчество она беретъ подъ свое покровительство и обезпечиваетъ законною властію.

Такимъ образомъ, принявъ Церковь съ ея правильнымъ священствомъ, мы не только ничего не потеряли въ отношеніи старообрядчества, напротивъ, пріобрѣли столько, что никогда не могли надѣяться получить и малѣйшей части того, что теперь имѣемъ. Прежде все зависѣло отъ капризовъ одного какого-нибудь выходца, который по своему произволу игралъ судьбою старообрядчества; отъ чего оно, вначалѣ единое, въ послѣдствіи раздробилось на множество мелкихъ частей. Нынѣ же каждый законный старообрядческій, или

что тоже единовѣрческій, священникъ за честь себѣ поставляетъ въ точности и какъ можно отчетливѣе исполнять все касающееся до старообрядчества, а если бы и вздумалъ кто-либо сдѣлать какое умышленное опущеніе, то тотчасъ, по открытіи сего, былъ бы подвергнутъ штрафу.

Послѣ сего чего желать? чего домогаться? Кому истинно дороги древле-отеческія преданія, кто только одно имѣетъ въ предметѣ, чтобы правильно исполнялась божественная служба по симъ преданіямъ и желаетъ сего искренно и чистосердечно, тому, при теперешней материнской снисходительности Церкви, ничего болѣе не остается, какъ воспользоваться сею снисходительностію и принявъ отъ нея законныхъ пастырей, для успокоенія совѣсти, приносить чрезъ нихъ очистительную о своихъ согрѣшеніяхъ жертву Богу по тѣмъ обрядамъ и обычаямъ, къ которымъ мы привыкли.

Другъ! путь проложенъ надежно; дверь отворена; Церковь къ каждому приходящему простираетъ материя свои объятія. Что еще медлить? для чего оставаться въ нерѣшимости? чего опасаться? Ты уже и такъ долго медлилъ за прагомъ церкви. Неужели это медленіе еще продолжится? Нѣтъ; я увѣренъ, что мой образованный другъ, при свѣтѣ ума, имѣетъ на столько силы воли, чтобы вдругъ стряхнуть съ себя всю тяжесть невольной покорности заблужденію гнетущую его совѣсть, чтобы тѣмъ же мечомъ разлученія, которымъ онъ нѣкогда, отсѣкая меня отъ своего сердца, отсѣкъ и себя отъ соединенія съ Церковію, симъ же мечомъ разсѣчь и всѣ связи, кото-

рыми онъ противъ убѣжденія удерживался доселѣ въ удаленіи отъ истины. Я увѣренъ въ этомъ, увѣренъ до того, что уже напередъ, въ восторгѣ сердца, поздравляю себя съ возвращеніемъ моего друга къ прежнему единомыслію со мною и къ соединенію съ давножеланною имъ Церковію.

Никогда неизмѣнявшійся въ дружескихъ къ тебѣ чувствахъ сердечно преданный съ достодолжнымъ высокопочтеніемъ,

N. N.

V.

РАЗСКАЗЪ ДЯДИ ОНИСИМА.

Разсказъ дяди Онисима.

—

Прошедшее Рогожскаго кладбища представляетъ безчисленное множество фактовъ, частію куріозныхъ, частію грустныхъ и возмутительныхъ, но во всякомъ случаѣ ясно выражающихъ характеръ поповщинскаго раскола и въ этомъ отношеніи весьма важныхъ для изученія его исторіи. Похожденія бѣгствующихъ, или попросту бѣглыхъ поповъ, ихъ продѣлки съ прихожанами кладбища и обращеніе съ ними самихъ прихожанъ, все это въ подробностяхъ представляетъ весьма много любопытнаго. За исключеніемъ весьма немногихъ личностей, на Рогожское кладбище бѣжали, обыкновенно, священники нетерпимые въ Церкви, или совсѣмъ изгнанные изъ нея. Это было мѣсто, куда стекалось то что́ было негоднаго въ нашемъ духовенствѣ, и откуда расходилась эта язва по всѣмъ пріютамъ поповщины. Корыстолюбіе и пьянство были отличительными свойствами раскольничьихъ бѣглыхъ поповъ. Не говоримъ о другихъ порокахъ ихъ и о возмутительномъ отношеніи ихъ къ священнодѣйствіямъ. И никто лучше самихъ прихожанъ Рогожскаго кладбища не понималъ, конечно, всей гнусности своего бѣглаго священства, никто глубже ихъ не презиралъ его и не глумился надъ нимъ обиднѣе, и однакоже отъ рукъ этого священства старообрядцы шли принимать святыню таинствъ!

Но признавали ли они искренно, по совѣсти, дѣйствительность и силу этихъ таинствъ? и если не признавали, то зачѣмъ же принимали ихъ? вотъ вопросы, надъ которыми нельзя не задумываться и которые приводятъ къ новому вопросу: что́ лучше, или правильнѣе, что́ хуже, поповщина ли признающая (и совершенно правильно) нужду священства и таинствъ и въ то же время глумящаяся (сознательно или не сознательно) и надъ священствомъ и надъ таинствами, или безпоповщина столь незаконно и вмѣстѣ столь рѣшительно отказавшаяся и отъ священства, и отъ таинствъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя предоставила совершать мірянамъ? Какъ ни безотрадно состояніе этой послѣдней, какъ ни гибельно заблужденіе, въ которомъ она коснѣетъ съ такимъ упорствомъ, но ей нельзя по крайней мѣрѣ отказать въ послѣдовательности и, позволимъ себѣ это выраженіе, нѣкотораго рода честности въ развитіи своего ученія: отдѣлившись отъ Церкви, принявъ въ основаніе мысль, что истинное священство со временъ Никона прекратилось, взято на небо, она смѣло пошла по избранному пути и дошла до послѣднихъ выводовъ, до отрицанія нужды самыхъ таинствъ. Поповщина, напротивъ, остановилась на распутьи, сама не знаетъ куда идти, очутилась въ какомъ-то странномъ, двусмысленномъ положеніи: отдѣлилась отъ Церкви, и въ то же время придумала какія-то искусственныя, и притомъ гнилыя нити, которыми хочетъ придержаться Церкви; приняла отъ Церкви бѣглыхъ поповъ, которыхъ сама же переправляетъ, какъ заразившихся ересью въ Церкви... Въ этомъ двусмысленномъ, полномъ противорѣчій, положеніи поповщины есть своя отрадная сторона, но есть сторона и

крайне безотрадная. Въ сообщеніи съ Церковію, посредствомъ бѣглыхъ поповъ хотя фальшивомъ и уродливомъ, выразилось все-таки сознаніе въ необходимости Церкви, іерархіи и таинствъ, въ настоятельной потребности ихъ, и это, конечно, весьма отрадно. Но, желая найдти удовлетвореніе этой потребности такимъ фальшивымъ путемъ, какъ бѣглые и перемазанные попы, однимъ словомъ, путемъ обмана, поповщина открыла у себя широкій просторъ тѣмъ горькимъ и возмутительнымъ явленіямъ, которыми такъ богата ея исторія и въ которыхъ нельзя не видѣть глумленія надъ самою святынею таинствъ, повидимому такъ ею уважаемыхъ.

Но все это относится къ прошедшему Рогожскаго кладбища. Съ явленіемъ австрійскаго священства измѣнилось весьма многое; бѣглыхъ поповъ не стало, и нужды въ нихъ не имѣется; священниковъ поставляютъ раскольникамъ свои собственные архіереи, не измѣнниковъ православія, а изъ своей братіи старообрядцевъ. Тѣхъ безобразныхъ и возмутительныхъ явленій, какія были въ прежнія времена, теперь, повидимому, ожидать нельзя. И однакожь, къ лучшему ли привела такая перемѣна? По сознанію самихъ поповщинцевъ, изъ которыхъ многіе весьма неблагосклонно смотрятъ вообще на австрійское священство, ничего хорошаго изъ него не вышло. Если мы оставимъ въ сторонѣ вопросы о томъ, кто такой Амвросій, Антоній, и другіе раскольничьи архіереи, можно ли вообще признать законною идущую отъ Амвросія іерархію? Имѣютъ ли поэтому какую-нибудь силу и самыя священнодѣйствія, совершаемыя раскольничьими священниками австрійскаго посвященія? Если мы оставимъ въ сторонѣ

всѣ эти вопросы существенной важности и посмотримъ на новыхъ раскольничьихъ поповъ только со стороны ихъ поведенія, и въ этомъ отношеніи сравнимъ ихъ съ прежними бѣгствовавшими отъ великороссійской Церкви, то найдемъ, что отъ сравненія съ этими послѣдними они выигрываютъ не много. Ихъ нельзя, быть-можетъ, упрекнуть въ томъ недостаткѣ, который былъ господствующимъ между бѣглыми попами: въ пристрастіи къ горячимъ напиткамъ; за то къ другимъ недостаткамъ, наслѣдованнымъ ими отъ прежнихъ священниковъ, они присоединили глубокое невѣжество и безграмотность, хотя разумѣется и прежніе раскольничьи попы не отличались образованіемъ. Такимъ образомъ новая исторія Рогожскаго кладбища обѣщаетъ представить не меньшее количество тѣхъ интересныхъ фактовъ, о которыхъ говорили мы выше, какъ и исторія прежнихъ временъ. Собраніе этихъ фактовъ изъ прежней и нынѣшней жизни Рогожскаго кладбища, записанныхъ по разсказамъ современниковъ, представило бы весьма важные матеріялы для внутренней исторіи поповщинскаго раскола. Въ этомъ убѣжденіи мы почли нелишнимъ обнародовать помѣщенный ниже разсказъ одного изъ старообрядцевъ, въ которомъ именно содержится нѣсколько довольно любопытныхъ свѣдѣній о томъ, что̀ дѣлалось и дѣлается на Рогожскомъ кладбищѣ, и вообще въ поповщинѣ, и какъ относятся къ этимъ событіямъ раскольники изъ простонародія. Разсказъ, съ буквальною точностію, записанъ со словъ того, кому онъ былъ переданъ. За достовѣрность же его ручаются самыя его подробности и та искренность и добродушная откровенность, съ какою разскащикъ велъ свою бесѣду. Въ разсказѣ упоминается, между

прочимъ, о двухъ лицахъ, имѣющихъ немалое значеніе въ современной исторіи раскола: о нѣкоей матери Пульхеріи и епископѣ Антоніѣ. Скажемъ объ нихъ нѣсколько словъ, для разъясненія того, что̀ говорится въ разсказѣ дяди Онисима.

Мать Пульхерія — лицо весьма замѣчательное: это живая лѣтопись Рогожскаго кладбища. Она поступила сюда малюткой, и помнитъ чуть не первыя времена кладбища. Съ тѣхъ поръ, въ теченіи осьмидесяти лѣтъ, на глазахъ ея, смѣнилось нѣсколько поколѣній кладбищенскихъ жителей, совершилось множество перемѣнъ во внѣшней и внутренней жизни кладбища. Она скоро сдѣлалась уважаемымъ лицомъ между кладбищенскими жителями; вокругъ нея собралась цѣлая община, похожая на монастырь и признающая въ ней свою наставницу. Это уваженіе она заслужила своимъ строгимъ, разумѣется, съ раскольничьей точки зрѣнія, благочестіемъ. Ея, какъ говорятъ, дѣйствительно безукоризненная жизнь, равно какъ начитанность и умѣнье вести душеспасительную бесѣду доставили ей большую извѣстность во всемъ обществѣ московскихъ старообрядцевъ, особенно въ женской его половинѣ: богатыя купчихи со всѣхъ концовъ Москвы пріѣзжаютъ къ матушкѣ Пульхеріи на поклонъ и посовѣтоваться о семейныхъ и другихъ дѣлахъ. Въ ней расколъ нашелъ себѣ одну изъ самыхъ сильныхъ поддержекъ, и можно съ увѣренностію сказать, что вліянію матери Пульхеріи весьма много обязано своимъ существованіемъ то, всѣми замѣченное, явленіе, что въ старообрядческихъ семействахъ расколъ поддерживается главнымъ образомъ женскою ихъ половиной, противъ которой является нерѣдко совершенно без-

сильнымъ искреннее желаніе другой половины присоединиться къ Церкви. Несмотря на свою преклонную старость, Пульхерія доселѣ сохранила бодрость силъ и энергію духа.

Антоній же, о которомъ упоминаетъ дядя Онисимъ, есть тотъ самый архіепископъ Антоній, который недавно возведенъ раскольничьими архіереями въ санъ митрополита московскаго и всея Руси. Человѣкъ этотъ, облеченный такимъ высокимъ саномъ, — личность весьма подозрительнаго свойства. Существуетъ, кѣмъ-то составленная, его біографія. Въ мірѣ звали его Андрей Ларивоновъ Шутовъ; родился онъ въ селѣ Настасьинѣ, Коломенскаго уѣзда, Подберезинской волости, въ православномъ семействѣ, и принадлежалъ къ Церкви до поступленія на фабрику къ купцу Г. Здѣсь онъ совратился въ расколъ и перекрещенъ въ Хапиловскомъ прудѣ. Такимъ образомъ изъ православнаго онъ сдѣлался раскольникомъ-безпоповцемъ, записанъ въ цеховые и поступилъ на Преображенское кладбище въ должность казначея. Онъ разсчитывалъ быть настоятелемъ кладбища послѣ Семена Кузьмина; но по смерти Кузьмина эта выгодная должность отдана была другому. Оскорбленный неудачею, Ларивоновъ бросилъ Преображенское кладбище, досталъ фальшивый паспортъ и уѣхалъ за границу, откуда и возвратился наконецъ архіепископомъ Антоніемъ, совершивъ такимъ образомъ переходъ въ другую секту. Всѣ эти переходы внушаютъ крайнее подозрѣніе относительно искренности религіозныхъ убѣжденій Антонія. Изъ безпоповщины онъ вынесъ, повидимому, крайнее къ ней отвращеніе: по пріѣздѣ въ Москву онъ написалъ въ девяти статьяхъ окружное

посланіе ко всей паствѣ въ предостереженіе отъ безпоповцевъ, которыхъ ставитъ ниже всѣхъ еретиковъ, наравнѣ съ Жидами. Но можно съ увѣренностью полагать, что онъ съ неменьшимъ ожесточеніемъ возсталъ бы въ свое время и противъ поповщины, еслибъ имѣлъ возможность завѣдывать дѣлами Преображенскаго кладбища, въ качествѣ настоятеля. Видно вообще, что честолюбіе и корыстолюбіе главныя пружины дѣятельности нынѣшняго главы раскольничьей іерархіи въ Россіи.

Послушаемъ теперь простодушныхъ рѣчей старообрядца-крестьянина.

Въ мартѣ мѣсяцѣ прошедшаго 1862 года, въ воскресенье на третьей недѣлѣ великаго поста, шелъ я съ Рогожскаго кладбища въ Москву. Въ то же время изъ кладбищенскихъ воротъ вышелъ бѣдно одѣтый крестьянинъ пожилыхъ лѣтъ, въ которомъ съ перваго раза узналъ я раскольника, по длиннымъ неподстриженнымъ усамъ. Шли мы въ одну сторону; мужичокъ былъ словоохотливый, и завязалась у насъ бесѣда.

— Экую погодушку Богъ послалъ, началъ мой спутникъ, обратившись ко мнѣ и закрывая лицо отъ снѣгу и вѣтра; только приведи Господи по добру по здорову добраться до деревни.

Погода была дѣйствительно холодная, съ сильнымъ вѣтромъ и снѣгомъ, который билъ намъ прямо въ лицо.

— А ты не здѣшній? спросилъ я.

— Я дальній; приходилъ сынка навѣстить, онъ у васъ тутъ на кладбищѣ проживаетъ, въ палатѣ кануны читаетъ. У меня на дняхъ старуха Богу душу отдала, такъ я и пришелъ повѣстить его, что матушка,

молъ, твоя приказала долго жить; ночевалъ у него тутъ въ его фатерѣ; а теперь ко дворамъ пробираюсь.

— Что же ты въ первый разъ на Рогожскомъ?

— Былъ и прежде, только давно, годовъ десятка съ полтора. полагай, будетъ; еще въ тѣ поры благословленной здѣсь не было, все было по нашему; приходилъ тоже по дѣлу: такая линія выходила.

— Разумѣется, безъ дѣла что за нужда забивать ноги; ты же мнѣ сказалъ, что дальній.

— Да, не ближній. Безъ малаго сотня верстъ отселева наберется до нашего-то селенья. Какъ бы это тебѣ вымолвить отъ Ягорья-то мы въ верстахъ девяти; около самой Рязанской губерни наша деревня стоитъ, Климово прозывается; а отъ своего-то города Богородска съ полсотни будетъ, мы Богородскаго уѣзду-то. Знамо дѣло, безъ нужды изъ такой дали не пойдешь. Да и дѣло-то было такое, что, кажись, грѣшно было и не сходить. Это вотъ какъ, родимый ты мой, было, межь нами будь сказано. Пріѣхалъ къ намъ, въ деревню изъ Москвы, съ кладбища, батюшка отецъ Лександра. Еще въ ту пору на кладбищѣ Митрій Корнеичъ живъ былъ; онъ всѣмъ и орудовалъ, всѣ дѣла по кладбищу, значитъ, за нимъ стояли, да и въ конторѣ-то онъ главный былъ. Пріѣхалъ къ намъ отецъ Лександра, да и сказываетъ, «что вотъ, молъ, такъ и такъ, меня къ вамъ Митрій Корнеичъ прислалъ, чтобы не быть вамъ безъ пастыря». Знамо дѣло, обрадовались, говоримъ: «милости просимъ, батюшка!» Такимъ-то манеромъ и поселился онъ у насъ въ Климовѣ, и сталъ поживать. Да поживши сутки другія, третьи и сказываетъ намъ: «православные, я-де не прочь служить вамъ, да вотъ какая бѣда: нѣтъ у меня потреб-

ностей-то для васъ. Случись кому не въ добрый часъ занемочь; у меня, благослови Господи, и нѣтъ таинствъ-то Христовыхъ: справить-то и нечѣмъ будетъ; а безъ этого, сами знаете, умирать христіанину не приходится» Мы ему и сказываемъ: «что жь, батюшка; ты ужь какъ-нибудь запасись.»—«Надо, говоритъ, православные, сходить кому нибудь въ Москву на Рогожское кладбище.» Наши мужики думали, думали, да и порѣшили,—надо, говорятъ, просить дядю Онисима, онъ мужикъ у насъ не пьющій, онъ дѣло это важно обдѣлаетъ. И учали всѣмъ обчествомъ просить меня: дядя Онисимъ, сходи, да сходи!... Нече дѣлать,—нельзя не послушать, коли цѣлое обчество проситъ. Собрался я въ Москву. А отецъ Лександра далъ мнѣ письмо, чтобъ я предоставилъ его матери Пулкеріи: она-де все обдѣлаетъ. Съ письмомъ этимъ пришелъ я на Рогожское; да прямо къ матери-то Пулкеріи не посмѣлъ войдти, поопасся ее потревожить; дай-ка, думаю, сперва зайду я въ Козину *),—сродственница моя жила тамъ. Пошелъ да и сказываю: «вотъ, молъ, такъ и такъ, батюшка Лександра прислалъ меня за такимъ-то дѣломъ къ матери Пулкеріи. Вотъ и письмо отъ него нельзя ли, молъ, повѣстить ее,—самъ-то не посмѣлъ къ ней.» Пошептали, пошептали бабы промежь себя, да и сказываютъ: пойдемъ съ нами. Пошли мы: я, да сродственница моя, да другая какая-то,—впервой вижу. Пришли къ матери Пулкеріи. Она вышла къ намъ, такая испитая, спаси ее Христосъ, ужь въ чемъ въ чемъ душенька держится! Бабы учали ей

*) Такъ называется одна изъ богадѣленныхъ палатъ (женская), на Рогожскомъ кладбищѣ, по имени строителя, купца Козина.

сказывать про меня, что вотъ, молъ, такъ и такъ; я письмо подалъ. А она только и словъ: «слышу, матушки мои, слышу;» да прямо ко мнѣ: «перночуй, баитъ, здѣсь ночьку, покаиѣсть отдохнешь, а утро зайди ко мнѣ, я межь тѣмъ временемъ изготовлю....» Переночевалъ я, да собравшись къ домамъ, и захожу къ матери Пулкеріи: «къ вашей милости, молъ, матушка,— прости Христа ради,— по вчерашней статьѣ, что̀ приказывала побывать поиче.» — «Погодь немножко, молвила она, сейчасъ изготовлю.» И учала хлопотать по моему дѣлу,—вынула изъ чего-то, не въ примѣту мнѣ, причастье запасное, да и ну, таково торопко, увертывать и тряпичками, и грамотками, и такъ, и сякъ, да завязавши, какъ слѣдуетъ, и подаетъ мнѣ: «на, вотъ тебѣ,—говоритъ,—какъ тебя зовутъ?»—«Онисимомъ, молвилъ я, матушка.»—«На вотъ тебѣ, Онисимушка, снеси ты къ отцу Лександрѣ, да доставь въ цѣлости, смотри: положь за пазуху, да подпояшься поплотнѣе, не вырони какъ; да смотри, чтобъ опричь за пазухой-то ничего не было.»—«Знаемъ, молъ, матушка, съ чѣмъ обращаемся, насчетъ этого будь покойна, будетъ все въ сохранности.» И пошелъ я ко дворамъ; да пришедши въ свою деревню, не завернулъ и домой, а прямо къ отцу Лександрѣ. «Изволь, молъ, батюшка, схлопоталъ для вашей милости.» Ужь какъ благодарилъ онъ,—полтинничекъ пожаловалъ за хлопоты. «Ну, братъ, спасибо, говоритъ,—вотъ теперь я и съ причастіемъ пошелъ, а безъ него равно безъ рукъ.»

— Надолго ли же хватило отцу Александру этого причастья?

— Оно, може и нàдолго бы: да Богъ не привелъ ему пожить-то у насъ.

— Отчего же такъ?

— Да такъ. Случàй небольшой вышелъ.

— Какой же это такой случàй? Не понравился онъ что ли вамъ, или самъ не захотѣлъ у васъ жить?

— Самъ-то онъ ничего, да и мы-то ничего бы; а Рогожскіе разсовѣтали намъ его держаться: ну мы и перестали ходить къ нему.

— Отчего же это они вамъ разсовѣтовали? Вѣдь онъ, чай, былъ настоящій пастырь, а не какой-нибудь....

— То-то вотъ и есть, что не самонастоящій; а то-бы что.... Узнали мы отъ вѣрныхъ людей, что онъ и пришелъ-то къ намъ обманомъ: сказалъ, что Митрій Корнеичъ прислалъ его; а Митрій Корнеичъ и знать не знаетъ. А свѣдали мы объ этомъ вотъ какъ. Человѣкъ десять насъ, климовскихъ мужиковъ, пришли разъ на кладбище,—послѣ пожарища посбираться по нашимъ христіянамъ. Митрій Корнеичъ, принявши насъ въ контору, и ну пытать: «что, православные, есть ли у васъ пастыри-то духовные? хороши ль они?» — «Есть, молъ Митрій Корнеичъ, хороши, благодаря Бога; вотъ у насъ въ Климовѣ отецъ Лександра, что ваша милость къ намъ прислать изволили, нечего сказать, такой пастырь, что на рѣдкость.»—«Какой отецъ Лександра?» кинулся онъ на насъ.—«Вашей милости, молъ, извѣстно какой: отселева, съ кладбища, вы намъ его предоставили.» --«Какой же это Лександра? Ужь не тотъ ли, что лѣтошнимъ годомъ обманулъ насъ? А, вѣдь, какъ разъ онъ. Ахъ, вы дураки, дураки, простоволосые мужики! Неужто вы, говоритъ, не знаете, что онъ, вѣдь, не исправленъ какъ слѣдуетъ.» Да и поразсказалъ намъ кое-

что изъ его жизни-то. Какъ задумалъ онъ, видишь ты, перейдти къ намъ отъ церковныхъ, надо было ввести его въ нашу вѣру, перемазать слѣдовало, какъ завсегда принимаютъ у насъ поповъ отъ церкви. Митрій-то Корнеичъ и повезъ его въ Москву, переправиться; а онъ отецъ-то Лександра, съ первой ночевки и утекъ отъ Митрія-то Корнеича. Онъ искать его; туда, сюда, нѣту отца Лександры, да и только. Такъ одинъ Митрій Корнеичъ въ Москву и пріѣхалъ. А отецъ-то Лександра такъ въ ереси и остался, да къ намъ и пріѣхалъ не исправившись, а сказалъ, что Митрій Корнеичъ прислалъ его. Узнали мы это отъ Митрія Корнеича, да воротившись въ деревню и разказали обществу, что вотъ, молъ, православные, отецъ-то Лександра пастырь не какъ слѣдуетъ, Митрій Корнеичъ то и то про него... Издивились всѣ; да тутъ же и порѣшили: не ходить къ нему ни за какою потребностью. Потому, не годится, не исправленъ.

— Что же отецъ-то Александръ?

— Знамо что: ничего. Пожилъ сутки трои, четверы, видитъ, что мы полно къ нему; взялъ, да и уѣхалъ.

— А вы какъ же? Такъ и остались безъ пастыря?

— Да, не что-таки, помаялись годка два, три послѣ него; понадоѣло нашимъ за всякимъ дѣломъ все сюда да сюда. Бывало столько наѣдетъ насъ, что и череду не дождешься. А священниковъ-то осталось всего на всего двое, справляться было трудненько, отецъ Иванъ, да отецъ Петръ; на подъемъ-то оба такіе тяжелые, ждешь, ждешь, бывало, гдѣ-то выйдутъ.

— А теперь, вотъ, на кладбищѣ и ни одного священника не осталось: отецъ Петръ.... Ты, вѣдь, говорилъ объ Ермилычѣ?

— Да, объ Ермилычѣ.

— Ну, онъ годовъ пять ужь какъ померъ.

— Померъ, это правду ты говоришь. Да и былъ онъ не нашъ въ то время; какъ умирать-то ему, онъ отступилъ; не привелъ Богъ въ вѣрѣ жизнь покончить: въ благословленную перешелъ.

— А отецъ Иванъ еще прежде Петра Ермилыча.

— Прежде, и это правда. Ну, да ужь мы въ тѣ поры отъ нихъ отставать стали, тутъ намъ новаго, истоваго священства Богъ послалъ, значитъ, по древнему православію. Полно брать церковныхъ-то, свои священники завелись.

— Да откуда же?

— Откуда? Знамо откуда. Вѣстимо, безъ архіерея дѣло не обходится; извѣстно, архіерей наставилъ намъ ихъ.

— Да гдѣ же онъ, этотъ архіерей вашъ?

— Этого мы не знаемъ; только настоящій, какъ слѣдуетъ, архіерей, нашей православной вѣры. Онъ намъ и наставилъ пастыревъ духовныхъ, и, благодаря Бога, теперь насчетъ этого мы покойны, теперь насчетъ всего совсѣмъ не то что прежде. Допрежь, бывало, что ни случись, хошь бы вотъ, станемъ говорить, жена ль родитъ, парня ли вздумаешь женить, будь покосъ, али жниво, — не минучая бѣда, ничего не подѣлаешь: ѣдешь сюда. А ноніче, все подъ руками, нечего Бога гнѣвить, не почто въ люди ходить, когда въ своей деревнѣ священство завелось.

— Такъ у васъ въ деревнѣ есть священникъ?

— Какже, у насъ въ Климовѣ отецъ Артемъ.

— И хорошій пастырь?

— Пастырь ничего, худаго не замѣчали. Ну да и то сказать, съ измалѣтства онъ нужду видѣлъ, въ бѣдной семьѣ росъ; подросши пошелъ по кузнешному мастерству, залежныхъ-то тоже не было, избаловаться негдѣ. И слободно же у насъ нынѣ, я тебѣ скажу. Допрежь бывало съ опаской, да съ опаской ѣзжали хошь бы и къ нашему Артему; ежели кто со стороны, дровнишки-то съ лошадью наровитъ бывало къ сосѣду на дворъ, чтобы виду-то не было, да по задворкамъ къ нему въ избу и пройдетъ, а нынѣ ступай смѣло на лошади прямо ко двору, въ ину пору возлѣ двора-то его пройдти негдѣ: все лошади, что̀ твоя ярмонка— и ничего! Да, нониче слободнѣе супротивъ прежняго. Теперь поглядишь хошь бы въ Кладьковѣ, возлѣ насъ деревня, опять въ Челковѣ: все одно какъ у насъ, священство завели свое и все такое; живутъ вольготно.

— А далеко отъ васъ эти деревни?

— Да Кладьково-то всего четыре версты.

— И у нихъ свой священникъ?

— Да, отецъ Павелъ, нашему-то пріятель: хлѣбъ-соль водятъ межь собой.

— А онъ изъ какихъ?

— Тожь изъ маломощныхъ, какъ и нашъ. Съ измалѣтства скотину пасъ, по деревнямъ въ пастухи наймался. А ничего какъ и быть попъ.... Да вѣдь у насъ и всѣ они какъ слѣдуетъ. Теперь, хошь бы про Демида, челковскіе мужики никогда ничего, опричь добрыхъ рѣчей. Ну они-то его съ фабрики сняли, набивалъ ситцы: съ хорошаго мѣста пошелъ. Ничего, по жизни-то всѣ они какъ слѣдуетъ. А тоже и страхъ *есть, не* больно забалуешься: облачинный тоже смо-

тритъ надъ ними, наѣзжаетъ изъ деревни Шувой, верстъ съ 5 отъ насъ, ну и опасаются.

— А строгій человѣкъ благочинный?

— Семенъ-то Епифанычъ? Строгъ не строгъ, а главное дѣло голова съ умомъ. Еще, сказываютъ, когда на красильнѣ жилъ, такъ совѣтникомъ былъ: бывало, вишь, все къ нему, примѣрно, манеръ какой, али цвѣта, либо что; потому, значитъ, много дѣловъ разныхъ произошелъ.

— Такъ. Ну, а по службѣ-то попы у васъ исправны?

— Таперь попривыкли, ничего таки, порядку не портятъ. Ну, а сперва-начала, знамо дѣло, не больно чтобы такъ оченно: безъ этого нельзя И нашъ Артемъ былъ тоже не безъ прошибокъ. Однажды, я тебѣ скажу, вотъ какое было дѣло: вышелъ онъ это, на обѣдни, съ дарами, да и молвитъ: «чего бишь мнѣ баить-то»? Ну дьячки ему тутъ же подсказали. А послѣ привыкъ,—ничего. На первыхъ-то порахъ и всякое дѣло такъ, до чего не доведись.

— Нечего сказать, дядя Онисимъ, богаты вы священствомъ-то!

— Не токмо священствомъ, да и въ вышнемъ-то чину теперь нужды не видимъ, благодаря Бога.

— То-есть въ архіереяхъ-то?

— Да и ихъ нынѣ у насъ не одинъ есть,—слава Богу!

— Неужели по деревнямъ тоже живутъ?

— Гдѣ жь по деревнямъ! Главный-то здѣсь въ П—мъ, сказываютъ, больше пребываютъ: это что съ Преображенскаго-то къ намъ перешелъ. Онъ тамъ былъ прежде, въ конторѣ чѣмъ-то заправлялъ: въ міру Андреемъ звали, а нынѣ Антоній. Онъ въ Москвѣ по хорошимъ домамъ архіерейскую службу правитъ Да, нынѣ ста-

ло ни въ примѣръ вольготнѣе. Вонъ матери кладбищенскія сказываютъ, что скоро алтари въ обѣихъ часовняхъ отворятъ, и все будетъ по старому: печати долой, чтобы наше священство служило.

— Ну матери кладбищенскія давно это говорятъ, а все еще алтари не распечатанные стоятъ.

— Ты не сумнѣвайся, нынѣ дозволятъ; не прежняя пора. Допрежь такъ, а нынѣ ничего. Допрежь не приказывали ничего въ кладбищѣ чинить, али строить, чтобы никакой стройки не было; а нынѣ, вишь, за прошедшую-то осень сколько кельевъ покрыли, да и новыхъ настроили: что̀ хотѣли, то и дѣлали, видимое дѣло, запрету нѣтъ.

— Да это, можетъ, какъ-нибудь тихонько, не завѣдомо начальству?

— Какъ можно тихонько! вѣдь это не иглой зашить; безъ стукотни дѣло не обойдется.... тихонько нельзя.

— А мнѣ сказывали, что тихонько и больше, вишь, по ночамъ все крыли, съ фонарями; да потомъ тутъ же и закрашивали черною краской, чтобы новаго-то не видно было

— Нѣтъ. Тебѣ облыжно сказывали. Какъ это можно потихоньку, никакъ нельзя...

На этомъ кончилась наша бесѣда; приходилось идти по разнымъ дорогамъ; я разстался съ моимъ разговорчивымъ спутникомъ.

S.

Перепечатываемъ изъ «Русскаго Вѣстника» за 1863 г. съ согласія автора разсказа.

VII.

КТО ТАКІЕ БЫЛИ

ЕПИСКОПЫ РОГОЖСКАГО КЛАДБИЩА

АНТОНІЙ И ПАФНУТІЙ.

Краткая біографія Антонія, нынѣшняго главы старообрядческой іерархіи въ Россіи.

I.

Стали разноситься слухи въ поповщинѣ о вновь пріѣзжемъ епископѣ Антоніи, что будто онъ святостію жизни ни въ чемъ не разнствуетъ отъ древнихъ святыхъ отецъ и весьма свѣдущъ въ книжномъ писаніи. Нѣкоторые старики такъ начали говорить: сподобилъ де насъ Богъ увидѣть въ очію втораго Іоанна Златоуста — святителя Антонія. А епископство, говорили, онъ получилъ будто отъ греческаго митрополита, который де остался отъ стариннаго рукоположенія, почему я и возгорѣлъ желаніемъ увидѣть епископа, чтобы поговорить съ нимъ на счетъ старообрядчества. Поелику же имѣлъ я изъ поповщинскаго толка очень много знакомыхъ, то и не трудно мнѣ было сего моего желанія добиться. Въ одинъ день нѣкоторый пріятель мой поповецъ говоритъ мнѣ:

— Пожалуй со мной къ владыкѣ. Мы ему докладывали про твою охоту усладиться его поученіями.

И мы пошли на Покровскую улицу въ чей-то каменный домъ въ самый верхній этажъ.

Мой проводникъ сотворилъ молитву, послѣ которой дверь по возгласѣ «аминь» и отворилась. Но къ величайшему моему удивленію кого же я увидѣлъ? Стараго знакомаго, съ которымъ нѣсколько времени я жилъ вмѣстѣ, бывшаго на Преображенскомъ кладбищѣ казначеемъ Андрея Ларіоновича Шутова.

— Ба! говорю, — Андрей Ларіонычъ! Сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались.

Но Ларіоновъ меня принялъ не по-прежнему. Нѣтъ чтобы поклониться въ подручникъ, а просто сѣлъ въ кресла, посмотрѣлъ сперва въ землю, потомъ съ великою важностію возвелъ очи горѣ и возвысилъ голосъ:

— Добре, говоритъ, — чадо Алексіе, что пришелъ ко мнѣ, только не знаю съ какимъ намѣреніемъ: въ послушествующихъ, или въ учительствующихъ?

Я ему и говорю:

— Не въ послушествующихъ и не въ учительствующихъ, а просто мнѣ желательно было видѣться съ епископомъ Антоніемъ.

Ларіоновъ послѣ сего усмѣхнулся и вышелъ; но не прошло десяти минутъ, какъ вдругъ онъ является въ сопровожденіи двухъ дьяконовъ въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, въ митрѣ и съ посохомъ. Драгоцѣнные камни такъ и горѣли на митрѣ. Подошелъ онъ ко мнѣ и говоритъ.

— Вотъ смотри: я-то и есмь нынѣ Божіею милостію епископъ Антоній! А это, говоритъ, показывая мнѣ посохъ, — жезлъ — наказаніе непокорнымъ великое! Видишь, говоритъ, я съ тобою хочу бесѣдовать не просто, а священнособорнѣ.

Послѣ этого онъ приказалъ подать Кормчую Книгу, и мы остались вдвоемъ.

Я хотя и не робокъ, а, какъ вышелъ Андрей въ архіерейскомъ облаченіи, меня ужасъ большой взялъ. И не диво! Архіерейство къ нему очень пристало: борода у него была большая, серебряная, собой суховатъ и серіозенъ.

— Ты отъ роду своего, Алексѣй, сказалъ онъ мнѣ, — не видывалъ истинныхъ архіереевъ въ полномъ древнемъ облаченіи.

— Ахъ, батюшки-свѣты, отвѣтилъ я ему, — только теперь я вспомнилъ, что ты отъ насъ (съ Преображенскаго кладбища) поѣхалъ въ чужія земли. Такъ ужь не нашелъ ли ты тамъ хитреца какого, который для тебя придвинулъ къ небесамъ землю, чтобы святые епископы и патріархи живущіе тамъ хиротонисали тебя. Ты самъ вѣдь говорилъ, когда былъ по нашему согласію, что благодать священства отъ лѣтъ Никона патріарха взята на небо и что ты на землѣ и отъ земныхъ посвящаться не согласишься.

Ларіоновъ строго посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— О, роде невѣрный и развращенный! Блюдите да не приду къ вамъ съ палицею. Писаніе чтете, а ослѣпосте. Во сколькихъ мѣстахъ сказано, что священство пребудетъ на землѣ до скончанія вѣка, скажи мнѣ?

— Нешто, говорю я ему, — Андрей Ларіонычъ, когда ты былъ московскій цеховой по безпоповщинскому согласію, такъ священство было на небѣ, а теперь, какъ надѣлъ омофоръ, другое заговорилъ.

— Тогда я былъ такой же невѣжда какъ ты, сказалъ Андрей, — а нынѣ, по данной мнѣ особенной благодати, открылись у меня душевныя очи, во еже разумѣти Писаніе, которое хотя и многократно я читывалъ, однакоже заблужденія вашего толка ослѣпля-

ли меня и я все больше и больше уклонялся отъ правилъ апостольской Церкви.

— Кто же, говорю, тебя посвятилъ во епископы? Ужь не Амвросій ли австрійскій?

— Что же, говоритъ,—развѣ Амвросій не святитель Божій?

— То-то и есть, Ларіонычъ! У тебя изъ одной печи да разныя рѣчи. Не при мнѣ ли ты Тихоновну *) съ клятвою увѣрялъ, что Амвросій еретикъ, табашникъ и обливанецъ. Его де, по твоимъ тогдашнимъ рѣчамъ, въ поповщину сосватали враги Божіи Жиды. Такъ вотъ я и прошу тебя говорить со мной не по честолюбію нашему грѣшному, а по законамъ.

— Я и не суемудрствую, отвѣтилъ Ларіоновъ. — Я и говорю съ тобой по законамъ. Прочитай восьмое правило перваго вселенскаго собора: «Приходящіе отъ еретикъ, глаголаши чистіи, свою ересь прокленше и иная вся, пріяти да будутъ и токмо святымъ мѵромъ помазуются; аще же нѣцы отъ нихъ епископы, паки въ своемъ чину да пребываютъ». Устыдись, говоритъ,—своей слѣпоты и не порочь святителя, который хиротонисалъ меня.

— Такъ-то такъ, согласился я, — однакоже скажи мнѣ годилась ли бы хиротонія, еслибы приходящихъ отъ еретиковъ перекрещивали?

— Разумѣется нѣтъ. Тогда и епископовъ нужно бы сызнова рукополагать.

— Теперь пожалуй мнѣ Кормчую, что я тебѣ прочту въ ней. Отвѣты правильные Тимоѳея, архіепископа

---

*) Тихоновна была въ то время по поповщинскому согласію самая лучшая начетчица.

александрійскаго: «Почто обращающіеся еретики не покрещиваемъ? Аще бы се было, не бися человѣкъ скоро обращаемъ отъ ереси, покрещенія стыдяся.» Видишь ты теперь, что когда крещеніе не требуетъ повторенія, тогда и хиротонія не требуетъ вновь переставленія. Поэтому епископы и принимались въ своемъ чинѣ. Но ты знаешь, что они принимались соборомъ, а васъ кто принималъ съ Амвросіемъ? Купцы, мѣщане да мужики.

— Не одни, говоритъ, — мірскіе люди, а были два священноинока.

— Да развѣ, спросилъ я,— можетъ священникъ возлагать руки на епископа?

— А какъ же, говоритъ Андрей, — преподобный Савва не епископъ, а пріялъ еретика патріарха Іоанна сына Мартіянова?

— Устыдись, Ларіоновъ, — облыгать преподобнаго отца Савву. Онъ только убѣдилъ Іоанна проклясть несправедливые догматы царевы, которые онъ принялъ было сначала изъ угожденія земному владыкѣ. Нѣтъ, Андрей Ларіонычъ, я тебѣ не какой-нибудь слѣпой мужикъ дался. Я самъ читаю Писаніе и твоя ложь не обманетъ меня. Вы сами говорите, что священники безъ епископовъ мертвыя головы, потому вы стараетесь всячески добывать себѣ епископовъ и никакихъ издержекъ для этого не жалѣете; но вѣдь очень хорошо мнѣ извѣстно, что за люди эти ваши наемные пастыри, какъ они жили и чѣмъ кончалось ихъ священнослуженіе. Видимо было всѣмъ, что не было на нихъ благодати св. Духа; и на Амвросіи австрійскомъ нѣтъ ея, и на тебѣ нѣтъ. Истинно я тебѣ говорю, скоро ты выйдешь изъ моды и не долго тебѣ епископствовать.

Видитъ Андрей, что не придется ему обмануть меня своимъ злохудожнымъ умомъ и сталъ онъ меня угова-ривать, чтобы я отсталъ отъ своего толка и перешелъ въ ихъ согласіе. «Я де тебѣ архимандритскій санъ въ скорости схлопочу: будешь, говоритъ, ты Алексѣй, богатъ, потому по нашему согласію до трехъ милліо-новъ вѣрныхъ наберется. У насъ, говоритъ, умѣютъ умныхъ и знающихъ Писаніе людей чтить: въ каре-тѣ, говоритъ, будешь разъѣзжать.»

Но я симъ льстивымъ рѣчамъ его посмѣялся, отчего онъ въ большую ярость пришелъ....

Послѣ уже я никогда не видалъ епископа Антонія. Только однажды одинъ мой пріятель изъ поповцевъ весьма хвалилъ мнѣ его.

— Подлинно святой жизни, говоритъ, — нынѣ епи-скопъ у насъ! Многія чудеса творитъ. Намедни слу-жилъ онъ литургію, такъ надъ его головой было ве-ликое сіяніе.

— Это оттого было сіянье надъ епископомъ, отвѣ-чалъ я, — что безъ парика служилъ.

II.

Теперь, пусть только не взыщутъ добрые люди, я разскажу имъ, пользы ихъ ради, кто такъ и отку-да взялся епископъ Антоній.

Города Коломны Подберезинской волости села Ана-стасьева, у крестьянина православнаго исповѣданія Ла-ріона Терентьева Шутова былъ сынъ Андрей. Отдѣ-лившись отъ отца, онъ снялъ въ Бронницахъ постоя-лый дворъ, гдѣ и женился по любви на почтмейстер-ской дочери Екатеринѣ. Но Андрей большею частію

жилъ плутовствомъ, очень скоро проторговался и пріѣхалъ въ Москву, въ Преображенское на Бажанинову улицу въ домъ Евграфова. Тутъ онъ опредѣлился въ рекрутальщики къ Родіону Ивановичу [redacted]ожкову, женатому на его родной сестрѣ. Въ Москвѣ, Андрей Ларіоновъ, познакомился какъ-то съ фабрикантомъ —нымъ, который полюбилъ его, сталъ уговаривать перейдти въ ихъ вѣру по безпоповщинскому согласію, за что обѣщалъ ему награду и покровительство. Шутовъ, на все ходокъ, согласился на это и въ 1838 г. крестился въ Хапиловскомъ пруду. Въ томъ же году (по указу московской казенной палаты отъ 28 іюля за № 13,053) перечислился изъ крестьянъ въ московское цеховое общество черезъ посредство и помощь того же —ва, который тутъ же и взялъ его къ себѣ въ контору для раздачи мастерамъ основы, а жена Андрея долго не соглашалась перекрещиваться; но онъ сталъ ее за это звать не иначе какъ еретичкой, прекратилъ съ нею всякое сообщеніе и своими тиранствами довелъ до того, что и она наконецъ перекрестилась. Только послѣ перекрещенія Екатерина стала очень много пить, за что Андрей однажды такъ прибилъ ее сапогомъ, что она вскорѣ умерла. Между тѣмъ —въ, въ своей слѣпой любви къ Шутову, сдѣлалъ его закупщикомъ провизіи на всю свою фабрику, не внимая жалобамъ на него своихъ сыновей, которые больше всего за то не благоволили къ Андрею, что онъ не ладилъ съ ихъ директорами Нѣмцами, называя ихъ въ глаза табашниками, невѣрными собаками и другими бранными именами.

Такъ Шутовъ поселилъ большой раздоръ между отцомъ и сыновьями —выми, но старикъ никакъ не рѣ-

шался разстаться съ нимъ и когда уже сыновья не стали ему давать никакого отдыха, чтобы онъ разчелъ закупщика, старикъ отвезъ его на Преображенское кладбище къ главн[redacted] духовнику Семену Кузьмичу. Тутъ —въ слезно жаловался духовнику на свое горе, что изъ-за поганыхъ де Нѣмцевъ онъ разстается съ честнѣйшимъ человѣкомъ и наконецъ сталъ просить Семена Кузьмича принять Андрея въ казначеи къ общественному сундуку, ручаясь за него. Семенъ Кузьмичъ, изъ уваженія къ просьбѣ такого богатаго прихожанина и видя благообразіе и начитанность Андрея, тоже очень полюбилъ его и все ему довѣрилъ. И на своей новой должности лицедѣйнымъ искусствомъ своимъ Шутовъ не только въ любовь и довѣріе ко многимъ богатымъ прихожанамъ взошелъ, но и у начальства даже былъ въ великой милости. Такъ попечитель Преображенскаго кладбища графъ С. Г. С., прокуроръ А. А. Л., губернаторъ И. Г. С. принимали казначея Шутова съ такимъ же почетомъ какъ нѣкогда Илью Алексѣевича Ковылина, каковою честью не всякій изъ старообрядцевъ отъ сихъ именитыхъ особъ удостоенъ бывалъ. Изъ всего, можно сказать, Преображенскаго Андрей не поладилъ только съ однимъ Деемъ Алексѣевичемъ, который сильно бранилъ казначея за его частыя хожденія на женскій дворъ, ибо, будучи духовникомъ, причину сихъ его хожденій въ тонкости зналъ. Однакоже, какъ ни изнималъ Андрея своими обличеніями Дей Алексѣевичъ, вѣры и усердія къ нему прихожанъ поколебать все-таки былъ не въ силахъ, потому что въ самомъ дѣлѣ на всемъ кладбищѣ кромѣ казначея не было ни одного человѣка, который бы такъ краснорѣчиво могъ препираться съ никоніянами, объяснять

Апокалипсисъ, говорить о трехперстномъ сложеніи и объ аллилуіѣ. А въ особенности ловко онъ пробиралъ бѣглопоповцевъ, говоря имъ, что ихъ попы перебѣжали къ нимъ въ пьяномъ видѣ за деньги; а потомъ, когда въ 1846 г. въ Австріи въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ открылась митрополія и поповцы стали хвалиться своимъ митрополитомъ, онъ велегласно разгласилъ повсюду, что митрополитъ ихъ есть не кто другой, какъ запрещенный Амвросій, котораго на рахманинскія деньги Жиды сманили изъ Греціи. Въ большой стыдъ привелъ онъ въ это время поповцевъ еще тѣмъ, что показалъ имъ письма отъ некрасовцевъ, гдѣ прямо говорилось, что Амвросій обливанецъ, табашникъ и еретикъ. Очень всѣ любили слушать, какъ онъ бывало непремѣнно побѣдитъ всякаго, съ кѣмъ начнетъ препираться.

Такъ дѣло шло до 1848 г. Въ сіе время общество наше, замѣтя въ конторѣ большой недостатокъ въ деньгахъ, начало въ Шутовѣ сильно сомнѣваться. Стали отъ него требовать, чтобы онъ далъ отчетъ въ суммахъ ввѣренныхъ, ему, но Андрей сказалъ собравшемуся обществу.

— Какъ вамъ не стыдно? Вѣдь вы не меня считать станете, а Христа: ради Его вы вѣдь жертвовали.

Всѣ замолчали, ибо не знали что отвѣтить ему на такую его отповѣдь. Тутъ-то всегдашній его непріятель Дей Алексѣевичъ всталъ и обличилъ его очень ясно въ утаеніи и присвоеніи тысячи рублей, взятыхъ имъ на сохраненіе у купчихи Б. Хотя Ларіоновъ отперся и отъ этого, однакожь общество присудило сослать его съ кладбища за сей поступокъ и еще за обиду одной дѣвицы.

И тутъ Андрей Ларіоновъ не потерялся. Имѣя острый разумъ и большую денежную сумму, которую онъ нажилъ на Преображенскомъ кладбищѣ, онъ поѣхалъ съ нѣкоторымъ Алексѣемъ Михѣевымъ въ скиты нашего согласія близь прусской границы, гдѣ ему хотѣлось сдѣлаться главнымъ наставникомъ. Но плутовства его въ тѣхъ скитахъ были уже извѣстны, и онъ, не успѣвши въ своихъ намѣреніяхъ, принужденъ былъ воротиться въ Москву. Въ это время онъ очень хорошо подружился съ извѣстнымъ въ поповщинѣ проходимцемъ М. Пуговкинымъ, который всегда занимался промысломъ сманивать отъ великороссійскихъ церквей поповъ къ себѣ на Рогожское кладбище вмѣстѣ съ Ѳ. Ж—ымъ. Всѣ эти люди прожженые и мнѣ очень хорошо извѣстны: шаромыги самый что ни есть первый сортъ. Правда ли, нѣтъ ли, а люди вѣрные сказываютъ, что во время знакомства своего съ Пуговкинымъ и Ж—ымъ Андрей Ларіоновъ придумалъ какой-то невиданный еще способъ добывать фальшивые паспорты. Побожиться не могу, чтобы это была истинная правда, но надо думать, что лжи въ этомъ слухѣ самая малость, потому какъ и прежде сего Пуговкинъ имѣлъ случай черезъ старшину Алексѣя Лукьянова добывать въ Сергіевскомъ посадѣ фальшивые паспорты: а это истинная правда. Такъ Пуговкинъ вмѣсто проживавшаго на Рогожскомъ кладбищѣ глухо-нѣмаго Павла Титова Ухови взялъ паспортъ и передалъ его солдатскому сыну Павлу Андрееву, который съ 1836 го по 1851-й годъ проживалъ тоже подъ именемъ будто бы московскаго цехового Василья Филипова; а Василій Филиповъ, какъ мнѣ доподлинно извѣстно, былъ

изъ Черкизова и давно уже умеръ. Вотъ такія-то дѣла въ старину добрые люди обдѣлывали!

Только самый этотъ Пуговкинъ и посовѣтуй Андрею Ларіонову ѣхать въ Австрію къ лжемитрополиту Амвросію, или къ поставленному отъ него лжеархіепископу бѣлокриницкому Кириллу, чтобы добыть себѣ у нихъ епископскій санъ, за каковое дѣло Ларіоновъ ухватился обѣими лапками. Такимъ манеромъ Пуговкинъ въ 1849 г. 28 іюля черезъ старшину московскаго цеховаго Гаврилу Маркелова Селезнева выправилъ Шутову изъ цеховой управы билетъ, а по оному взялъ изъ уѣзднаго казначейства паспортъ на два года на имя Андрея Ларіонова. Шутова и показалъ, что мѣсто его жительства будетъ въ Калугѣ. Тотъ же Пуговкинъ, отправляя пріятеля своего въ Бѣлую Криницу, добылъ ему рекомендательныя письма отъ богатыхъ прихожанъ. Лжеархіепископъ Кириллъ такъ обрадовался богатымъ подаркамъ, которые ему навезъ Андрей Ларіоновъ, что тотчасъ же постригъ его въ монашество, а послѣ того, не думая много, произвелъ его въ епископы граду Владиміру и нарекъ ему имя Антоній.

И тутъ когда новопоставленный епископъ воротился изъ-за границы, Пуговкинъ принялся выручать его. Сильно возрадовались поповцы новому епископу, когда онъ вмѣстѣ съ Пуговкинымъ ѣздилъ по богатымъ купеческимъ домамъ. Хотя и прежде были у поповцевъ епископы: Епифаній, Анфиногенъ и Анфимъ, но за давностію ихъ почти совсѣмъ позабыли, а о бывшемъ передъ Антоніемъ лжеархіереѣ изъ кладбищенскихъ пѣвчихъ, Софроніѣ, Степанѣ Трифоновѣ Жировѣ по настоящему имени, говорить всѣ стыдились, ибо былъ

тотъ Жировъ всѣмъ обществомъ замѣчѣнъ въ намѣреніи утопить въ Днѣпрѣ попа Егора.

И пошелъ тутъ епископъ Антоній въ большой ходъ. Особенно же лицемѣрство его помогло ему познакомиться съ проживавшими на Рогожскомъ кладбищѣ матерями старицами Пелагеей Аписимовой, Пульхеріей и прочими, каковыя старицы усердно ему радѣли по своей великой власти надъ женщинами поповскаго согласія. Всѣмъ знакомымъ своимъ съ восхищеніемъ говорили онѣ про Андрея какъ про истиннаго епископа, сшили ему богатыя архіерейскія одежды и вынизали крупнымъ жемчугомъ и дорогими камнями его шапочку. Антоній тоже отдаривалъ поповцевъ тѣмъ, что очень много посвящалъ имъ поповъ и раздавалъ почти всѣмъ желавшимъ и знавшимъ его ставныя грамоты. Одну изъ таковыхъ грамотъ отобрали въ Рогожской у ямщика Дмитрія Дмитріева Кринина, на которой Ларіоновъ подписался такъ: «Божіею милостью, мы смиренный Антоній, архіепископъ владимірскій и всея Руси.» Крининъ добровольно выдалъ ее пріѣхавшему изъ Петербурга П. П. Г—му, который и взялъ тогда ямщика съ собою; но Антонія съ Пуговкинымъ чиновникъ отыскать не могъ, потому что они, какъ только заслышали про него, сейчасъ же изъ Москвы улизнули въ скрытное мѣсто.

Только въ это самое время гр. А. А. З. приказалъ чиновнику особыхъ порученій подполковнику Б. непремѣнно дознать въ какомъ мѣстѣ Москвы проживаютъ лжеепископы Антоній и Софроній съ выданными изъ думы Сергіевскаго посада паспортами. Подозрѣніе пало на А. М. Пуговкина, который доставалъ эти паспорты и который дѣйствительно, какъ я описывалъ,

имѣлъ постоянныя сношенія не только съ однимъ епископомъ Антоніемъ, но и съ другимъ епископомъ Софроніемъ,—это пѣвчій-то кладбищенскій Степанъ Жировъ, который хотѣлъ попа утопить,—а также и съ раскольничьими попами Георгіемъ, Максимомъ и Ѳедоромъ. Извѣстно было всякому, что бродягами этими руководствовалъ не кто другой, какъ Пуговкинъ, потому какъ ежели ихъ нужно было кому-нибудь на домъ къ себѣ, добиться этого можно было только черезъ его посредство. Всѣ знали, что Пуговкинъ дома почти не живетъ, а скрывается съ лжеепископами у разныхъ раскольниковъ, преимущественно же у купца У., проживавшаго въ Сокольникахъ. Паспортъ свой онъ носилъ всегда при себѣ, дабы имѣть возможность скрыться при первомъ извѣщеніи объ опасности.

Слѣдствіе началось строгимъ обыскомъ въ домѣ у Пуговкина, но его дома не оказалось, такъ какъ онъ уже пронюхалъ про обыскъ и успѣлъ скрыться. Словили только солдатскаго сына Павла Андреева, который чистосердечно сознался подполковнику Б.: 1, что такъ какъ онъ Павелъ Андреевъ знаетъ уставъ церковнаго пѣнія по старообрядческому обычаю, то Пуговкинъ очень часто приглашалъ его участвовать при службахъ, которыя совершались крестьяниномъ Малоярославскаго уѣзда Степаномъ Трифоновымъ Жировымъ, называющимся въ старообрядчествѣ епископомъ Софроніемъ,—епископомъ Антоніемъ и попами Георгіемъ, Максимомъ и Ѳедоромъ; 2, что какой-то инокъ Никодимъ вмѣстѣ съ Пуговкинымъ уговаривали его ѣхать въ Австрію въ бѣлокриницкій монастырь, чтобы посвятиться во священника, но такъ какъ у него не было паспорта, то конторщики Дмитрій Корнеевъ и Андрей

Марковъ присовѣтывали ему идти отъ нихъ въ Сергіевскій посадъ къ тамошнему мѣщанину Алексѣю Лукьянову, а у него велѣли спросить Ивана Никитина, который ему и выправилъ паспортъ на имя Павла Титова; а денегъ тѣ конторщики дали Павлу Андрееву на дорогу 15 р.; 3, что для полученія паспортовъ употребляютъ слѣдующую хитрость: облыжно объявляютъ, что такой-то паспортъ потерянъ, просятъ выдачи новаго и примѣты одного лица замѣняютъ примѣтами другаго, и 4, Павелъ Андреевъ сказалъ гг. Мозжакову и Казначееву, что Пуговкинъ находится теперь у сестры своей Аксиньи Марковой.

Вмѣстѣ съ квартальнымъ чиновники Мозжаковъ и Казначеевъ нагрянули къ Аксиньѣ Марковой. Пуговкинъ дѣйствительно находился у ней, и когда Мозжаковъ сталъ звать квартальнаго, который еще былъ на дворѣ, Аксинья ухватилась за него, а мѣщанинъ Семенъ Васильевъ вырвалъ Пуговкина изъ рукъ чиновниковъ, чѣмъ онъ сейчасъ и воспользовался. Нигдѣ уже послѣ не могли найдти Пуговкина, а сестра его Аксинья на допросѣ показала, что 10-го марта 1855 г. брата ея Андрея въ домѣ у нея, какъ говорятъ гг. чиновники, вовсе не было, и гдѣ онъ теперь проживаетъ, свѣдѣнія она о томъ никакого не имѣетъ, и что чиновники показали на нее по злобѣ, а чиновники и видѣли-то ее въ первый разъ отъ роду.

Послѣ сего происшествія Пуговкинъ долго скрывался гдѣ-то за Москвой, но когда онъ явился домой, то квартальный надзиратель его улицы взялъ его въ Лефортовскую часть. При немъ нашли очень много денегъ и билетовъ. Когда же приставъ Басманной части вслѣдствіе предписанія оберъ-полицеймейстера на

чалъ ему дѣлать допросъ, Пуговкинъ отозвался такимъ манеромъ:

— Ходилъ я съ 1854 г. по 22-е іюля 1857 г. въ Кіевъ, Почаевъ и другія мѣста, коихъ по слабости памяти не упомню, для богомолья. Хотѣлъ остаться въ какомъ-нибудь монастырѣ на всегдашнее житье, но по праву себѣ такого не выбралъ и, когда воротился въ Москву, взятъ былъ съ улицы Хапиловки квартальнымъ надзирателемъ неизвѣстно за что въ лефортовскій частный домъ. Во время путешествія долгаго и постояннаго мѣстопребыванія ни у кого не имѣлъ; имѣлъ при себѣ холстинную котомку съ чашкой и ложкой, чтобы ни съ кѣмъ не сообщаться, но на возвратномъ пути подъ Москвою какой-то неизвѣстный проѣзжій, нанявшись подвезть меня, уѣхалъ съ моею котомкой, въ которой лежалъ мой паспортъ, когда я слѣзъ съ телѣги для нѣкоторой надобности. Вѣры я съ малолѣтства держусь по Рогожскому кладбищу, преимуществуетъ ли она чѣмъ-либо передъ православной, не знаю, и къ церкви присоединиться желанія не имѣю. Самъ я никогда и никого изъ православія въ расколъ не совращалъ; совершаются ли гдѣ-либо старообрядческія службы, не знаю, а если и совершаются, то кѣмъ и гдѣ именно, я ни мало о томъ не извѣстенъ.

На улики солдатскаго сына Павла Андреева Пуговкинъ отвѣчалъ, что онъ его въ первый разъ видитъ. На вопросъ о мѣстожительствѣ лжеепископовъ Антонія и Софронія, поповъ Георгія, Максима и Ѳедора сказалъ, что онъ о сихъ лицахъ ни разу и не слыхивалъ. А что донесли на него г. Министру внутреннихъ дѣлъ и генералъ-губернатору, будто онъ доста-

валъ ложные паспорты, то это вѣрно какіе-нибудь враги его по злобѣ.

Кладбищенскій старшина Гаврила Селезневъ, черезъ котораго Пуговкинъ досталъ паспортъ Шутову, показалъ на допросѣ, что онъ Шутова знаетъ съ 1838 г., когда тотъ поступилъ въ ленточный цехъ. А 1853 г. въ мартѣ мѣсяцѣ Пуговкинъ принесъ ему письмо отъ Шутова съ деньгами для уплаты подушныхъ, взятія новаго паспорта и подачи объявленія, потому старый совсѣмъ истерся. Все это Селезневъ по письму исполнилъ и вручилъ Пуговкину, со словъ котораго показалъ, что Андрей Шутовъ проживаетъ въ Коломнѣ вдовымъ. Но съ 1853 г. изъ цеховой управы Шутовъ болѣе паспортовъ не беретъ и гдѣ теперь онъ бродяжничаетъ, Селезневу не извѣстно.

Все слѣдствіе поступило на разсмотрѣніе московскаго магистрата 1-го департамента, рѣшеніемъ коего опредѣлено: 1, что мѣщанинъ А. М Пуговкинъ въ содѣйствіи раскольничьимъ лжеепископамъ и попамъ, полученіи черезъ посредствомъ одновѣрца своего Селезнева изъ ремесленной управы фальшивыхъ видовъ и сношеніяхъ своихъ съ этими лжеепископами хотя и не сознался, но подозрѣвается, и 2, о самыхъ лжеепископахъ Антоніи и Софроніи, лжепопахъ Максимѣ, Ѳедорѣ и Георгіи, старообрядцѣ Никодимѣ и московскомъ цеховомъ Андреѣ Ларіоновѣ Шутовѣ впредь до сыска ихъ, на основаніи Св. З. т. XV с. 513, сужденія никакого не имѣть.

Пафнутій старообрядческій епископъ.

А то еще въ недавнее уже время пріѣхалъ къ поповцамъ епископъ Пафнутій, молодой еще человѣкъ лѣтъ тридцати трехъ, весьма пріятной наружности. И этого тоже я немножко знаю, хотя и не такъ коротко какъ Антонія. Пафнутій—урожденецъ Черниговской губерніи, посада Воронка, сынъ П. С. Овчинникова, и въ мірѣ назывался Поликарпомъ. По своимъ торговымъ дѣламъ онъ почасту и подолгу живалъ въ Петербургѣ, Ригѣ, Одессѣ и говорятъ даже за границей. Сказываютъ про Пафнутія, что человѣкъ онъ довольно образованный и начитанный. Краснорѣчіемъ своимъ онъ врядъ ли уступитъ Антонію, такъ что и проповѣди изъ своей собственной головы не разъ сказывалъ. За всѣ такія достоинства поповцы очень было по началу полюбили Пафнутія. Но знать такая ихъ горькая участь, чтобы никогда не видать пути въ своихъ пастыряхъ. Пафнутій повелъ такую вольную жизнь, что вся поповщина ахнула. Онъ началъ одѣваться въ нѣмецкое платье, сталъ ѣсть по середамъ и пятницамъ рыбу и явно жилъ въ Покровскомъ у дьяконицы Евдокіи Александровой, что въ Перведенскѣ въ Гаврико-

вомъ переулкѣ. Ей онъ построилъ очень хорошій домъ въ 3,500 руб. сер. и наряжалъ ее какъ барыню.

Однажды, когда Пафнутій покупалъ своей хозяйкѣ дьяконицѣ шелковую мантилью, его увидѣли двѣ женщины съ Нѣмецкаго рынка, которыя его очень хорошо знали, но ихъ онъ не зналъ. Эти женщины, пришедши домой, разказалм про владыку своимъ мужьямъ. И вотъ поповцы собрали судить Пафнутія соборъ подъ предсѣдательствомъ Антонія. Когда на этомъ соборѣ спросили подсудимаго, дѣйствительно ли онъ покупалъ мантилью въ магазинѣ, онъ не обинуясь отвѣтилъ, что это сущая правда.

— Только, говорилъ Пафнутій, — удивленія мнѣ достойно какъ вы въ писаніи мало смыслете. Развѣ не знаете вы, что и въ прежнія времена: во времена гоненій, апостолы имѣли пребываніе въ домахъ разныхъ благочестивыхъ женъ, которыя ихъ укрывали. Такъ вотъ и я теперь пребываю у нѣкоторой благочестивой жены, которая служитъ и печется обо мнѣ. Что же васъ удивляетъ, ежели я за ея заслуги сдѣлалъ ей подарокъ? Эка, братцы, совѣсть-то у васъ какая!

Все собраніе удивилось мудрому отвѣту и умолкло. Пафнутій торжествовалъ, какъ вдругъ нѣкто Агапычъ, богатый прихожанинъ, исполнившись ревности не по разуму, ни съ того, ни съ сего назвалъ обвиняемаго епископа сначала антихристомъ, а потомъ даже митрымъ и злокозненнымъ дьяволомъ. Пафнутій, однако нисколько не разсердившись, громко смѣялся такой безпутной горячкѣ Агапыча, но когда, несмотря на всѣ доказательства, которыми онъ объ-

яснялъ свою невинность, у него отобрали его епископскую грамоту и сожгли ее, Пафнутій бросился къ окошку, разбилъ его и громогласно закричалъ: караулъ! Послѣ такой его злохитрости, весь соборъ разбѣжался, однакоже отрѣшить его отъ должности таки успѣли и служить ему запретили.

Сказываютъ, коли не врутъ, что мало посмотрѣлъ Пафнутій на такое распоряженіе собора, потому, говорятъ, многіе видали его какъ онъ и теперь разъѣзжаетъ въ каретахъ по Москвѣ и епископствуетъ.

Разсказывали мнѣ также нѣкоторые поповцы, что и Антоній тоже по Москвѣ ѣздитъ и возитъ съ собою въ чемоданѣ штофную, имъ самимъ освященную церковь, гдѣ и совершаетъ онъ всякія требы. «Только, говорятъ поповцы, нынѣ у насъ, слава Богу, тихо стало: не запрещаютъ.»

VII.

РАЗСКАЗЪ

о

РОГОЖСКОМЪ КЛАДБИЩѢ.

Изъ разсказовъ бывшаго старообрядца.

I.

Однажды въ Р—скую часть пришло отъ полицеймейстера Л. Н. В. предписаніе о высылкѣ въ канцелярію къ нему съ Р—скаго кладбища попа Александра Иванова Арсентьева, по касающейся до него весьма экстренной надобности. По полученіи предписанія въ конторѣ кладбища, попечители Гаранинъ и Ѳоминъ приказали конторщику Кондратію Никифорову Синицыну ѣхать съ попомъ въ домъ полицеймейстера и быть какъ можно осторожнѣе. Чтобы попа долго не задержали въ канцеляріи, конторщику дали на разные расходы порядочную сумму денегъ. Лишь только пріѣхали наши къ полицеймейстеру, онъ сейчасъ же потребовалъ попа къ себѣ въ комнаты, а Синицыну велѣли дожидаться внизу. Дожидаясь выхода попа часа два, Синицынъ наконецъ осмѣлился взойдти вверхъ и спросилъ, скоро ли г. полицеймейстеръ отпуститъ его товарища. Къ великому ужасу и изумленію конторщика, ему на верху сказали, что полицеймейстеръ давно уѣхалъ, а товарищъ его съ квартальнымъ отправился куда-то черезъ другія двери.

Предчувствуя, что ему будетъ великая бѣда отъ попечителей за то, что не усмотрѣлъ за попомъ, конторщикъ горько заплакалъ. На счастье онъ поѣхалъ въ Р—скую часть: дескать, не содержится ли въ ней попъ; но его не только въ части не было, даже никто изъ служащихъ не могъ сказать ему, зачѣмъ именно требовалъ къ себѣ Александра Ивановича полицеймейстеръ. Тутъ конторщикъ отправился прямо къ Гаранину и Ѳомину, и со слезами пересказалъ имъ про свое несчастіе; но тѣ, замѣтивъ, что онъ хмѣленъ, всячески изругали его и уѣхали на совѣтъ къ А. Д. Ш. и къ Р—мъ. Посовѣтовавшись, всѣ они кучкой отправились къ полицеймейстеру съ гостинцемъ, какъ къ старому своему знакомому и благодѣтелю, подружески спросить его, за что взятъ священникъ и гдѣ онъ теперь находится. В. сказалъ, что попъ взятъ по приказанію высшаго начальства и отправленъ въ тюремный замокъ, однакожь уговаривалъ ихъ не безпокоиться, потому де, что попъ скоро будетъ освобожденъ. Не добившись ничего вѣрнаго отъ полицеймейстера, попечители поѣхали въ городъ въ анбаръ къ В. Е. С., которому и передали о случившемся. Тутъ они послали соглядатаевъ въ острогъ, аки бы раздать по рукамъ милостыню, съ цѣлію увидѣть самого Александра Ивановича и узнать отъ него о причинѣ ареста и о чемъ у полицеймейстера спрашивали. Но соглядатаевъ къ попу не допустили, хотя и сказали имъ, что онъ содержится въ секретной и допускать къ нему настрого не приказано. Пытались подсылать другихъ, и много денегъ въ острогѣ давали, чтобы допустили къ попу, но все безуспѣшно. Нашлись въ это время пройдохи, которые предлагали старикамъ за пятьде-

сятъ тысячъ ассигнаціями даже освободить попа изъ острога; но богачи, спасибо, скоро смекнули, что это не доброжелатели, а надувалы, и поостереглись дать имъ эту сумму. Только же многіе усердные раскольники сердились въ это время на богачей и ругали ихъ за то, что они не хлопочутъ объ узникѣ, жалѣючи денегъ, и, когда этотъ ропотъ очень усилился, богачи собрались опять-таки въ городѣ въ анбарѣ у В. Е. С. и стали меня просить съѣздить съ попечителями, Гаранинымъ и Ѳоминымъ, къ старшему начальнику N. N., который былъ мнѣ ближній другъ и неоднократно занималъ у меня деньги.

А передъ тѣмъ, какъ сему дѣлу, т. е. попову аресту, случиться, фаворитъ начальника Т. просилъ у нашихъ для своего покровителя знатную сумму взаймы; но богачи Р., С. и Ш. ему отказали. Вотъ теперь и начальникъ сыгралъ съ ними штуку: взялъ да самаго лучшаго попа и выхватилъ. Догадались старики отъ кого, и за что попъ взятъ; вотъ, зная мое знакомство съ начальникомъ, и стали просить меня ѣхать къ нему съ гостинцемъ, чтобы довѣдался я отъ него, когда онъ можетъ принять насъ. Я безо всякаго прекословія сейчасъ же поѣхалъ къ Т. и спросилъ его, когда мы можемъ явиться къ начальнику съ деньгами, которыя онъ просилъ у насъ. Т. тоже былъ мнѣ другъ. Онъ, слыша отъ меня эти слова, былъ очень радъ и подружески сообщилъ мнѣ, что начальникъ его теперь очень нуждается въ деньгахъ, въ особенности его супруга давно за деньгами къ нему пристаетъ, онъ же все отказываетъ. Сейчасъ Т. побѣжалъ къ начальнику доложить. Тотъ съ радостію согласился принять насъ во

всякое время, и мы положили быть у него въ воскресенье, когда ему посвободнѣе.

Въ воскресенье попечители купили большой лотокъ фруктовъ, двѣсти серебромъ заплатили, какъ-то: ананасовъ крупнѣйшихъ, персиковъ, винограду и прочаго, а въ середку положили двадцать пять тысячъ и понесли къ начальнику. Т. встрѣтилъ насъ у самаго крыльца и учтиво попросилъ въ залу. Мы двое взяли лотокъ и пошли. Начальникъ тоже очень весело встрѣтилъ насъ на верху. Въ залѣ была его супруга съ дѣтьми, которая тоже очень вѣжливо приняла насъ. Гаранинъ началъ просить ее принять фрукты изъ садовъ Р—скаго кладбища.

— Развѣ у васъ есть тамъ оранжереи? съ великимъ удивленіемъ спросила его супруга начальника.

— У насъ тамъ очень хорошо. Тамъ у насъ все есть, отвѣтилъ ей Гаранинъ съ робостію.

— Мнѣ хочется какъ-нибудь побывать у васъ на кладбищѣ, говоритъ барыня. — Я къ вамъ съ дѣтьми пріѣду.

Мы поблагодарили, а онѣ, взявши два ананаса и нѣсколько фруктовъ, изволили удалиться. Послѣ сего попечители, указывая на запечатанный съ ассигнаціями свертокъ, сказали начальнику:

— Это старички наши, пріѣхавшіе отъ Макарья, прислали вашей милости гостинчикъ. Они покорнѣйше просятъ васъ помочь намъ въ несчастіи: неизвѣстно, за что взяли у насъ попа Александра, и гдѣ онъ теперь содержится, тоже намъ неизвѣстно.

— Вѣдь онъ бѣглый? сказалъ на это начальникъ.

— Будьте милостивы, отвѣтилъ я ему, — у насъ и всѣ бѣглые: намъ дозволено имѣть девять поповъ, только вновь не велѣно принимать, а Александръ Ивановичъ изъ старыхъ. Онъ поступилъ въ 1817 году. По церкви не сдѣлалъ никакого преступленія, и человѣкъ онъ прекрасный.

— Ну хорошо, сказалъ начальникъ. — Мнѣ теперь нездоровится, я никуда не выѣзжаю: но какъ острогъ подъ вѣдѣніемъ старшаго полицеймейстера, то я съѣзжу къ нему и узнаю. Впрочемъ, позвольте, господа! Много ль я у васъ беру взаймы денегъ? Я сейчасъ выдамъ вамъ на три мѣсяца заемное письмо.

— Эти деньги не наши, доложилъ ему Гаранинъ.— Старички наши вѣрятъ вамъ ихъ на слово, а документа брать не приказывали.

И тутъ опять мы пригласили начальника къ себѣ на кладбище въ гости со всѣмъ семействомъ.

Черезъ день послѣ этого узнаемъ непріятность, что отца Александра изъ острога куда-то рано увезли; но мы, въ надеждѣ на помощь властей, мало ахали по этой новой бѣдѣ, а принялись готовиться къ пріему, чтобы не ударить себя лицомъ въ грязь. На третій день пріѣзжаетъ ко мнѣ Т. и объявляетъ, что начальникъ положилъ пріѣхать къ намъ на кладбище завтра съ семействомъ и гостями. Но уже у насъ было приготовлено къ завтраку все такое, чего нѣтъ лучше, именно — икра была изъ свѣжихъ осетровъ — пять рублей серебромъ за фунтъ.

Точно на слѣдующій день пріѣхалъ онъ въ пяти каретахъ. Старики приняли общество у крыльца гостиницы. Начался разговоръ: мы стали подчивать гостей, страсть, какими дорогими винами. Гости вина тѣ очень

хвалили. Ѳ. А. Р. въ это время наливалъ себѣ настойки, и бормоталъ, что это лучше всякихъ заморскихъ винъ и что онъ не промѣняетъ сивухи ни на какіе лафиты, — начальникъ и друзья очень смѣялись такимъ словамъ Р. Послѣ завтрака подали большой подносъ отличныхъ фруктовъ. Гости, разобравши ихъ въ платки и карманы, отправились смотрѣть часовни, богатству и убранству которыхъ сильно дивились; только Р., напившись къ той порѣ здорово, все лѣзъ къ начальнику и бормоталъ что-то, чего разобрать никакой возможности не было, такъ что гость нашъ изволили какъ-будто прогнѣваться немного... Спасибо ужь я отвлекъ начальника отъ Р., спросивъ у него про нашего арестованнаго священника.

— Гдѣ же, молъ, нашъ Александръ Ивановичъ теперь?

— Извините, говоритъ, — я не успѣлъ видѣться съ старшимъ полицеймейстеромъ, а онъ въ это время успѣлъ отослать попа въ Кострому. Этого, говоритъ, — теперь воротить нельзя; остальныхъ берегите.

И при этомъ начальнику какъ-будто даже совѣстно сдѣлалось.

Потомъ онъ рѣчь мою о попѣ старался видимо въ ничто обратить.

— Что это, говоритъ, — какія у васъ толстыя свѣчи на этомъ паникадилѣ стоятъ?

— Да, говорю, — точно что очень толсты.

— Скокько, спрашиваетъ, — въ нихъ вѣсу?

— Сто двадцать будетъ.

Только начальникъ при такихъ моихъ словахъ милостиво улыбнулись и проговорили:

— Справедливо васъ Богъ награждаетъ такимъ богатствомъ, когда вы къ нему такое усердіе имѣете.

II.

На другой день послѣ начальническаго у насъ гощенія, я отправился къ оставшемуся на кладбищѣ батюшкѣ Ивану Матвѣевичу, которому и разсказалъ все, что случилось во время начальническаго посѣщенія.

— Можно было бы надѣяться всякихъ милостей отъ сей важной особы, сказалъ я Ивану Матвѣевичу, — такъ что и Александра Ивановича пожалуй бы назадъ возвратили, еслибы Р. въ пьяномъ видѣ такъ глупо не осмѣлился безо всякой нужды заговоривать съ начальникомъ.

И, истинно сказать, какъ еще начальникъ ругательски всѣхъ насъ не выругалъ, ибо оный глупый и пьяный Р., набивши ротъ кулебякой и крошками всякими засоривши бороду, даже къ высокоблагороднымъ посѣтительницамъ подскакивалъ и брызгая на нихъ въ разговорѣ слюнями, подурацки смѣялся.

Иванъ же Матвѣевичъ сему моему сѣтованію на нерадѣніе нашихъ богачей о выручкѣ Александра Ивановича хотя и отозвался горькими слезами, говоря, что должно быть и его постигнетъ такая же участь, но полагать нужно, что и слезы тѣ и слова его были притворны, потому какъ, будучи обуреваемъ не малымъ корыстолюбіемъ, онъ на самомъ дѣлѣ былъ радъ, что Александра Ивановича нѣтъ болѣе на кладбищѣ. Духовныя дѣти заточеннаго, значитъ, всѣ переходили къ нему, и доходы его такимъ образомъ знатно увеличивались. Однакоже, слыша такіе тяжкіе вздохи, я, сколько возможно мнѣ было, старался Ивана Матвѣевича утѣшить и успокоить, говоря, что въ случаѣ его несчастія найду покровителей, которые защитятъ его.

Предчувствія Ивана Матвѣевича въ скоромъ времени сбылись. Однажды, по просьбѣ жены моей, служилъ онъ паннихиду въ малой часовнѣ, какъ вдругъ одинъ прихожанинъ, весьма испуганный, подходитъ къ батюшкѣ и что-то шепчетъ ему на ухо. Батюшка весь помертвѣлъ отъ испуга и тотчасъ, не докончивши паннихиды, снялъ ризы и уѣхалъ домой. Жена моя, пришедши къ нему, застала его плачущимъ и, когда спросила о причинѣ, онъ сказалъ ей, что сейчасъ за нимъ явится воинская команда, которая арестуетъ его. Баба моя взяла крытую пролетку и уѣхала съ нимъ домой, извѣстивши меня о семъ происшествіи. Я сейчасъ же отправился къ тому прихожанину, который шептался съ батюшкой въ часовнѣ, — тотъ объявилъ мнѣ, что приходилъ къ нему сыщикъ Васька и сказывалъ, что попа хотятъ взять. У того же прихожанина Васька просилъ денегъ, но когда онъ ему денегъ не далъ, Васька поѣхалъ къ главному начальнику съ доносомъ. Тутъ я увидѣлъ, что это пустая штука, которой не слѣдуетъ давать никакого вниманія; все же таки я поѣхалъ къ правителю канцеляріи главнго начальника и дружески просилъ его, чтобъ онъ гналъ отъ себя мошенника Ваську, въ случаѣ ежели онъ съ доносомъ къ нему явится. Правитель мнѣ далъ слово сіе мое желаніе въ точности исполнить.

Такимъ родомъ Иванъ Матвѣевичъ жилъ у меня въ домѣ недѣли двѣ, пока вся эта исторія не позабылась. Только въ скорости я разузналъ, отъ чего и отъ кого загорѣлось такое дѣло.

Разъ встрѣтилъ я одного знакомаго сыщика А. А. С. Онъ мнѣ и говоритъ:

— Берегите, говоритъ, попа Ивана. Онъ вечерами съ извощикомъ Степкой Бородастымъ ѣздитъ въ П—скія бани. Такъ самый этотъ извощикъ Степка съ сыщикомъ Васькой хотятъ его въ тѣхъ баняхъ изловить и взятку взять.

Упоминалъ онъ тутъ еще про Анну Ѳедорову, которую тоже извощикъ съ сыщикомъ желаютъ изловить вмѣстѣ съ попомъ. Я поблагодарилъ С. и отправился на поминки къ И. А. Быкову, гдѣ, какъ я вѣрно зналъ, долженъ былъ находиться и Иванъ Матвѣевичъ.

Дѣйствительно, батюшка былъ тутъ, выпивши уже, и лишь только увидѣлъ меня, сейчасъ же благословилъ, посадилъ подлѣ себя и сталъ умиленно благодарить меня за любовь и гостинцы, и въ то же время хозяина очень ругалъ.

— Имѣешь ты, говорилъ онъ хозяину, — свои оранжереи и ни однаго персика мнѣ никогда не прислалъ.

Хозяинъ въ смущеніи просилъ извиненія.

Только я, посидѣвши нѣкоторое время около попа, насмѣлился наконецъ и сказалъ ему:

— Батюшка, не обидьтесь, Христа ради, что я скажу вамъ.

— Что, что такое? съ торопливостью спрашивалъ онъ, догадавшись по моему голосу что дѣло серіозное.

— Такъ и такъ, говорю,

И разсказалъ я ему какъ, по словамъ А. А. С., извощикъ Степка Бородастый и сыщикъ Васька хотятъ его въ П—скихъ баняхъ изловить.

— Пожалуста ты объ этомъ помолчи, сталъ упрашивать меня Иванъ Матвѣевичъ въ большомъ страхѣ.— Только все это, говоритъ, — на меня по сердцамъ взводятъ напраслину.

Когда же я съ однимъ пріятелемъ ѣхалъ съ поминокъ, оба мы увидѣли попа ѣдущимъ по П—скому мосту въ крытой пролеткѣ съ большимъ кулькомъ. Нашихъ поклоновъ онъ какъ будто и не замѣтилъ, уткнулся такъ-то внизъ и ровно думаетъ о чемъ. А чего тамъ думать? Всѣ мы его такую слабость къ деньгамъ и женщинамъ знали, потому намъ всѣмъ извѣстно было какъ онъ купилъ Аннѣ Ѳедоровой домъ у Троицы въ С—кахъ и имѣлъ отъ нея сына. Тысячъ сто у него промоталъ этотъ сынъ. Такого мота и кутилы свѣтъ рѣдко видѣлъ.

По истинѣ сказать, ровно свѣтопреставленіе настало у насъ на кладбищѣ послѣ ссылки Александра Ивановича. Поповъ отъ ссоръ никакъ не могли унять попечители. Лишь только одинъ взойдетъ въ часовню, другой сейчасъ же уходитъ, не докончивши службы, и грызлись они между собою не на животъ, а на смерть. Пѣвчіе тутъ у насъ на кладбищѣ были, Евсей Мартыновъ и Василій Пименовъ: такъ эти мошенники, воспользовавшись участіемъ общества къ сосланному Александру Ивановичу, котораго прихожане, смотря на безурядицу между оставшимися попами, все больше и больше уважать начинали, стали ходить по рядамъ и дѣлать великіе сборы аки бы въ пользу Александра Ивановича. Очень много надавали имъ всякаго добра, только Александру Ивановичу изъ этого добра можетъ десятая часть досталась, а остальное все эти разбойники въ Костромѣ промотали.

Какъ пѣвчіе пьянствовали и развратничали въ Костромѣ и сколь много такимъ своимъ зазорнымъ поведеніемъ Александру Ивановичу горя они причинили, отъ него самого слышалъ я своими собственными уша-

ми, ибо однажды отъ Макарья изъ Нижняго пріѣзжалъ къ нему въ Кострому. Въ другой разъ я былъ съ женою и вдоволь мы съ нею насмотрѣлись на его горькое житье-бытье; только душу тѣмъ и отводилъ, что вотъ изъ Москвы кто къ нему наѣдетъ.

Въ послѣдній разъ мы жили у него цѣлую недѣлю, и въ этотъ разъ я былъ очевидцемъ такого случая.

Много насъ сидѣло у отца Александра въ полиціи и чай пили. Тутъ же былъ и самъ полицеймейстеръ. Только вдругъ нежданно-негаданно прямо въ полицію хлопъ чиновникъ отъ самого министра. Посмотрѣлъ онъ такъ-то на насъ, пристально посмотрѣлъ, и сказалъ полицеймейстеру:

— Не стыдно тебѣ, старичокъ, съ арестантомъ чай пить.

Вспыльчивое сердце имѣя, хотѣлъ-было я отвѣтить тому чиновнику что съ такимъ арестантомъ не только полицеймейстеру, и самому ему не стыдно чаю накушаться; однакоже скрѣпился и промолчалъ, потому весь помертвѣлъ полицеймейстеръ отъ такихъ чиновниковыхъ словъ и затрясся.

III.

Я въ старые годы былъ однимъ изъ десяти повѣренныхъ членовъ при тайныхъ совѣщаніяхъ по Р—скому кладбищу. Доподлинно извѣстно мнѣ какъ писались просьбы на высочайшее имя, къ кому онѣ отвозились для поправки, какія письма получались отъ иногородной братіи, словомъ, безъ похвальбы сказать, бывали такія дѣла, по которымъ попечители, не могши ихъ

рѣшить сами, обращались за совѣтами къ вышеупомянутымъ мною повѣреннымъ, а въ томъ числѣ и ко мнѣ. Такъ однажды получили мы приглашеніе быть на совѣтъ къ попечителю С. Р.

Собравшись къ С. Р. мы узнали отъ него такого рода исторію.

— Вотъ, господа, говоритъ С. Р., — получили мы письмо отъ наложницы Петра Ермиловича. Не угодно ли прочитать?

Мы изъявили согласіе выслушать. Наложница въ томъ письмѣ жаловалась попечителямъ на священника Петра Ермилова, что онъ, много лѣтъ имѣя съ нею любовную связь, теперь оставляетъ ее, ничѣмъ не обезпечивши ни ее, ни ея дитя. «Обращаюсь, говоритъ, къ вамъ, господа, съ покорнѣйшею просьбою удовлетворить мои законныя требованія: въ противномъ случаѣ я подамъ на вашего попа просьбу высшему начальству.»

По прочтеніи сего письма, всѣ старики повѣсили головы. Долго такимъ образомъ продолжалось грустное молчаніе и наконецъ уже А. Д. Ш. прервалъ его своимъ вопросомъ:

— Что же, господа, были ли вы у этой самой женщины?

Попечители сказали что были.

— Сколько же она проситъ на мировую?

— Сто тысячъ.

Какъ громомъ поразила насъ эта страшная сумма. Тогда еще на ассигнаціи считали.

— Ну, господа, это дорого, проговорилъ А. Д. Ш.— Поѣдемте-ка сами къ Петру Ермиловичу. Что онъ скажетъ. Можетъ какъ-нибудь подешевле обдѣлаемъ дѣло.

Увидѣвши насъ въ своей кельѣ, Петръ Ермиловичъ

очень удивился такому многолюдному сборищу, однакоже благословивши насъ, спросилъ:

— Что это вы ко мнѣ такіе встревоженные пріѣхали?

— Знаете ли вы, батюшка, такую-то дѣвицу? спросилъ его А. Д. Ш.

Священникъ, помолчавши не много, отвѣтилъ безъ запинки что знаетъ.

— Вотъ мы отъ нея получили письмо такое и такое. Все въ подробности разсказали ему какое письмо.

Петръ Ермиловичъ послѣ такихъ словъ заплакалъ и хотѣлъ-было броситься намъ въ ноги, но мы его удержали.

— Не слѣдуетъ тебѣ кланяться намъ въ ноги, потому ты намъ духовный отецъ, а ты лучше скажи намъ: что намъ теперь дѣлать.

— Я, отвѣтилъ намъ Петръ Ермиловичъ, — и самъ не знаю что дѣлать. Но вы вспомните, что для васъ я оставилъ церковь, вспомните какъ вы меня сманивали и обѣщались всегда выручать. Вотъ и выручайте теперь, а я дѣйствительно грѣшенъ, потому сами вы знаете, что жена моя умерла, недѣли не проживши на кладбищѣ. Беременная она изъ бани зимой безъ сорочки прибѣжала, потому настращалъ ихъ кто-то въ банѣ и все платье укралъ. Богъ за отступничество мое наказалъ меня и я, по тогдашней моей молодости, связался съ этой женщиной; но это она вретъ что я оставляю ее безъ всякаго обезпеченія. Концакрая нѣтъ разнымъ подаркамъ, которые я передарилъ ей во время нашей связи. Теперь же, находясь при старости лѣтъ, я оставляю ее и чистосердечно вамъ

каюсь въ моемъ грѣхѣ. Простите меня, Христа ради, и помогите.

При этомъ онъ опять хотѣлъ намъ упасть въ ноги, но мы до этого своего духовнаго отца все-таки не допустили.

— Если я вамъ нуженъ, умолялъ насъ Петръ Ермиловичъ, — помогите мнѣ. Если же нѣтъ, я за грѣхи мои готовъ нести должное наказаніе. Пусть правосудіе поразитъ меня.

Всѣ мы были очень тронуты слезами Петра Ермиловича и долгое время стояли безмолвны. Наконецъ А. Д. Ш. сказалъ собранію.

— Что же, господа, стоять-то здѣсь? Пойдемте въ контору, тамъ подумаемъ, а ты, батюшка, благослови насъ вкупѣ именемъ Господнимъ.

Благословилъ насъ всѣхъ Петръ Ермиловичъ, и мы, поклонившись ему до земли, пошли въ контору. Только и тутъ долгое время сидѣли безъ словъ, потому мысли никакой ни къ кому въ голову не входило. Такъ насъ эта исторія одурманила. Сидимъ мы такъ-то и думаемъ: что дѣлать? Только почтенный старецъ В. Е. С., слѣпой уже, заговорилъ:

— Не хочу предавать на посмѣяніе моего духовнаго отца. Жертвую для утушенія этого дѣла десять тысячъ рублей.

Послѣ такой рѣчи, Ш. сказалъ попечителямъ:

— Съѣздите, господа, къ этой женщинѣ, поторгуйтесь еще съ ней. Можетъ она возьметъ подешевле Какую сумму положитъ она рѣшительно, такую мы и соберемъ здѣсь.

Послушались этого совѣта попечители и упросили ту женщину помириться на 35.000 рублей.

Спустя уже довольно много времени, А. Д. Ш. говорилъ мнѣ, что такую штуку смастерилъ самъ Петръ Ермиловичъ, для того чтобы знать какъ цѣнятъ его прихожане, да кстати уже и деньги, должно быть, ему были надобны. Послѣ, достовѣрно многимъ извѣстно, попъ къ любовницѣ той попрежнему ѣздилъ.

А то еще другую исторію учинилъ съ обществомъ этотъ же самый попъ Петръ Ермиловичъ. Просваталъ онъ дочь свою Макару Петровну за одного штабсъ-капитана. Кладбищенскіе подняли большой ропотъ: какъ де такъ попъ нашъ выдаетъ свою дочь за церковнаго и къ тому же еще за благороднаго? Собрали мы по этому дѣлу совѣтъ, потолковали и послали за попомъ, который въ скорости и явился.

Пришедши на совѣтъ, Петръ Ермиловичъ, какъ и быть должно, честь честью помолился, благословилъ насъ, раскланялся и сѣлъ. Тутъ ему и предложили вопросъ:

— Правда ли, дескать, отецъ Петръ, что вы дочь выдаете за церковнаго и за благороднаго?

— Правда, говоритъ.

Мы ему стали въ это время представлять разные резоны какъ намъ это непріятно и начали уговаривать его, чтобы онъ отказалъ дочернину жениху, и, когда мы уже очень пристально уговаривали его, онъ согласился на наши просьбы и сказалъ:

— Хорошо. Пусть будетъ по вашему; только, говоритъ,—и вы пожалуста не откажите мнѣ въ чемъ я васъ буду просить.

Мы согласились, думая, что онъ будетъ просить на приданое, но какая же была его просьба? Въ жизнь никто не угадаетъ.

Сидѣлъ тутъ съ прочими И. Т. С., такъ Петръ Ермиловичъ неожиданно обратился къ нему и сказалъ:

— И тебѣ, говоритъ, — И. Т., хочется чтобы я отказалъ жениху?

— Да, говоритъ И. Т., — хочется.

— Ну такъ, говоритъ,—быть по твоему. Только же сдѣлай и ты теперь по моему: возьми мою дочь за себя.

Неожиданное предложеніе было отвергнуто всѣми, за кого только Петръ Ермиловичъ предлагалъ свою дочь. Когда же съ предложеніемъ своимъ попъ обошелъ всѣхъ присутствующихъ и всѣ ему отказали, онъ произнесъ намъ слѣдующее:

— Какъ же вы такъ ближняго своего просите, чтобы онъ сдѣлалъ по вашему, а сами его желанія исполнить не хотите? Развѣ я могу принуждать свою дочь выйдти за того, за кого мнѣ хочется, а не за того, кто ей нравится? Дураки вы! Всѣ вы дураки безтолковые! Скоты необузданные! Своихъ носовъ не видите, а въ чужія дѣла суетесь.

И съ этими словами взялъ онъ свою шапку и, ни съ кѣмъ не простясь, вышелъ изъ собранія, такъ сильно хлопнувъ дверью, что стѣны затряслись и зазвенѣли стекла.

IV.

Очень меня поразилъ разговоръ съ однимъ моимъ пріятелемъ К. Многіе мои знакомые старообрядцы и прежде сего такія же рѣчи со мною говаривали.

— Ясно вижу, говорилъ К., — что нахожусь въ сильномъ заблужденіи и желаю отстать отъ него, но никакъ не могу съ домашними сладить. Знать и мнѣ и

дѣтямъ моимъ такъ и придется оставаться въ безбожіи, потому къ австрійскимъ попамъ ходить не хожу—совѣсть запрещаетъ, а въ церковь — не велятъ домашніе. Такъ ужь я положилъ себѣ лучше покуда не ходить. По этому случаю совсѣмъ теперь отъ Господа Бога отсталъ, десять лѣтъ у отца духовнаго на исповѣди не былъ, потому насчетъ своихъ поповъ большое сомнѣніе имѣю, смотря на то какъ въ недавнее еще время бывшій ямщикъ, или цеховой, или простой мужикъ, едва знающій азбуку по складамъ разбирать, теперь служитъ литургіи и совершаетъ божественныя тайны. А душа моя безъ религіи постоянно въ сильной жаждѣ находится, видя какъ прочіе православные, примѣрно на первой недѣлѣ великаго поста, какъ въ Ноевъ ковчегъ толпами идутъ въ святую церковь. Что мнѣ дѣлать теперь? спрашивалъ меня К. — И кромѣ того что домашніе не велятъ мнѣ ходить во всероссійскую церковь, самъ я тоже сомнѣніе къ ней имѣю, потому небреженіе къ службѣ и въ ней я большое видѣлъ. Не только дьячки тамъ бритые, въ церкви безъ зазора табакъ нюхаютъ, читаютъ такъ что ничего не разберешь, — самые священники даже примѣромъ, ежели кадиломъ, такъ не кадятъ, а какъ будто потѣхи ради махаютъ, а таковому маханію скорому всѣ бѣсы радуются.

Я тогда сказалъ ему:

— Почему же вы къ намъ въ единовѣрческую не ходите? У насъ соблюдается весь древній порядокъ и въ службѣ и въ моленіи.

— Бывалъ я у васъ неоднократно, отвѣтилъ мнѣ К., — и точно: у васъ и мнѣ, и многимъ другимъ очень понравилось; но противъ васъ наши австрійскіе сильно

вооружены. Они говорятъ, что менѣе грѣха войдти въ великороссійскую церковь нежели къ вамъ, потому что тѣ не были нашими и отъ роду своего истины не познали; а вы-то, хотя и были научены истинѣ, но отступили отъ нея. Іудѣ всѣхъ васъ приравниваютъ наши старцы и старицы, а попы большія и строгія эпитеміи накладываютъ на тѣхъ, про кого ежели узнаютъ, кто хоть изъ любопытства просто нобывалъ у васъ. Старица Пульхерія говоритъ, что отъ кадилъ даже отъ вашихъ исходитъ не благоуханіе, а смрадъ, — покойниковъ мимо вашей церкви несть не велитъ.

И очень тутъ тревожился К. о душѣ своей, до великихъ и горькихъ слезъ даже тревожился, потому пристани не видѣлъ онъ ни откуда: ни къ тому, ни къ другому краю пристать не могъ; однакоже я, сколько возможно мнѣ было, успокоилъ и образумилъ его, сказавъ ему:

— Я думаю, что ваши попы и старицы съ хитростію и коварствомъ такъ порочатъ вамъ нашу единовѣрческую церковь и запрещаютъ ходитъ въ нее, и именно для того чтобы вы не откачнулись отъ нихъ, увидѣвши у насъ всѣ древніе истинные обряды.

И еще сказываю: многіе такъ-то изъ старообрядцевъ, пожалуй еще пуще К., крушатся и тоскуютъ отъ своихъ сомнѣній, которыя, какъ нѣкая буря, волнуютъ и ужасаютъ ихъ души.

V.

Близко видя разныя неурядицы въ нашемъ обществѣ и понявъ наконецъ свое заблужденіе, я задумалъ оставить старообрядчество. Вотъ и поѣхалъ я

къ Р., чтобы посовѣтоваться съ нимъ на этотъ счетъ, потому что былъ онъ человѣкъ богатый, на кладбищѣ пользовался огромнымъ вліяніемъ и всѣ почитали его человѣкомъ самымъ умнымъ. Пріѣхавши къ Р., я началъ говорить ему о тѣсныхъ нашихъ обстоятельствахъ, о томъ что у насъ изсякло священство, объяснилъ ему мою скорбь о томъ, что умеръ мой духовный отецъ Иванъ Матвѣевичъ, посѣтовалъ, грѣшный человѣкъ! на своекорыстнаго попа Петра Ермиловича и наконецъ сталъ просить его добраго совѣта, думая, что онъ, какъ умный человѣкъ, успокоитъ мою душу.

Но какія же Р. мнѣ представилъ доказательства, чтобы я не перемѣнялъ своей вѣры?

— Нѣтъ, сказалъ онъ,—не дѣлай ты этого, потому, говоритъ, — кто перемѣняетъ старую вѣру, всѣ разоряются!

Тутъ онъ мнѣ представилъ въ примѣръ купцовъ А., Я. и Ш.

— Вотъ, говоритъ,—тѣ разорились всѣ, и съ дѣтями нѣкоторыхъ изъ нихъ большія несчастія происходили, а намъ явно, говоритъ,—Господь помогаетъ.

— А какъ же, спрашиваю я,—отчего же обнищали многіе изъ нашихъ богачей, хотя въ своей вѣрѣ по прежнему оставались?

И я тоже представилъ ему много примѣровъ.

— Ну, говоритъ, напрасно ты думаешь даже объ этомъ, потому грѣхъ великій такъ-то толковать. Была на такое ихъ обнищаніе воля Божья: вотъ тебѣ и все.

И сталъ меня послѣ этого Р. какъ малаго ребенка стращать.

— Ежели, говоритъ,—ты вѣру свою перемѣнишь, такъ, когда умирать будешь, лютый звѣрь всего тебя изгрызетъ, страшныя нѣкія привидѣнія явятся къ тебѣ и вытянутъ у тебя языкъ на поларшина или болѣе. Я, говоритъ,—самъ былъ очевидцемъ такой смерти вольскаго купца З., который изъ саратовскихъ первымъ отступникомъ былъ.

Видя его такой разумъ, я не сталъ спорить съ нимъ, а онъ молчаніе мое счелъ знакомъ, что я такія его бабьи мысли раздѣляю и отъ начинанія своего отстаю. По этому случаю онъ приказалъ подать самаго лучшаго вина, которымъ угощая меня, вмѣстѣ съ симъ дѣлалъ толкованія на пророковъ: Исаію, Іосію, Аммоса и Даніила, для моего назиданія, яко бы тѣ пророки про наше Р—ское кладбище пророчествовали много разъ и что они же будто говорятъ, что истинная церковь въ пустыню на Керженцы и въ слободы удалилась.

Не чаялъ я конца такому его многоглаголанію и едва-едва отъ него вырвался.

Послѣ уже узналъ я, что Р. очень любилъ затащить къ себѣ кого-нибудь въ домъ и писаніе тому человѣку по-своему толковать, и такъ какъ онъ имѣлъ три милліона на серебро, то многіе волей или неволей его слушали, хотя всѣмъ было извѣстно, что грамотѣ онъ учился въ Гуслицахъ у одной старухи за три рубля ассигнаціями за всю выучку огуломъ.

VI.

Всѣмъ извѣстно, что предки наши содержавши, также какъ и мы, древлеправославную грекороссійскую

вѣру, будучи отъ лѣтъ патріарха Никона и до митрополита Амвросія въ крайней нуждѣ по неимѣнію у себя православнаго епископа, принимали къ себѣ, на основаніи 8-го правила перваго вселенскаго собора, приходящихъ отъ великороссійскихъ церквей священниковъ и считали оныхъ дѣйствительно православными. Когда же благоволеніемъ Божіимъ возстановлена въ нашей святой церкви священнѣйшая іерархія, по случаю принятія митрополита Амвросія отъ греческой церкви, что произошло не основаніи того же 8-го правила перваго вселенскаго собора, тогда слѣдственно и всѣ епископы и священники, рукоположенные имъ, должны быть почитаемы истинными служителями церкви и совершителями таинствъ, потому что митрополитъ Амвросій, какъ принятый на основаніи вселенскихъ правилъ, есть истинный архипастырь и словеснаго стада Христова блюститель. Такъ объ этомъ понималъ, долгое время существовавшій на Р—скомъ кладбищѣ, благоразумный вѣчно блаженныя памяти священникъ Иванъ Матвѣевичъ. Такъ и тульскій попъ Павелъ понималъ въ то время о нашей священной іерархіи, признавая ее дѣйствительно православною. Доказательствомъ такихъ Павловыхъ убѣжденій служитъ то, что когда въ 1847 году московскій гражданинъ Ѳ. В. Ж. привезъ изъ бѣлокриницкой митрополіи святое мyро, освященное митрополитомъ Амвросіемъ, и святые дары, еже есть запасный агнецъ тѣла и крови Христовой, оный тульскій попъ Павелъ, принявъ отъ Ж. и святые дары и святое мyро, съ благоговѣніемъ и духовною радостію пользовался ими при крещеніи и причащеніи. Послѣ того онъ нѣсколько разъ заимствовался святыми дарами на Р—скомъ кладбищѣ. Такимъ родомъ ви-

димо теперь всякому, что Павелъ находился съ нашею святою церковію въ тѣсномъ соединеніи.

Между тѣмъ въ продолженіе сего времени священство наше почти повсемѣстно распространилось по Россіи, вслѣдствіе чего многіе изъ духовныхъ попа Павла дѣтей, а въ особенности въ отдаленности живущіе, перестали для исправленія духовныхъ требъ обращаться къ нему. Почему Павелъ, будучи объятъ завистью, или, просто и справедливо сказать, бѣсомъ сребролюбія яко бы подъ предлогомъ сомнѣнія въ дѣйствительной святынѣ нашей іерархіи, началъ оказывать отвращеніе отъ оной и наконецъ въ недавнее время, совсѣмъ отдѣлившись отъ древлеправославной церкви, сдѣлался сущимъ ея врагомъ и раздорникомъ. А что онъ Павелъ учинилъ церковный раздоръ не по уважительнымъ причинамъ, а единственно изъ корыстолюбивыхъ видовъ, несомнительно доказывается его безгласностію въ то время, когда многіе благонамѣренные христіяне и самые тульскіе попечители представляли ему вѣрныя и неопровержимыя доказательства, что онъ не долженъ имѣть никакого сомнѣнія въ святости возстановленной іерархіи нашей, поелику хотя оная недовѣдомыми судьбами Божіими на время и прекращалась, но и паки, на основаніи соборныхъ правилъ, возсуществовала въ лицѣ принятаго отъ греческой церкви митрополита Амвросія.

Оставшись глухъ къ симъ доказательствамъ, Павелъ не только самъ рѣшился противустать церкви нашей, но многихъ всѣми силами своими старался вооружить противъ нея, запрещая имъ подъ клятвою не имѣть сообщенія въ моленіи съ послѣдователями древлепра-

вославнаго христіянства и притомъ внушая имъ клеветы на древлецерковныхъ пастырей.

Итакъ попъ Павелъ, за наглое и дерзкое раздираніе церковнаго единенія, за самопроизвольное отправленіе священнодѣйствій лишенный епископскаго благословенія, за прочія беззаконія подлежалъ изверженію изъ священнаго сана, конечному отлученію отъ церкви и проклятію, какъ покажутъ нижеслѣдующія святоотческія доказательства.

1-е. Поелику попъ Павелъ принятъ на томъ же основаніи и отъ такой же точно ереси, какъ и митрополитъ Амвросій, то онъ непремѣнно долженъ былъ подчинить себя власти сего архипастыря, а когда онъ изъ корыстолюбивыхъ, какъ уже выше сказано, видовъ и еще быть-можетъ по причинѣ своей невоздержной жизни, священнымъ лицамъ отнюдь непозволительной, учинить сего не хочетъ, а между тѣмъ священнодѣйствовать продолжаетъ, — въ такомъ случаѣ явно дѣлается священнодѣйствующимъ безъ воли епископа и даже безъ рукоположенія. Святыхъ же отецъ 55-е правило по этому случаю говоритъ слѣдующее: «Епископъ глава есть церкви, а пресвитеръ и діаконы по образу суще рукъ, яко тѣми церковное правленіе содѣваетъ епископъ.» Въ 39-мъ правилѣ сказано такъ: «Безъ воли епископа своего пресвитеры, или діаконы, да не творятъ ничего же. Тому бо суть поручини людіе Господни.» Карѳагенскаго собора въ правилѣ 43-мъ говорится: «Кающимся противу грѣховъ епископъ даетъ запрещеніе; пресвитеръ ни безъ воли его, ни нужда нашедши, не разрѣшитъ кающагося.» Большой Іосафовскій требникъ такъ говоритъ: «Вѣдомо буди: аще кто безъ повелѣнія мѣстнаго епископа дерзнетъ пріи-

имати помышленія и исповѣди, сицевый по правиломъ казнь пріиметъ, яко преступникъ божественныхъ правилъ, ибо не точію себе погуби, но и елицы у него исповѣдашася, не исповѣдани суть, и елицѣхъ связа, или разрѣши, не исправлени суть.»

2-е. Церковнымъ раздоромъ, который тульскій попъ Павелъ учиналъ ежедневно по пристрастію къ сребролюбію и любоначалію, онъ Павелъ столь тяжко согрѣшаетъ, что и мученическою кровью его грѣхъ тотъ заглаженъ быть не можетъ. «Ничто же тако раздражаетъ Бога, яко еже церкви раздѣлятися, говоритъ святый Іоаннъ Златоустъ въ бесѣдахъ апостольскихъ къ Ефесеямъ. — Аще и безчисленная будемъ содѣявше благая, отъ иже тѣло его пресѣцающихъ, не меньшую пріиметъ казнь ссѣцающе исполненіе церковное.» Ниже: «Мужъ же святый нѣкій рече: ни же мученическая кровь можетъ загладити сего грѣха.» Тотъ же святый Іоаннъ Златоустъ въ толковомъ Апостолѣ на зачало 108-е говоритъ такъ: «Тайны безъ единости церкви христіянскія ничесо же суть, ибо всѣмъ отлучившимся отъ единенія церковнаго Богъ пророкомъ рече: послю на вы клятву и прокляну благословеніе ваше и окляну е и разорю благословеніе ваше и не будетъ е въ васъ.» И наконецъ

3-е. Попъ Павелъ, имѣя у себя двухъ сыновей, которые оба еретики, выстроилъ имъ домъ и наградилъ ихъ своимъ имѣніемъ, пріобрѣтеннымъ отъ священнослуженія, за что подлежитъ анаѳемѣ. Объ этомъ 22-е правило карѳагенскаго собора говоритъ такъ: «Епископы и причетницы еретикомъ, аще и сродницы имъ суть, да не даруютъ имъ отъ своего ничесо же, ни прибытка имъ не сотворятъ.» Того же собора правило

говоритъ: «Епископъ еретикомъ, или еллиномъ наслѣдіе има, да будетъ проклятъ! Еретикомъ и отъ градскаго закона возбранено есть отъ христіянъ ни что же взимати, ни по завѣту наслѣдія поганымъ давати.» И преподобный Никонъ Черногорскій въ Тактикорѣ въ словѣ 32-мъ пишетъ: «Аще который епископъ наслѣдники, сродники, или, кромѣ своего сродства, еретики, или еллины предпочтетъ паче церкви, анаѳема таковому речется, и имя его никако же Божіими священниками воспоминается!» По симъ вышеписаннымъ соборнымъ правиламъ и святоотческимъ писаніямъ достовѣрно есть, что тульскій попъ Павелъ, за беззаконныя его дѣйствія церковному наказанію и даже анаѳемѣ подлежащій, никакого благословенія преподавать никому не можетъ. О чемъ святый Златоустъ въ толковомъ Апостолѣ пишетъ такъ: «Ибо ни единъ проклятый подаетъ благословеніе, понеже самъ не имѣетъ.»

Итакъ въ заключеніе съ прискорбіемъ скажемъ: коликихъ бѣдъ сребролюбіе и любоначаліе виновно! Сіи-то плачевныя въ человѣчествѣ пружины низвергли и тульскаго попа Павла въ ужасную пропасть заблужденія и за онымъ вовлекли нѣкоторыхъ простодушныхъ христіянъ въ столь великое прегрѣшеніе, его же, по святому Златоусту, ни же мученическая кровь можетъ загладити.

VIII.

ЛУКИ ТЕРЕНТЬЕВА ПОСЛАНІЕ, *)

КЪ

ВАСИЛЬЮ ИВАНОВУ ВЕРЕЙСКОМУ,

извѣстительное о смерти и погребеніи

ИЛЬИ АЛЕКСѢЕВА

КОВЫЛИНА.

—

Возлюбленный брате во Христѣ, во градѣ Верее и Боровскомъ, Василій Ивановичъ! Со всѣми братіями и сестрами отъ мала и до велика миръ вамъ отъ Отца небеснаго, и любви Сына Его Единороднаго, и дарованіе Духа Святаго, Господа истинна и отъ нашего смиренія благословеніе!

---

*) Лука Терентьевъ, ученикъ Ковылина и наставникъ на Преображенскомъ кладбищѣ, былъ уроженецъ села Спасскаго (Калуж. г. Малоярослав. уѣзда), извѣстенъ многими посланіями писанными имъ для ѳедосѣевскихъ общинъ въ Мологѣ, Угличѣ, Саратовѣ, Тамбовѣ, Пронскѣ, Малоярославцѣ, Коломнѣ и Сибири. Послѣ Ковылина, при слабомъ Гончаровѣ, Терентьевъ вмѣстѣ съ Сергѣемъ Яковлевымъ забрали въ свои руки всю власть на кладбищѣ и овладѣли правомъ опредѣлять наставниковъ въ иногородныя общины ѳедосѣевскія. На исповѣдь большая часть московскихъ ѳедосѣевцевъ ходила къ Терентьеву. Василій Ивановъ верейскій былъ наставникъ ѳедосѣевцевъ въ Верее и Боровскѣ и извѣстенъ какъ ревностный проповѣдникъ своего ученія въ тѣхъ мѣстахъ.

Насталъ у насъ новый и печальный случай, премѣнилась съ нимъ и свѣтлѣющаяся въ сердцахъ нашихъ радость. Обѣсихомъ органы наша отъ хранилища вѣчнаго соблюденія, апостоловъ красота церковная изшелъ, вообразите! Небесный облакъ мрачный покрылъ свѣтозарное солнце, навелъ нощь неблагополучную; плоды, не достигшіе зрѣлости, въ согнитіе изготовляются; цвѣты масти своя красныя оставляютъ; стебла расти престаютъ; христіянскіе роды отъ дѣлъ своихъ инуда въ своя кровы начинаютъ отходить; звѣріе въ пустынехъ воздвизаются; василиски возсвистали, нетопыри изъ хранилищъ поспѣшаютъ; совы нощныя очи протираютъ; кроты подземные выникаютъ. Охъ! Увы! Злосчастное время настоящее! Охъ! Увы! Плачевные дни насташа. Охъ! Увы! Часъ отъ часу течетъ, утѣхи ни малы не подаютъ, какъ то: всеобщественный христіянскій ходатай, любезный даръ церковный, неусыпный собратскій попечитель, покровъ нагимъ, подпора разслабленнымъ, жезлъ слѣпымъ, врачъ немощнымъ, церковная соль, и око ясное, любезный нашъ господинъ Илья Алексѣевичъ, охъ! увы! како, како изреку? како языкъ наострю? жалость наша неисповѣдимая! — позванъ Богомъ къ преселенію на онъ вѣкъ, во уготованное себѣ мѣсто, отдалъ долгъ естественный, скончалъ жизнь свою, всѣхъ увеселяющую, сего августа въ 21-й день *), въ половинѣ втораго часа по полудни, на память святаго апостола Ѳаддея и мученицы Вассы, въ субботу. При которомъ разлученіи чета старшинъ одръ обстояли; избранная плачевная гусль — лучшія изъ дѣвицъ — бряцала; орга-

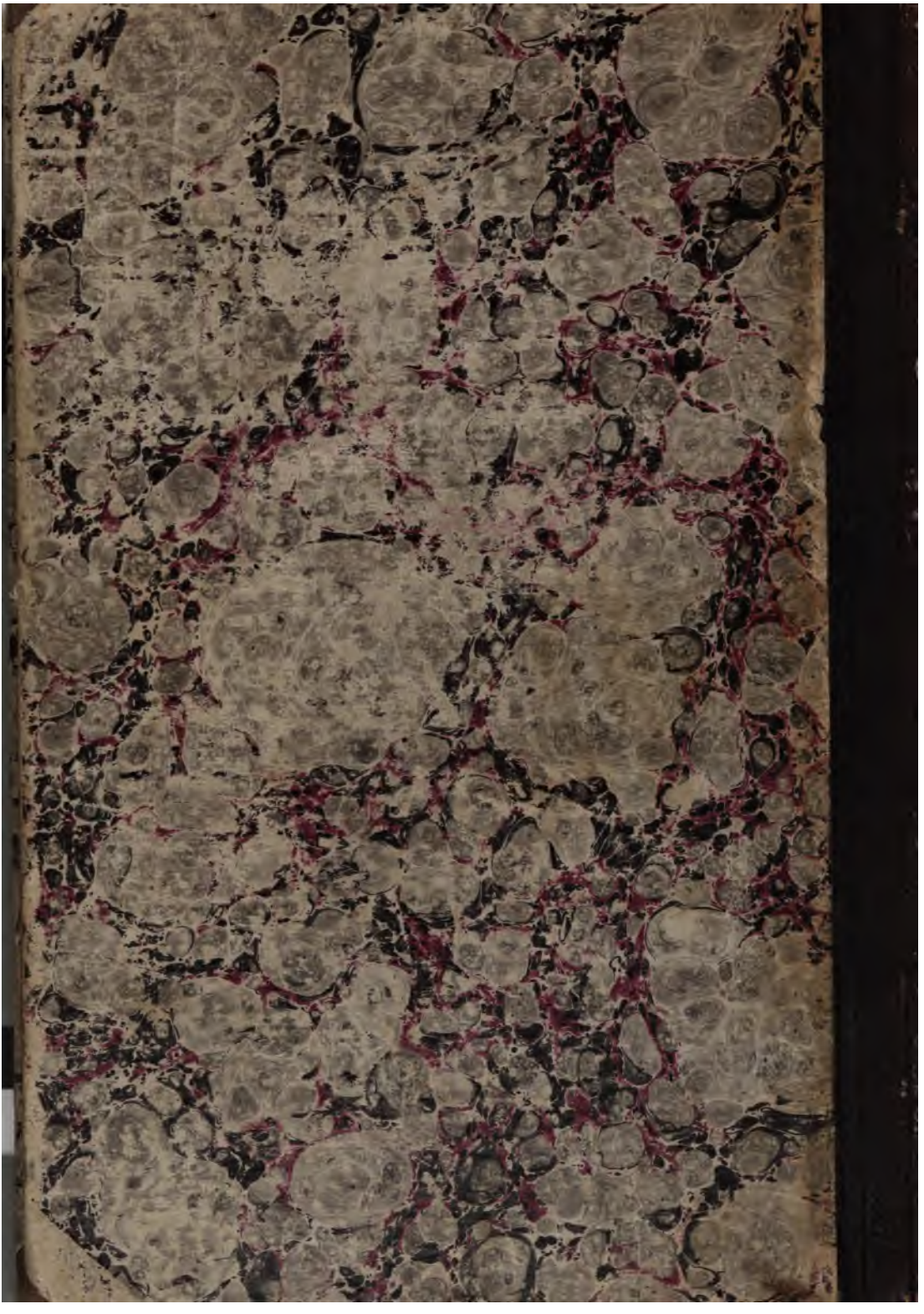
*) А не 19-го, какъ пишется въ исторіяхъ раскола.

ны старческія шумѣли, мужескіе духи отъ нѣдръ своихъ въ великой горячности курились, юношескіе взоры умильно обводимы, и прочіе всѣ потоки слезные проливали. Онъ же, любезный нашъ, очи къ образу возводилъ умиленно, прося ходатайства о мирномъ и спасенномъ исходѣ души своея; самъ при томъ пріятнѣйшія руки простирая предъ образомъ распятія Господня, непрестанно знаменіемъ оружія побѣдоноснаго ограждался. Настало какъ конечное разлученіе, подавалъ видомъ своимъ кроткое и мирное скончаніе; началъ потомъ пріятныя плещи подымати, и охъ! увы! думалъ еще продолжать таковое знаменіе, но абіе какъ *Достойно есть* запѣли, конечно исходить душа начинала, и въ самый отпустъ, нижнею губою конечный знакъ подавъ, преставился. Всѣ мы предстоящіе увидѣли безнадежную разлуку, суставами вострепетали, въ палатахъ всѣ возмятошася, пошли скорыя по всему граду печальныя вѣсти. Что тогда именитаго дворянства посѣщало, исчислить не можно; что всякаго народа,—словомъ сказать продолжительно. И какъ настало время изъ дому на кладбище преносити, какъ то въ недѣлю послѣ вечеренъ, наполнились народу палаты, намножился и дворъ весь, повсюду улицы всѣ заняли: не стало любезному тѣлу мѣста шествовать въ желанную свою обитель,—потребовалось самыхъ квартальныхъ и при нихъ солдатовъ. Они весь народъ распоряжали съ чрезвычайнымъ трудомъ. Трубами улицы отъ пыли поливали, а егда не случилось по скорости, отъ пыли множественнаго народа въ гортаняхъ занималось и съ великою трудностію едва до моленной донесоша. И какъ на одрѣ утружденное его старческое тѣло среди моленной поставиша, сово-

купльше лики пѣвцовъ избранныхъ, при многихъ тысящахъ обстоящаго внутрь и внѣ народа плачевную стихиру отъ лица сиротствующихъ всѣхъ шестымъ гласомъ воспѣша, которая нарочито ему сочиненная. Тогда услышались во многихъ предстоящихъ плачевные гласы, камень жестокій во умиленіе приводящіе. Дали потомъ всему множеству позволеніе идти на зрѣніе лица его, прекрасно, умильно сномъ вѣчнымъ почивающаго. Тогда до глубокія нощи каждый человѣкъ желанно взиралъ и внутреннюю любовь чрезъ слезы и пріятное ласканіе оказывалъ. По всемъ томъ отправленіи, старческая и дѣвическая чета яко гусль бряцала, и плачу свойственная дана имъ была стихира на пропѣтіе. Тогда умножилася въ нихъ тяжесть велія. Увы! Увы! Жалостно всѣ рыдали о отцѣ своемъ щедромъ и милостивомъ жалѣли; дана была имъ полная свобода на зрѣніе. И какія тако жалостныя рѣчи не употребляли, и какое пріятное объятіе гроба не чинили! Всякому можно знать ихъ свойства и егда могли восвояси ихъ во глубокую нощь возвратити. По прошествіи же печальныя тоя нощи вѣдалъ всякъ что въ понедѣльникъ будетъ погребеніе. Начали отъ самаго свѣта собираться настоящее извѣстнаго мѣста гражданство, какіе дворяне и именитые граждане, каретами отъ будки до ограды наполнили, а что прочихъ извощиковъ, тѣхъ мѣсто не вмѣстило, заняли отъ будки по улицѣ. Дворъ весь и моленна народомъ неизчисленно множествомъ наполненъ. Невѣроятно многимъ будетъ, однако объявляемъ: старѣйшіе люди увѣряютъ, которые могли, что при погребеніи князей и самыхъ монарховъ не было столько простаго и тамъ народа. Настало время когда быть погребенію, отданъ

офицерамъ и солдатамъ отъ насъ приказъ, чтобъ моленну отъ народа очистить, и то съ трудомъ выполнили. Поставили у всѣхъ дверей солдатовъ и самыхъ настоящихъ офицеровъ, и какъ въ колоколъ зазвонили, возмялся весь народъ, а паче наши христіяне, печалію и робостію, чудно сказать, яко о сродникѣ. Тогда ко офицерамъ приставленъ братъ Алексѣй *), чтобъ кромѣ христіянъ никого не пущать; однако усилилось именитое гражданство; много изъ мірскихъ лучшихъ, также изъ дворянъ обоего пола впущаемы были. Не облѣнился тогда быть и самъ оберъ-полицеймейстеръ **) и полицеймейстеръ съ другимъ генераломъ ***), и умильно смотрѣли на лицо его; однако вышелъ на волю. Продолжали какъ чинъ погребенія, ждали внѣ моленной также и все множество безчисленное народа, и наконецъ приказъ отданъ былъ чтобъ изъ моленной не выходили; и едва по прощеніи управились и съ трудомъ вынесли любезное тѣло: для проходу мѣсто едва могли очищать майоры, офицеры и солдаты, и напередъ шли съ Андреемъ Тимоѳеевичемъ Заикинымъ тѣ генералы. И какъ дошли прямо вратъ женской обители, выведены были всѣ сиротствующіе, которые смогли, а попреди ихъ книжныя дѣвицы. Нарочито для прощанія остановя мало гробъ, дали имъ издали прощаться, каковыя со слезами гласы простирали. Словомъ сказать, самая тварь нечувственная не причаст-

*) Алексѣй Терентьевъ, братъ Луки, извѣстенъ посланіями къ ѳедосѣевцамъ малоярославскимъ. Онъ опровергалъ необходимость браковъ и многихъ въ Москвѣ обратилъ въ расколъ. Умеръ въ 1819 году.

**) Генералъ-майоръ Ивашкинъ.

***) Московскимъ комендантомъ.